EMORY
UNIVERSITY
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso06push

А. С. ПУШКИНЪ
VI

LR
P9874
1921
Pushkin, Aleksandr Sergeyevich

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe Sobranie Sochinenij

А. С. ПУШКИНА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

HS-9379
15.3.47

1922

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»
[Berlin]

СТАТЬИ
ЗАМѢТКИ
ДНЕВНИКИ

1815 г.

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМЪ

Шах — никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. — Шах — не имѣетъ большова вкуса, онъ худой писатель. — Что жъ онъ такой? не глупой человѣкъ, — который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ (другихъ), пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи.

Онъ написалъ Новаго Стерна; холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевиль Ломоносовъ: представилъ отца русской поэзіи въ кабакѣ, и заставилъ его нѣмцамъ говорить дерзкіе свои стихи и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ Казакъ-Стихотворецъ: въ немъ есть щастливыя слова, пѣсни замысловатыя, — но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки. — Маруся занимаетъ, но всѣ прочія холодны и скучны.

Не говорю о Встрѣчѣ незваныхъ — пустомъ представленіи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму Шубы, и всѣ дрожатъ.

Наконецъ онъ написалъ Кокетку.

И наконецъ написалъ онъ комедію, хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій, лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ — и въ Липецкъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на-ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія.

1819 г.

МОИ ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ РУССКОМЪ ТЕАТРѢ

Должно ли сперва поговорить о себѣ, если захочешь поговорить о другихъ? Нужна ли старая маска Лужническаго пустынника для безымяннаго критика Исторіи К(арамзина)? Должно ли укрываться въ чухонскую деревню дабы сравнивать нѣмку Ленору съ Шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели наконецъ необходимо для любителя Франц. Акт. и ненавистника Руск. театра прикинуться кривымъ и безрукимъ Инвалидомъ, какъ будто потерянный глазъ и оторванная рука даютъ полное право и криво судить и не умѣть писать по Руски? Думаю что нѣтъ, и потому не прилагаю здѣсь ни своего послужнова списка, ни свидѣтельства о Рожденіи, ни росписи своимъ знакомымъ и друзьямъ, ни собственной Апологіи. Читатель, которому нѣтъ до меня никакой нужды, этимъ нимало не оскорбится, и если ему нечего дѣлать то пробѣжитъ мои замѣчанія объ Рус. Театрѣ, не заботясь, по какому поводу я ихъ написалъ и напечаталъ.

Публика образуетъ драматическіе таланты. Что такое наша Публика?

Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета молодой человѣкъ гуляетъ по всѣмъ десяти рядамъ крѣселъ, ходитъ по всѣмъ ногамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» — «Отъ Сем...(еновой), отъ Сосн...(ицкаго), отъ Кол...(осовой), отъ Ист...(оминой).» — «Какъ ты щастливъ!» — «Сегодня она поетъ — она танцуетъ — похлопаемъ ей — вызовемъ ее! она такъ мила! у ней такіе глаза! такія ножки! такой талантъ!» — Занавѣсъ подымается. Молодой человѣкъ, его пріятели переходя съ мѣста на мѣсто восхищаются и хлопаютъ. Не хочу здѣсь обвинять пылкую, вѣтреную молодость, знаю, что она требуетъ снисходительности. Но можно ли полагаться на мнѣнія таковыхъ судей?

Часто пѣвецъ или пѣвица, заслужившіе любовь нашей публики, фальшиво дотягиваютъ арію Боэльдьэ или della Maria. Знатоки примѣчаютъ, любители чувствуютъ. Они молчатъ изъ уваженія къ таланту. Прочіе хлопаютъ изъ довѣренности и кричатъ форо изъ приличія.

Траг(ическій) Акт(еръ) зареветъ громче сильнѣе обыкновеннаго; оглушенный раёкъ приходитъ въ изступленіе, театръ трепещетъ отъ рукоплесканій.

Актриса... Но довольно будетъ, если скажу, что невозможно цѣнить таланты нашихъ Актеровъ по шумнымъ одобреніямъ нашей Публики.

Еще замѣчаніе. Значительная часть нашего Партера (т. е. крѣселъ) слишкомъ занята судьбою Европы и отечества, слишкомъ утомлена трудами, слишкомъ глубокомысленна, слишкомъ важна, слишкомъ осторожна въ изъявленіи душевныхъ движеній дабы принимать какое нибудь участіе въ достоинствѣ драматическаго искусства (къ тому

же — Рускаго), и если въ половинѣ седьмова часа одни и тѣ же лица являются изъ казармъ и совѣта занять первые ряды абон(ированныхъ) крѣселъ, то это болѣе для нихъ условный этикетъ, нѣжели приятное отдохновеніе. Ни въ какомъ случаѣ невозможно требовать отъ холодной ихъ разсѣянности здравыхъ понятій и сужденій и того менѣе движенія какого нибудь чувства. Слѣдовательно они служатъ только почтеннымъ украшеніемъ Большого каменнаго театра, но вовсе не принадлежатъ ни къ толпѣ любителей, ни къ числу просвѣщенныхъ или пристрастныхъ судей.

Еще одно замѣчаніе. Сіи великіе люди нашего времени, носящіе на лицѣ своемъ однообразную печать скуки, спѣси, заботъ и глупости, неразлучныхъ съ образомъ ихъ занятій, сіи всегдашніе передовые зрители нахмуренные въ комедіяхъ, зѣвающіе въ трагедіяхъ, дремлющіе въ операхъ, внимательные можетъ быть въ однихъ только балетахъ не должны ли необходимо охлаждать игру самыхъ ревностныхъ нашихъ Артистовъ и наводить лѣнь и томность на ихъ души если природа одарила ихъ душою.

Но посмотримъ, достойны ли Рускіе Актеры такова убійственнаго равнодушія. Разберемъ отдѣльно трагедію, комедію, оперу и балетъ и постараемся быть снисходительными и строгими но особливо безпристрастными.

Говоря объ Руской трагедіи, говоришь о Семеновой — и, м(ожетъ) б(ыть), только объ ней. Одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная фр(анцузская) Актриса Жоржъ и вѣчно восторженный

поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства которое поняла она откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный, приятный и часто порывы истиннаго вдохновенія, все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія нещастнаго Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измѣренныя строки Лобанова; въ ея устахъ понравились намъ славянскіе стихи Катенина полные силы и огня но отверженные вкусомъ и Гармоніей. Въ пестрыхъ переводахъ составленныхъ общими силами и которые, по нещастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову и Геній Актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрѣкается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы. Пристрастные толки и минутныя жертвы принесенныя новости прекратились; она осталась единодержавною Царицею траг(ической) сцены. Было время когда хотѣли съ нею сравнивать прекрасную комическую Актрису Валберхову, которая въ роли Дидоны живо напоминала намъ жеманную Селимену (такъ какъ въ роли* ревнивой жены напоминаетъ она и теперь Карѳагенскую Царицу). Но истинные почитатели ея таланта забыли что видали ее въ вѣнцѣ и мантіи, которые весьма благоразумно сложила она для платья съ шлейфомъ и шляпки съ перьями.

---

* Иные почитаютъ лучшею ролью г-жи Валберховой роль Ревнивой жены. Совершенно несправедливо. Развѣ они не видали ее въ Мизантропѣ, въ Нечаянномъ закладѣ, въ Пустодомахъ и проч.

Въ скромной одеждѣ Антигоны, при плескахъ полнаго Театра, молодая милая робкая Колосова явилась недавно на поприщѣ Мельпомены. 17 лѣтъ, прекрасные глаза, прекрасные зубы (слѣдовательно частая приятная улыбка), нѣжный недостатокъ въ выговорѣ обворожили судей траг(ическихъ) талантовъ. Приговоръ почти единогласный назвалъ Сашеньку Колосову надежной наслѣдницей Семеновой. Во все продолженіе игры ея рукоплесканія не прерывались. По окончаніи трагедіи она была вызвана криками изступленія, и когда Г-жа Колосова большая,

filiae pulchrae mater pulchrior,

въ руской одеждѣ, блистая материнскою гордостью вышла въ послѣдующемъ балетѣ, все загремѣло, все закричало. Щастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Примѣръ единственной въ исторіи нашего Театра. Разсказываю просто, не дѣлая на это никакихъ замѣчаній. Три раза сряду Колосова играла три разныя роли съ равнымъ успѣхомъ. Чѣмъ же все кончилось? Восторгъ къ ея таланту и красотѣ мало по малу охолодѣлъ, похвалы стали умѣреннѣе, рукоплесканія утихли; перестали ее сравнивать съ несравненною Семеновою; вскорѣ стала она являться передь опустѣлымъ театромъ — Наконецъ въ ея бенефисъ когда играла она роль Заиры, — всѣ заснули и проснулись только тогда, когда Христіанка Заира, умерщвленная въ 5 дѣй(ствіи) тр(агедіи), показалась въ концѣ довольно скучнаго водевиля въ малиновомъ сарафанѣ въ золотой повязкѣ и пошла плясать по-руски съ большою приятностію на голосъ: «Во саду-ли, въ огородѣ».

Если Колосова будетъ менѣе заниматься флигель-адъютантами Е. И. В., а болѣе своими ролями; если она исправитъ свой однообразный напѣвъ, рѣзкія вскрикиванія и парижскій выговоръ буквы *р*, очень приятный въ комнатѣ, но неприличной на траг(ической) сценѣ, если жесты ея будутъ естественнѣе и не столь жеманными; если будетъ подражать не только одному выраженію лица Семеновой — но постарается себѣ присвоить и глубокое ея понятіе о своихъ роляхъ — то мы можемъ надѣяться имѣть современемъ истинно хорошую Актрису — не только прелестную собою но и прекрасную умомъ, искусствомъ и неоспоримымъ дарованіемъ. Красота проходитъ, таланты долго не увядаютъ. Кто нынче говоритъ объ Каратыгиной, которая, по собственному признанію, никогда не могла понять смысла ни единаго слова своей роли, если она писана была стихами. Было время когда ослѣпленная публика кричала объ чудномъ талантѣ прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду съ его законною вдовою, и никто не возьметъ на себя рѣшить, которая изъ нихъ непонятнѣе и неприятнѣе. Скромная никѣмъ не замѣченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица траг(ической) наперс(ицы), предпочитается имъ обѣимъ простымъ, равнодушнымъ чтеніемъ стиховъ, которое по крайней мѣрѣ никогда не вредитъ игрѣ главной Актрисы.

Долго Семенова являлась передъ нами съ дикимъ но пламеннымъ Яковлевымъ, который, когда не былъ пьянъ, напоминалъ намъ пьянаго Тальма. Въ то время имѣли мы двухъ трагическихъ Актеровъ! Яковлевъ умеръ; Брянской заступилъ

его мѣсто но не замѣнилъ его. Брянской, можетъ быть, благопристойнѣе вообще, имѣетъ болѣе благородства на сценѣ, болѣе уваженія къ публикѣ, тверже знаетъ свои роли, не останавливаетъ представленій внезапными своими болѣзнями; но зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напѣвъ!

По мнѣ — ужъ лучше пѣй,
Да дѣло разумѣй.

Яковлевъ имѣлъ часто восхитительные порывы Генія, иногда — порывы лубочнаго Тальма. Брянской всегда вездѣ одинаковъ. Вѣчно улыбающійся Фингалъ, Тезей, Орозманъ, Язонъ, Димитрій — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: разшевелись, батюшка, развернись, разсердись, — ну, ну! Неловкій, размѣренный, сжатый во всѣхъ движеніяхъ онъ не умѣетъ владѣть ни своимъ голосомъ, ни своей фигурою. Брянской въ трагедіи никогда никого не тронулъ, а въ комедіи — не разсмѣшилъ. Не смотря на это какъ комическій Актеръ онъ имѣетъ преимущество и даже — истинное достоинство. Оставляю на жертву Бенуару Щенникова, Глухарева, Каменогорскаго, Толченова и проч. Всѣ они принятые сначала съ восторгомъ а послѣ падшіе въ презрѣніе самаго райка погибли безъ шума. Но изъ числа сихъ отверженныхъ изключимъ Борецкаго. Любовь, иные думаютъ, нещастная, къ своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Онъ не имѣетъ величественной осанки Яковлева ни даже довольно приятной фигуры Брянскаго; его напѣвъ еще однообразнѣе и томительнѣе; вообще играетъ онъ хуже его. Certes, c'est beaucoup dire; — со всѣмъ тѣмъ я Борецкаго предпо-

читаю Брянскому. Борецкій имѣетъ чувство; мы слыхали порывы души его въ роли Эдипа и стараго Горація. Надежда въ немъ еще не пропала. Изкорененіе всѣхъ привычекъ, совершенная перемѣна методы, новый образъ выражаться могутъ сдѣлать изъ Борецкаго, одареннаго средствами душевными и физическими, Актера съ великимъ достоинствомъ.

Но оставимъ неблагодарное поле тра(гедіи) и приступимъ къ разбору комическихъ талантовъ.

1821 г.

ИЗЪ ЖУРНАЛА

ГРЕЧЕСКАГО ВОЗСТАНІЯ

I. Notice sur la révolution d'Ipsylanti

Le hospodar Ipsylanti a trahi la cause de l'etérie et fut cause de la mort de Riga et... Son fils Alexandre fut etériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur). Ses frères Канъ, Контогони, Софіаносъ, Тапо. Michel Suzzo fut reçu ethériste en 1820; Alexandre Suzzo hospodar de Valachie apprit le secret de l'etérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en Serbie avec un traité d'alliance offensive et defensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changés tout de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichineff. On empoisona Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée turque et s'enferma enfin

dans le monastère (de Scovlian). Trahi par les juifs, entouré des turcs il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

II. Notice sur Penda-Déka

Penda-Déka fut élevé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec refugié ... et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 grecs assassinèrent 150 turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P.-D. vint quelques jours après à Ibraïl comme éspion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch: celui-ci l'envoya calmer les troubles de Jassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards: sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit des munitions pour 1,500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P.-D. reconnaître les ennemis. L'avis de P.-D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). Кантакузенъ se retira à Skovlian, et demanda que P.-D. fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta. P.-D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n' y a pas de doute que le prince Ipsylanti eût pu prendre Ibraïl et Jourja. Les turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les russes à leur trousse. A Bouchарest les députés bulgares (entre autre Capidgi-bachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulussent pas rendre les armes.

1822 г.

О СЛОГѢ

Д'Аламбертъ сказалъ однажды Лагарпу: не выхваляйте мнѣ Бюффона; (этотъ человѣкъ) пишетъ — благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч — за чемъ просто не сказать — лошадь — Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа — но д'Аламберъ (былъ) очень умный человѣкъ и признаюсь я почти согласенъ съ его мнѣніемъ.

Замѣчу мимоходомъ что дѣло шло о Бюффонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его цвѣтущій полный всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что сказать объ нашихъ писателяхъ которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр. — Должно бы сказать: рано поутру — а они пишутъ: едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба. — Какъ это все ново и свѣжо, развѣ оно лучше потому только что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра — сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой да поставь эта молодая хорошая

актриса, и продолжай — а будь увѣренъ что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры русскаго Парнасса, коего утомительная тупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію... Боже мой, зачемъ просто не сказать лошадь, не короче ли.

Г-нъ Издатель такого то журнала...

Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благоразумнаго слога. Онъ осмѣялъ въ одномъ своемъ Микромегасѣ изысканность (тонкихъ?) выраженій Фонтенеля, — который никогда не могъ ему того простить.*

Точность, опрятность вотъ первыя достоинства прозы. — Она требуетъ мыслей и мыслей — блестящія выраженія ни къ чему не служатъ — стихи дѣло другое (впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе, чѣмъ у нихъ обыкновенно водится; съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко впередъ не подвинется).

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ? — Отвѣтъ Карамзина. Это еще похвала небольшая. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен...

---

* Къ стати о слогѣ должно ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или...? Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія простить, требующаго винительнаго падежа. Впрочемъ, Н. М. К(арамзинъ) пишетъ иначе. —

1824 г.

ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ оному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ, вѣроятно, вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Классикомъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. Итакъ разговоръ мой вамъ не нравится? Класс. — Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина; думаю, и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

(О ПРИЧИНАХЪ, ЗАМЕДЛИВШИХЪ ХОДЪ НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ)

Причинами, замѣдлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно, почитаются — 1) общее употребленіе фр(анцузскаго) языка и пренебреженіе рускаго. — Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ, какъ не они сами. —

Изключая тѣхъ которые занимаются стихами рускій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками; но ученость, политика и философія по-Руски еще не изъяснились. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны.

Но, скажутъ мнѣ, Руская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Держ(авина) несмотря на неровность слога и неправильность языка исполнены порывами истиннаго Генія, что въ Душенькѣ Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, изключая, можетъ быть, сего же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для Рускаго языка то же самое, что Петрарка для италіянскаго, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ...

(О ВДОХНОВЕНІИ И ВОСТОРГѢ)

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе — необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, Комедія, Сатира всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ. Единый планъ Дантова Ада есть уже плодъ высокаго генія. Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ Водопадѣ, лучшемъ произведеніи Державина?

1825 г.

О Г-ЖѢ СТАЛЬ И Г. А. М-ВѢ (МУХАНОВѢ)

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: Десятилѣтнее изгнаніе, должна была преимущественно обратить на себя вниманіе Русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ Сочинительницы — все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу Dix ans d'éxil, можно видѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ Русскихъ Бояръ, она не высказала всего, что бросалось ей въ глаза.* Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость Русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать Авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ

* Рѣчь идетъ о большомъ обществѣ Петербургскомъ, прежде 1812 г. Соч.

семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ сіе время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Немудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г. А. М. («Сынъ От.» № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія замѣчанія на грёзы г-жи Сталь: «Не говоря уже о обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями Автора книги о Германіи, я, въ свою очередь, былъ пораженъ самимъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени

тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались щедрыми и подчасъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Что за слогъ и что за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы Записокъ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на Французскую революцію и проч., и что есть общаго между щепетильными (?) Французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ Русскаго Императора?

«Кто читалъ творенія г-жи Сталь», продолжаетъ Г. А. М.: «въ коихъ такъ часто ширяется она и пр.... тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другого впечатлѣнія на Автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!» — За симъ Г. А. М. ставитъ въ примѣръ самого себя. «Нѣтъ! никогда», говоритъ онъ, «не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра...» и проч. — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ, совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной Сочинительницѣ, посредствомъ какого-либо толмача разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ Абовскому Университету отмѣнно не понравилась Г-ну А. М., но Г. А. М. и самъ расшутился. «Ужели»,

говоритъ онъ, «400 студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, Академію сію могла бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ? Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ Финляндскихъ, по порошамъ, за медвѣдями и волками, и затѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?.. Наконецъ, отъ страха, наведеннаго «на робкую душу нашей барыни» и проч.

О сей барынѣ должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, Монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а Г. А. М. журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

Ст. Ар.

9 іюня 1825.

О ПРЕДИСЛОВІИ Г-НА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА

Любители нашей Словесности были обрадованы предпріятіемъ Графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда Баснямъ неподражаемаго нашего Поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія Г-на Лемонте; оно, въ самомъ дѣлѣ, очень замѣчательно,

хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ Авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый Писатель едва коснулся до такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью* съ невольною досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію нашей Словесности, Авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія Русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріялъ Словесности, языкъ Славяно-Русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми Европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній Греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой Лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей Грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный

* По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ С(ынѣ) О(течества). Мы не имѣли случая видѣть Французскій подлинникъ.

и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни Словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ Китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ Татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились Русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Какъ бы то ни было, едва ли полсотни Татарскихъ словъ перешло въ Русскій языкъ. Войны Литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего Отечества.

Въ царствованіе Петра I-го началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ Государями и вельможами; къ счастію, явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглялъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, Риторъ, Механикъ, Химикъ, Минералогъ, Художникъ и Стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ Исторію Отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями и, наконецъ, открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся Поэтами; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ Лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго Славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія Псалмовъ и другія сильныя и близкія

подражанія высокой Поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.* Они останутся вѣчными памятниками Русской Словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ Публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мѣлочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи Французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Л(емонте), столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что Русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной Литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ, языкъ и Словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ Французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія

---

* Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ Славянщизнами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и щеголевитость реченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сумароковъ съ большею точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-Поэта:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!
Enfin Malherbe vint et le premier en France etc. —

писателей 18 столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ Французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію Автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ Поэтовъ, сколько отъ Прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation Européenne, то Сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что Русская Поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-Русски не изъяснились; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-Французски. Неправда! рѣзко возражаетъ Переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ

знаетъ главные Европейскіе языки и, сверхъ того, онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему Греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ Писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужного списка, да сами же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить Графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго Поэта, дабы познакомить Европу съ Литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ Французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство Французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ — представители духа обоихъ народовъ. Н. К.

12 августа.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ, сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

(ЗАМѢТКИ ПРИ ЧТЕНІИ КНИГЪ)

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

*

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

(О романахъ Вальтеръ-Скотта)

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.

(О Шенье, какъ классикѣ)

A. Chénier погибъ жертвою французской революціи на 31 году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій... и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году...

(О дѣленіи Европы на классическую и романтическую)

Побѣда будетъ, несомнѣнно, принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ. Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

(Замѣчанія на Анналы Тацита)

(1)

Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно — засталъ ли онъ его въ живыхъ (§ 5). Первое злодѣяніе его (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постумы Агриппы, внука Августова. Если въ самодержавномъ правленіи политическое убійство можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агр(иппа), родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковые люди всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, гов(оритъ) Т(ацитъ), Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія; но и Тиберій не пощадилъ бы его (§ 6).

(2)

Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія — Тиберій позволилъ сіе съ насмѣшливой скромностью. Тиб(ерій) никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и

притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Но сіе уже впослѣдствіи. Въ началѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, казался онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату (§§ 7 и 8).

(3)

Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи (могъ ли точно или) онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся (заключавшейся) тогда отъ — до —? (§§ 10 и 11).

(4)

Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ (§ 11).

Сквозь раболѣпство Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готерія, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасенъ просьбами Августы Ливіи. (§§ 12 и 13.)

Т(иберій) не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія, — не отъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, но увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ (12). (§ 14).

(5)

Первое дѣйствіе Тиб(еріевой) власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ — слѣдств(енно) — и довершеніе уничтоженія республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ). (§ 15).

(6)

35. Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ (обнажилъ мечъ и), хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ ему свой мечъ, говоря: Онъ вострѣе. Это показалось, (гов. Т.), слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка, но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Германикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ что).

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. (Не въ силахъ будучи рѣшиться) Мать ее не удерживаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ, (Неронъ) и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

(7)

52. Тиб(ерій) не могъ доволенъ быть Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ подавленіи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (даетъ имъ

отставку) время службы, допущаетъ самовольныя казни, даже междуусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько явныхъ ошибокъ.

Тиб(ерій) въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Щастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (болѣе) благоразумія, не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ порядокъ.

(8)

53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распутствомъ и ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи, въ нищетѣ, мож(етъ) б(ыть), но не отъ нищеты и голода, какъ пишетъ Тац(итъ). (Невѣроятно). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

(9)

Съ таковыми сужденіями не удивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону, — но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю.

Тац(итъ) говоритъ о Тиберіи что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ.

О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи.* Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т.-е. радуются тому, что, изъясняясь по-Русски, употребляютъ русскія выраженія.*

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый Нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; Французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это, однакожъ, носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...

---

* Въ рукописи оставлено мѣсто для выписокъ.

1826 г.

О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ

(Записка, представленная Пушкинымъ императору Николаю Павловичу въ 1826 году).

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною свѣтской образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою), превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные.

Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи,

должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой — необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла. Не просвѣщенію (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ — погибель. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой

человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ осно-

ваніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти лѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало, должно подавить воспитаніе частное.

Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. Итакъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противо-

дѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, несмотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ Геттингенскомъ университетѣ, несмотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Чрезъ сію полицію должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить

тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однако жъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убивства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

Вообще, не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія Государства Россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ, преимущественно, занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлію искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ

великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Одобренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Михайловское, 15 ноября 1826 года.

1827 г.

(О БАЙРОНѢ)

Ни одно изъ произведеній Лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма Корсаръ, несмотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринѳа, Шильонскому Узнику въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ въ трагической силѣ, Чайльдъ Гарольду въ глубокомыслiи и высотѣ паренія лирическаго и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи — Д.-Жуану. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ, англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но, вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ, и которое, наконецъ, принялъ онъ самъ на себя въ Ч. Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію!

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ.

Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы Корсаръ выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? O miratores!

Англ. критики оспаривали у Л. Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. — Б(айронъ), столь оригинальный въ Ч(айльдъ) Г(арольдѣ), въ Гяурѣ и въ Д(онъ)-Ж(уанѣ), дѣлается подражателемъ, коль скоро вступаетъ на поприще драмы. — Въ Manfred'ѣ онъ подражалъ Фаусту, замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію, благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сценъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ, въ самомъ дѣлѣ, относится къ роду скептической поэзіи Чильдъ Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ поэтически онъ создалъ и описалъ единый характеръ (именно — свой); все, кромѣ... etc. отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнитель-

ному. Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію, — то каждому дѣйст(вующему) лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мѣлкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку и впослѣдствіи времени принялся вновь за Фауста, подражая ему въ своемъ Превращенномъ Уродѣ (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre).

Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то издыхающимъ подъ схимой, то странствующимъ посреди...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

*

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному Муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

*

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть, можетъ-быть, и глубокомысленнаго.

*

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго, или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

*

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

*

Чѣмъ болѣе мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

*

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

*

Примѣры невѣжливости

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и, приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

*

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ». — «Какъ же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ, у тебя болитъ правая щека, а ты

держишься за лѣвую.» — «Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій Статсъ-Секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

*

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, зато ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

*

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ», сказалъ Паскаль — и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значитъ? Можно ли сказать, что хорошій з втракъ лучше дурной погоды?

*

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый

разъ; но какъ можно важно повторить столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ, во всякомъ случаѣ, есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

*

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще не игранной и не напечатанной. Забавная словесность!

*

Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.

*

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно, и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

*

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія, видна въ древнемъ

нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

*

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило», говоритъ Карамзинъ, «ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

*

Сказано: les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. Но какой же народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

*

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однако жъ, въ Д.-Жуанѣ описываетъ онъ Россію; зато примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. Наприм., онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Д.-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!...» Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя. — Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

*

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно, простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный Лордъ Мидасъ,
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
Зато былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ и проч.

*

Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прюдство или смѣшно, или несносно.

*

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени кн. Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому что любятъ

батвинью, и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

*

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

*

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго (какъ и надлежало быть) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого отъ охоты къ славѣ. Одна дама (впрочемъ, очень милая), при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владимиръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... «Однако! зачѣмъ не но? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» Въ журналахъ его не критиковали; у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К(аченовскій) бросился на предисловіе. Н(икита Муравьевъ), молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе (предисловіе!). М(ихаилъ Орловъ), въ письмѣ къ В(яземскому), пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи Сла-

вянъ, т.-е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина; зато почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою Исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

*

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

(О СМѢЛОСТИ ВЫРАЖЕНІЙ)

Есть различная смѣлость; Державинъ написалъ: «Былъ на высотѣ... Когда щастіе къ тебѣ хребетъ свой съ грознымъ (смѣхомъ) повернуло, ты видишь, видишь, какъ мечты сіянье вкругъ тебя заснуло» — Жуковскій говоритъ о Богѣ:

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми. Крыловъ говоритъ о храбромъ муравьѣ, что

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово pavé, помостъ:

bénir avec respect le pavé de ces lieux.

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово vache. (Нещастная?) словесность, повинующаяся таковой мѣлочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ (какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были), если они принуждены славиться подобными побѣдами надъ предразсудками вкуса.

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, и проч. —

есть высшая смѣлость: смѣлость изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію; такова смѣлость Шекспира, Dante, Milton, ибо они сильно и необыкновенно передаютъ намъ... мысль, картины поэтическія, Гете въ Фаустѣ, Моліера въ Тартюфѣ, (Фонвизина въ Недорослѣ, Байрона въ Чайльдъ-Гарольдѣ).

Кальдеронъ называетъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

1829 г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ

Tantaene animis scholasticis irae!

Распря между двумя извѣстными журналистами (и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму). Постараемся изложить исторически все дѣло sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года Редакторъ Вѣстника Европы, желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ Издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить, наконецъ, свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ.

«Предполагаю работать самъ», говорилъ почтенный Редакторъ, «не отказывая однако жъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сіи позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ, но вѣрнымъ взоромъ обниметъ, наконецъ, твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, (какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами). Писатели извѣстные не будутъ ихъ презирать, ибо услышатъ (не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но) окон-

чательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ Г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но Г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года статью, в[illegible]-которой сильно напалъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно, неумышленно, Г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно бы стали слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; и если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?» продолжаетъ Г. Полевой. «Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ

онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Если Г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу, то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда, наконецъ, онъ примется за дѣло не на шутку?

Г-нъ Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ, согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго, но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони — что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что Г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя, съ перваго взгляда, являются довольно основательными. Мы ожидали отъ Г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣ-

чаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, Г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ).

«Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. Рдръ».

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола Г. Бенигны предпринялъ почтенный Редакторъ? что значитъ игривый произволъ Г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастію, скоро все объяснилось. (Оскорбленный, какъ издатель Вѣстника Европы, Г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный про-

фессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью Г. Полевого).

Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ Г. Полеваго личная честь Г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. (Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго).

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь Г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный

редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ Г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!) и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону Г. Полеваго. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряли Г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ Русскому букварю (и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ Греческой

азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію).

Съ нетерпѣніемъ ожидали развязки дѣла. Наконецъ (рѣшеніе главнаго управленія цензуры) водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Нѣсколько Московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящаго, рѣшились (издавать въ слѣдующемъ 1830 году критическій философическій журналъ подъ названіемъ Азіатскаго Рака) составить общество для распространенія правилъ здравой критики Курганова Тредьяковскаго и для удержанія въ границах повиновенія и благопристойности отступников и насмѣшниковъ.

Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ Г. Х., бывшаго корректора типографіи, — 17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно Г-нъ Трандофырь, знаменитый переводчикъ одного безсмертнаго романа. —

Секретаремъ былъ избранъ, единогласно же, Никодимъ Невѣждинъ, изъ (честнаго?) сословія слугъ, скромный молодой человѣкъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, несмотря на лакейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

Ждали Г-на... цова, но онъ не могъ притти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія черезвычайно щастливой тальи.

Г-нъ Транд(офырь) открылъ засѣданіе прекрасной рѣчью, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей словесности, недоумѣнія нашихъ писателей, подвизающихся во мракѣ, не озаренныхъ свѣтильникомъ критики Г-на Трандофыря — краснорѣчиво убѣждалъ приняться за дѣло: «что сдѣлали мы до сихъ поръ, почт(енные) слуш(ателн)»? сказалъ онъ: — перевели романы, доставившіе намъ 700 рублей отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Ист(оріи) Гос(ударства) Рос(сійскаго); — труды безсмертные, безспорно, но недостаточные (для новаго преобразованія словесности, для истребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ). Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя, г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году, подъ названіемъ Аз(іатскій) Ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ; каждая книжка будетъ заключать въ себѣ 4 отдѣла.

Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ Г-на Трандофыря (для примѣру г. секретарь прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго Г-на Трандофыря.

Всѣ съ удовольствіемъ слушали милыя проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго).

Отдѣлъ II. Критика...

(РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА, ШЕКСПИРА)

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джюльета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилася Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джюльсты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

(ЗАПИСКА О СУХОРУКОВѢ)

Сотникъ Сухоруковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1820 году бывшій атаманъ употребилъ его по своимъ дѣламъ, какъ человѣка свѣдущаго и смышленаго. Въ то же время графъ Чернышовъ, имѣя нужду въ тамошнемъ уроженцѣ, призвалъ его въ свою канцелярію. Будучи еще очень молодъ и находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сухоруковъ могъ подать поводъ къ неудовольствію графа. Въ послѣдствіи времени литературныя занятія сблизили его съ Корниловичемъ, съ которымъ въ 1825 году издалъ онъ ученую книгу подъ заглавіемъ: Русская Старина. Сухоруковъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о заговорѣ, но слѣдственная коммисія оправдала его, оставя въ подозрѣніи. Будучи потомъ откомандированъ въ Кавказскій корпусъ, Сухоруковъ былъ употребленъ графомъ Паскевичемъ.

Сухоруковъ имѣетъ отличныя дарованія и свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служитъ то, что всѣ бывшіе его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствующіе ему. Съ 1821 года предпринялъ онъ трудъ, важный не только для Россіи, но и для всего ученаго свѣта.

Сухоруковъ имѣлъ нѣкогда порученіе отъ комитета, учрежденнаго для устройства Войска Донского, составить Исторію Донскихъ казаковъ. Для сего Сухоруковъ пересмотрѣлъ всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ и станицъ Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконецъ и Московской.

Выписанные имъ историческіе акты заключаютъ болѣе пяти тысячъ листовъ; кромѣ того Сухоруковъ пріобрѣлъ множество разныхъ лѣтописей, повѣстей, поэмъ и проч., объемлющихъ Исторію Донскихъ казаковъ. — Всѣ сіи драгоцѣнные матеріалы, вмѣстѣ со статьями, имъ уже составленными, Сухоруковъ долженъ былъ, по приказанію генералъ-майора Богдановича, уѣзжая въ армію, въ 1826 году, передать въ другія руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имѣя слабое здоровіе, склонность къ ученымъ трудамъ и малое, но достаточное для него состояніе (тысячу рублей годового дохода), Сухоруковъ сказывалъ мнѣ, что единственное желаніе его было бы дозволеніе хотя взять копіи съ пріобрѣтенныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, на которые употребилъ онъ пять лѣтъ времени, и потомъ на свободѣ заняться составленіемъ Исторіи Донскихъ казаковъ, которую надѣялся онъ посвятить его императорскому высочеству великому князю наслѣднику.

1830 г.

(АЛЬМАНАШНИКЪ)

I

— Господи, Боже мой! Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ живу въ П. Б. (Петербургѣ), таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ — я жъ отставной — того и гляди, въ яму посадятъ. —

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи, Боже мой! Да развѣ я не Русскій человѣкъ? Я на все гожусь. — Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечка потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я и всякому былъ бы радъ.

— Неужто у тебя нѣтъ-таки ни единаго благодѣтеля?

— Благодѣтеля! Господи, Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ: всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, — а я все-таки безъ куска хлѣба. —

— Служба тебѣ, значитъ, не дается. — Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Напримѣръ, за Литературу.

— За литературу? Господи, Боже мой! Въ сорокъ два года начать свое литературное поприще!

— Что за бѣда? А Руссо?

— Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. — Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ Московскомъ университетѣ. —

— Что за бѣда? Затѣвай журналъ. —

— Журналъ? а кто же подпишется?

— Мало ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

— Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ — деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ 35 рублей?

— Ну, такъ пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи, Боже мой! написать Выжигина не штука; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхвачу 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

— Знаешь ли что? Издай Альманахъ.

— Какъ такъ? —

— Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣсколько пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ незнакомъ.

— Что нужды? Ступай себѣ къ нимъ; скажи имъ, что ты юный питомецъ Музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издавать

Альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

— А что ты думаешь? Ей Богу, съ отчаянія готовъ и на Альманахъ.

— Совѣтую дѣла не откладывать.

— Сегодня жъ начну свои визиты.

— И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II

Кабинетъ стихотворца.
Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ). Я въ рукѣ... sept à la main... neuf... sacre-dieu... neuf et sept... neuf... мое! кто держитъ?

Гость. Экое счастье: держу.

Стихотворецъ. Sept à la main... (про себя). Это кто?

Входитъ Альманашникъ (одному изъ гостей). Я давно желалъ имѣть счастіе представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ Вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость. Вы ошибаетесь: я, кромѣ векселей, ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ. Помилуйте!.. Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ. Вы заняты, извините: я вамъ помѣшалъ.

Стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ про-

должать... Sept à la main... 3 крепсъ... Какое нещастіе! (Передаетъ кости).

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ. Держу. (Играютъ). Что за нещастіе! (Смотритъ косо на Альманашника).

Альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать Альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ. Пятую руку проходитъ — и всегда я попадусь... Вы издаете Альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прошелъ!... я болѣе не держу.

Альманашникъ. Восточная Звѣзда. Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными...

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ). Позвольте!... сто рублей à prendre... Sept à la main... крепсъ... Это удивительно! Первой руки не могу пройти (плюетъ, вертитъ стулъ). Несносный Альманашникъ! онъ мнѣ принесъ нещастіе!

Альманашникъ. Надѣюсь, что вы не от кажетесь украсить мой Альманахъ своими драго цѣнными произведеніями.

Стихотворецъ. Ей-Богу, нѣтъ у меня сти ховъ: всѣ разобраны журналистами, Альманаш никами... Держу все... Что? Прошелъ опять? эт непостижимо! Проклятый Альманашникъ!

Альманашникъ (вставая). Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьэска...

Стихотворецъ (провожая его до дверей). Отыщу непремѣнно и буду имѣть щастіе вамъ доставить.

Альманашникъ. Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ (выпроводивъ его). Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? Твое или его?

Стихотворецъ. Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ Альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ его бы взялъ! Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ, Альманашниковъ не пускать.

Слуга. Да кто ихъ знаетъ, Альманашникъ ли, нѣтъ ли?

Стихотворецъ. Дуракъ! это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... (Играютъ).

III

Харчевня.
Безстыдинъ и Альманашникъ обѣдаютъ.

Гей, водки!

Альманашникъ. 9 рюмка!... И я за все плачу, а что толку?

Увидишь, какъ пойдетъ нашъ Альманахъ. Съ моей стороны даю 34 стихотворенія, подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь. Лихое обозрѣніе словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши Аристократы — знаешь?

Никакъ нѣтъ-съ, не знаю —

Не знаешь? О, да ты, видно, журнала моего

не читаешь... Вотъ видишь ли: Аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ) называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное... Мы-было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповалъ... Теперь понимаешь?

Понимаю.

Водки!.. Эти Аристократы (разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ) вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ... Чѣмъ я хуже другаго? Ты смотришь на мое платье...

Никакъ нѣтъ, ей Богу...

Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому же я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость... Если бы видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я танцую фран(цузскую) кадриль... Ты не вѣришь? (Встаетъ, шатаясь, и танцуетъ). Каково?

Прекрасно. (Безстыдинъ зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его). Боже мой! стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на щетъ... и еще граненый.

Какъ на щетъ? Его склеятъ, вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашникъ (расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку, — онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть, взять извозчика.

Сдѣлай одолженіе. Посади меня верхомъ, а самъ садись поперекъ... да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить... Это моя слабость...

И вотъ моя послѣдняя опора! Господи, Боже мой!

— Можно видѣть барина?
— Никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.
— Какъ, въ 12 часовъ?
— Онъ возвратился съ балу въ 6-мъ часу.
— Да когда же его можно застать?
— Да почти никогда.
— Когда же вашъ баринъ сочиняетъ?
— Не могу знать.
— Экое нещастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя; (вѣрно къ твоему барину)...

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

(частью напечатанныя въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., частью написанныя для нея)

(О некрологіи Раевскаго)

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ Некрологія Генерала отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскаго, умершаго 16 сент. 1829 года. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора Некро-

лога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812-мъ году!.. Отечество того не забыло.

(О переводѣ романа Бенж. Констана «Адольфъ»)

Князь Вяземскій перевелъ и скоро напечатаетъ славный романъ Бенж. Констана. Адольфъ принадлежитъ къ числу двухъ или трехъ романовъ,

> Въ которыхъ отразился вѣкъ,
> И современный человѣкъ
> Изображенъ довольно вѣрно
> Съ его безнравственной душой
> Себялюбивой и сухой,
> Мечтаньямъ преданной безмѣрно,
> Съ его озлобленнымъ умомъ,
> Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Бенж. Констанъ первый вывелъ на сцену сей характеръ, въ послѣдствіи обнародованный гіемъ Лорда Байрона. Съ нетерпѣніемъ ожидае появленія сей книги. Любопытно видѣть, каки образомъ опытное и живое перо Кн. Вяземска побѣдило трудность метафизическаго языка, всег стройнаго, свѣтскаго, часто вдохновеннаго. семъ отношеніи, переводъ будетъ истиннымъ зданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы.

Иліада Гомерова, переведенная Гнѣдичемъ

Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ, Членомъ Императорской Россійской Академіи и

пр. — 2 ч. СПб., въ типогр. Императорской Россійской Академіи, 1829 (въ 1-й ч. XV—354, во 2-й — 362 стр. въ боль. 4-ю д. л.).

Наконецъ, вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную Словесность.

(О литературной критикѣ)

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ даютъ замѣтить, что Литературная Газета у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ Литературы. — Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жъ произведенія нашей Литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ Журналахъ или ограничиваегся сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается

въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч. — «Очистите мѣсто для новой статьи моей», пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчаетъ Издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. «Вотъ ужо вамъ будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ Издатель возражаетъ на сіе:

«Могущему пороку — брань,
Безсильному — презрѣнье».

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и, вѣроятно, очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книг (между прочими Иванъ Выжигинъ), о коих критика могла бы сказать много поучительнаго любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разобран пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателях Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ ожидаю еще Египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя возклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ, Литературная Газета была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ.

(Шенье — не романтикъ)

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать уныніи или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье — поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать Французскому языку формы Греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина. — М. въ Типогр. Н. Степанова, 1829. — 3 части съ виньетками на заглавныхъ листахъ (въ I-й части 255, во II-й 166, въ III-й 263 стр. въ 12 д. л.).

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ Шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстукъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а

Государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мѣлочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности! а сверхъ всего, — какъ мало жизни! Однако жъ сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала madame de Stael, знаютъ только Исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются Юрія Милославскаго. Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, Бояре, Казаки, Монахи, буйные Шиши — все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной Русской жизни! сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Эедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое произшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ.

Рѣчь Минина на Нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противу языка и костюма. Напр., новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ Лѣтописцы), охотиться, вмѣсто ѣздить на охоту; пользовать, вмѣсто лечить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ видно полагаетъ Авторъ, но просто принадлежатъ языку дурного общества. Быть въ отвѣтѣ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены Авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слова не выкинешь, вмѣсто изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слова не выкинешь, не испортивъ склада; сказка — дѣло другое. Но сіи мѣлкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московскаго Вѣстника» нынѣшняго года не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху Юрія Милославскаго.

(О Запискахъ Самсона)

Французскіе Журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, Парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ Исповѣдей Философіи XVIII вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольство-

вались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ; мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Не доставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ, и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостью, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ Парижскаго палача. Посмотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ, и славныхъ, и неизвѣстныхъ, и священныхъ, и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они — его минутные знакомцы — чредою пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, сви-

рѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои — и Царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Корде, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ, и лекарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуань, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго Историка.

(О разговорѣ у Княгини Халдиной, Фонъ-Визина)

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли Разговоръ у княгини Халдиной, напечатанный въ 3-мъ № Литер. Газеты, есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца Недоросля и Бригадира: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ Разговорѣ. Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову ты, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ

ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?» — «Да вѣдь стыдно, В. С.», отвѣчаетъ служанка. — «Глупа, радость», возражаетъ Княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ Парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами, и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги, и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты, и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія, и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно Русской баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ Разговоръ у Княгини Халдиной, пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

(О статьяхъ Кн. Вяземскаго)

Нѣкоторые Журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на Князя Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей Литературѣ. Указаніе неискреннее. Критическія статьи К. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онѣ заставляютъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его

мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостью самаго софизма. Эпиграмматическіе же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію Авторскому, но Кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на Писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать? — Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному Алеуту поединокъ двухъ Французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что Журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

(Острая шутка не есть окончательный приговоръ.)

Острая шутка не есть окончательный приговоръ: *** сказалъ, что у насъ есть три Исторіи Россіи.

одна для гостиной, другая для гостиницы, третья — для гостинаго двора.

(О карикатурѣ въ Англіи)

Англія есть отечество карикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. «Стихи, кажется, мои», отвѣчалъ онъ смѣясь: «я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!» — Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: Г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

О гекзаметрахъ Мерзлякова

Въ третьемъ нумерѣ Московскаго Вѣстника на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: «Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ Русскую Словесность Г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое

упущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку Русской Словесности». Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два Писателя, которыхъ стихи нравятся Переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или, еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ М(осковскомъ) В(ѣстникѣ), зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ — несправедливо. Тѣмъ не менѣе, ожидали мы четвертаго нумера сего Журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ Г. Мерзлякова, изчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ «Трудахъ Московскаго Общества Любителей Словесности» его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій. Наконецъ, желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли: «честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище Русской Словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго Профессора и Поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады». При-

знаемся, къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія Г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шести-стопными, то пяти-стопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать и хвалить въ нашихъ Журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года укоряли Б. Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Б. Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего Критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими Европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ Г. Мерзлякова. Гекзаметра онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Мосха — Евро изъ Овидіевыхъ Превращеній — Дафна, и Пира и Тизбе. Если произведенія каждаго искусс въ началѣ должны носить на себѣ печать несов шенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Мосха, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если Г. Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ,

то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ Русскихъ переводчиковъ съ Древнихъ — чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

(Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ)

Въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ выписываютъ объявленіе объ Иліадѣ, напечатанное во 2-омъ № Литературной Газеты, и говорятъ, что сіе воззваніе насчетъ (?) труда Г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ Литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ Литературной Газетѣ сказано: «Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры Барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ насчетъ посторонникъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ Иліады писано мною и напечатано во время отсутствія Барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія Барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія; но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ

свое мнѣніе насчетъ таланта Барона Дельвига, похваливъ произведенія Музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху Русской Литературы.*

(О Запискахъ Видока)

Въ одномъ изъ № Лит. Газеты упоминали о Запискахъ Парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми, по своему званію, обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ се патріотомъ, кореннымъ Французомъ (un bon Françai какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-н будь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ военной службѣ, и какъ ему не только дозв лено, но и предписано всячески переодѣваться, и щеголяетъ орденомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ

* Ужели переводъ Иліады столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели Критикъ, по предполагаемой пріязни съ Переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе?

(officier à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ Писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ Журналистовъ о его слогѣ (слогъ Г-на Видока!) Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей Религіи, ни Правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

(О личностяхъ въ критикѣ)

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то Журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно, нѣтъ; но Журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ Московскомъ Журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: «Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія Русскихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Жалѣть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ». Эти господа мы другъ друга вѣрно понимаютъ, но довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ, всего смѣшнѣе, что и самъ Критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, которой ему не хотѣлось бы осуждать, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й Авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ Офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія порядочнаго и здравомыслящаго человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

(О неблаговидности нападокъ на дворянство)

Съ нѣкоторыхъ поръ Журналисты наши упрекаютъ Писателей, которымъ не благосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у Французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи Государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины Университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія неспособенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать Университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный Баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно, скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что погибнулъ я?
— «Ты свѣтишь!» — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму, помѣщенную въ 32-мъ № Лит. Газ.

(Разговоръ)

А. — Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII столѣтія?

Б. — Читалъ.

А. — Какъ же ты его находишь?

Б. — Довольно неумѣстнымъ.

А. — Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..

Б. — Согласенъ.

А. — Русскіе журналисты не заслуживали такого унизительнаго сравненія.

Б. — А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А. — Какъ такъ?

Б. — Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ «Газетѣ») съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя, — а между тѣмъ сравниваютъ.

А. — Да помилуй: эти французскіе писатели — такіе люди, что Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б. — Да кто-же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ Литературной Газетѣ?

А. — А я почему знаю?

Б. — Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А. — Зачѣмъ же обруганы они въ Литературной Газетѣ?

Б. — То-то я и говорю.

А. — Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: повѣсимъ ихъ, повѣсимъ! и аристократовъ къ фонарю!

Б. — Извини, братъ. Опять было тебя не понялъ. Этого въ Газетѣ не сказано.

А. — Какъ не сказано? Постой, она (при) мнѣ (вынимаетъ изъ кармана Газету). А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc. Такъ неужто, въ самомъ дѣлѣ, эпиграммы пріуготовили французскую революцію?

Б. — О французской революціи Литературная Газета молчитъ и хорошо дѣлаетъ.

А. — Помилуй! да посмотри: les aristocrates à la lanterne, повѣсить, ça ira и т. д.!

Б. — И ты видишь тутъ французскую революцію?

А. — А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?

Б. — Крики бѣшеной черни.

А. — А что же значили эти крики?

Б. — Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. — Вотъ, я тебя и поймалъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. — Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А. — Слѣдственно, я и правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne — вся революція.

Б. — Ты не правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne — одинъ жалкій эпизодъ французской революціи, гадкая фарса въ огромной драмѣ.

А. — А честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то ужъ, конечно, неумышленно!

Б. — Вѣроятно.

А. — A propos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б. — Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

А. Итакъ, revenons à nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто, въ самомъ дѣлѣ, эпиграммы французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne?

Б. — Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Литературной Газеты.

А. — А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б. — Экой лукавый! заманиваетъ меня опять въ политику: не узнаешь.

А. — И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б. — Нѣтъ.

А. — Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ ли ты, какъ отдѣлала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б. — Нѣтъ еще.

А. — Такъ прочти же (даетъ ему журналъ).

Б. — Что значатъ эти точки?

А. — Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б. — (Отдавая журналъ). Жаль: въ этихъ ругательствахъ, можетъ-быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ нѣтъ.

А. — Вотъ тебѣ еще что-то (даетъ другой журналъ).

Б. — (Прочитавъ). Тутъ и ругательства есть, а смысла, все-таки, не болѣе.

А. — Такъ ты, видно, стоишь за Литературную Газету? Давно ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б. — Какъ аристократомъ? что такое аристократъ?

А. — Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ, видишь ли: издатель «Литературной Газеты», и сотрудники его, и читатели его — всѣ аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ).

Б. — Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мѣлочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на другія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр., — мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ Г. Полеваго, они сдѣлали хорошо: заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А. — Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б. — Что ты, — шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А. — Какъ кто? издатели Сѣверной Пчелы.

Б. — Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей Сѣверной Пчелы слишкомъ хорошо извѣстенъ, и Литературная Газета повредить имъ не можетъ, а Г. Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А. — Что значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?.. Ты скажешь — къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ ли?

Б. — Да хоть бы и къ цензурѣ — что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое — нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Императорѣ Петрѣ I (и императрицахъ) и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную, аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и большая часть нашихъ

литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ офиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. (Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія...) Подумай о томъ, что значитъ у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А. — Кажется, ты правъ. Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою . . . и рѣзкостію за Сѣверную Пчелу?

Б. — Потому что свой своему поневолѣ братъ.

А. — Отчего же замѣчаніе Газеты показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б. — Потому, что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься, и это тебѣ понятно, не правда ли? — Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А. — Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный!

Б. — Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. Итакъ, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ Газетѣ Литературной. Все

это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А. — Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты», чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б. — И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, ни происходили.

(Отрывки изъ Разговоровъ)

(I)

А. — Читали вы въ послѣднемъ № Г(азеты) критику NN?

В. — Нѣтъ, я не читаю русской критики.

А. — Напрасно. Ничто иное не дастъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

В. — Какъ? неужели вы полагаете, что журнальная критика (есть) окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности?

А. — Нимало. (У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого-нибудь произведенія). Но она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ, о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ.

В. — Мнѣ не нужно читать В(ѣстникъ) Е(вропы), чтобы знать, что находится... въ модѣ и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г-на Раича къ г-ну Полевому, г. К(ачеповскаго) къ г. Б(улгарину), — то это для меня вовсе нелюбопытно...

А. — Однако жъ, (иногда) очень забавно.

В. — Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. — Почему же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь же нравится кн(язь) Вя(земскій) въ схваткѣ съ какимънибудь (занощивымъ) журнальнымъ буяномъ, какъ (графъ) Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это черты народности.

В. — Вы упомянули о к(нязѣ) В(яземскомъ); признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. — Позвольте: что вы называете высшей литературой?...

(II)

— Тѣмъ хуже для литературы... Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К(атенина) объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности, — истинная критика для нея не занимательна, она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами.

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, аплодирую тому, кто сбилъ своего противника. Если бъ я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью? Посмотрите на Англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentleman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ или снять съ себя фракъ и box'овать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ, и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ русскихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ, или бранятъ.

— Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ Вѣстника** (Европы), гдѣ его ругаютъ, что значитъ, по его энергическому выраженію, — подслушивать у дверей, что говорятъ о немъ въ прихожей.

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство, по крайней мѣрѣ, очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира не критика, эпиграмма не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи...

(О выходкахъ противъ литературной аристократіи)

Новыя выходки противу такъ называемой Литературной нашей Аристократіи столь же недоб-

росовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ Писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно Г-на Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостію нѣкоторыхъ чиновныхъ Журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ Писателей Дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же бы званіе Дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ Гг. Полеваго, Греча и Булгарина — не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами — глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки насчетъ Русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы Демократическихъ Писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) пріуготовили крики: Аристократовъ къ фонарю и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: повѣсимъ ихъ, повѣсимъ. Avis au lecteur.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности и безпристрастію вашей газеты, признаюсь, не могъ я согласиться съ мнѣніями, которыя обнаруживаетъ она касательно критики и полемики.

Во-первыхъ, что значатъ вѣчные толки о вѣжливости? Если бы критики нашихъ журналовъ погрѣшали единой только грубостію, то бѣда была бы еще небольшая . . . .

(Вы поминутно говорите о приличіи журнала), но позвольте дать замѣтить, что и газета, стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, ею разбираемымъ, безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу правилъ приличія (какъ и прочіе наши журналы). Вы въ обществѣ локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь, — очень хорошо; но гуляя, въ толпѣ, подъ качелями, толкнули лавочника, — вы не скажете ему: mille pardon. Вы зовете извозчика и говорите ему — пошолъ въ Коломну, а не — сдѣлайте одолженіе, потрудитесь свезти въ Коломну. Разница — критиковать Исторію Государства Россійскаго и напр. ***

У насъ вошло въ обыкновеніе между писателями, заслужившими довѣренность и уваженіе публики, не возражать на критики. Рѣдко кто изъ насъ подаетъ голосъ и то не за себя. Обыкновеніе вредное для литературы. Такія антикритики имѣли бы двойную пользу: исправленіе ошибочныхъ мнѣній и распространеніе здравыхъ понятій касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается въ личностяхъ и брани, что публика, etc.

Возразятъ, что иногда нападающее лицо, само по себѣ, такъ презрительно, что честному человѣку никакъ нельзя войти въ сношеніе съ нимъ, не марая себя. Въ такомъ случаѣ объяснитесь, извинитесь передъ публикою. Видокъ васъ обругалъ, изъясните, почему вы никоимъ образомъ отвѣчать ему

не намѣрены. Въ этомъ отношеніи мнѣ нравится одна изъ статей вашего журнала, какъ доброе дѣло . . . . Вы совѣтуете . . . .

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?.. Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинялся тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что, наконецъ, никто-де не въ правѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся — какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.

Southey.

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ (читать) слѣдовать за текущей литературой

и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и, вѣроятно (искренніе) знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы (болѣе строгіе) самые непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался (отстранивъ самолюбіе) войти въ образъ мыслей критика и слѣдовать за его сужденіями, не опровергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ нимъ согласиться со всевозможнымъ Авторскимъ самоотверженіемъ; (къ нещастію, замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали). Что касается до (браней и ругательствъ) критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлію оскорбить меня какимъ бы то ни было образомъ, (могу) скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мѣрѣ, въ первыя минуты, и что, слѣдственно, (труды) сочинител(ей)и оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣряясь, что труды ихъ не потеряны.

Если въ теченіе 16-лѣтней Авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе (вѣрно) происходило, конечно, не изъ презрѣнія (къ онымъ). (Критика мнѣ всегда) Состояніе критики само по себѣ показываетъ степень образованности (какъ) всей литературы вообще (Разборъ В. Евр.) Если приговоры (Сѣв. Пч.) журналовъ на(шихъ) достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику потому только что она еще находится въ младенчествѣ, значитъ презирать (юную литературу) ребенка за что онъ еще не мужъ, (не возмужала) значило бы прези-

рать публику (чего Боже сохрани), (но пока) Какъ наша словесность съ гордостію можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ (Державина), нѣсколько басенъ (Крылова), поэмъ, переводъ Иліады (Гнѣдича), нѣсколько цвѣтовъ (античной Батюшкова) элегической поэзіи, такъ и наша Критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ (мощныхъ) свѣтлыхъ мыслей (глубокихъ воззрѣній) и важнаго остроумія. Но они (донынѣ) являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще и вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ (не изъ презрѣнія), не потому также, чтобъ не доставало (умѣнья охоты) во мнѣ веселости и педантства (но признаюсь) не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); но признаюсь, мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, и что всего затруднительнѣе — важно говорить:

Et moi je vous soutiens que les vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи.

Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отроду ничего не могъ я выдумать.

Будемъ справедливы: Г-на Пол(еваго) нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

(Китайскій анекдотъ)

О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи. — О примѣчаніи Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напримѣръ: Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное произшествіе. Нѣкто изъ класса Грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ея въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и

даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ Мандаринамъ. Другой грамотей (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, (что, говорятъ, за нимъ важивалось), или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки Мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. и проч.

*

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ: «Моя имъ сведена корова!»
— Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!
Судья рѣшилъ: «Почто итти вамъ братъ на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!»

*

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (ибо таковые критики имѣютъ вліяніе только) (какъ аристократически говоритъ о себѣ издатель Исторіи Русскаго Народа), когда нападенія (критики) суть чисто литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ (обруганной) разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ нещастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія (нѣкоторыхъ) оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ нелитературныхъ обвиненій

§ 1. О личной сатирѣ. — Кит(айскій) анекд(отъ). — Самъ съѣшь.

§ 2. О нравственности; о гр. N(улинѣ). — Что есть безнравственное сочиненіе? — О Видокѣ.

§ 3. Объ лит(ературной) аристокр(атіи), о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣчаніи. —

Заключеніе.

(§ ... О Г. Кирѣевскомъ хи—хи!

§ О цѣнѣ Евг(енія) Онѣг(ина)

§ О знаменитости).

*

Перечитывая (нѣкоторыя) самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ пере-

печатать безо всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія (печати) типографіи. Все еще печатный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

*

Къ стати. Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего (слабаго) дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я (въ зрѣлыхъ лѣтахъ) отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ аль(манахѣ), изданномъ г-мъ Федоровымъ, между (набранными) найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ (камердинера) переписчика стиховъ г-на П-ва (Панаева). Г-нъ Бестужевъ (благодаритъ), въ предисловіи какого-то альманаха благодаритъ какого то Ап. за доставленіе (ему всѣхъ) стихотвореній, объявляя (ему) что не всѣ удостоились напечатанія.

Сей Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ г. Б(естужева) вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные (мною) не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ

нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно (неприлично) признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.).

*

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что Б(естужевъ), пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б(естужева) нимало не показался мнѣ страннымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идиллическую нелѣпость, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) (13 піесъ), изъ коихъ 5 и удостоились печати, — то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піесъ, доставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно (мною написанное) и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи непріятно отвѣчать за . . . чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ таковомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.

*

Самъ съѣшь.* Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ немъ сказано, что Фебъ, усадивъ было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, нетерпимую въ хорошемъ обществѣ, — и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ. — Самъ ты букашка, закричали бойкіе журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные Бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе Гербовъ и Грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что

* Происхожденіе сего слова: Остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: Съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: Самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ. какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ).

чваниться своимъ дворянствомъ предъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь! Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, кто были Аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т.-е. что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

*

Отчего издателя Лит(ературной) Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)? пишутъ остроумно журналисты. Въ чемъ же состоитъ ихъ Аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне? Нѣтъ; всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть, — въ дворянской спѣси? Нѣтъ; въ Лит(ературной) Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ-быть, въ притязаніи на тонъ высшаго общества?

Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое — мужицкимъ, третье — неприличнымъ для дамскихъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (niaiserie, NB. не одно просторѣчіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ Господъ; не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ (?) дамахъ. Отчего же они аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)?

*

Въ одной газетѣ (почти офиціальной) сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ (см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц(арскомъ) С(елѣ) гр. Ѳ. Г. Орлову) и проч., былъ купленъ шкиперомъ

за бутылку рому. — Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе. — Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея, но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинера; прислуживали ему деньщики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій.

*

Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю ** (Н. Б. Юсупову). Въ свѣтѣ оно тотчасъ же было замѣчено . . . и были много недовольны: свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутье. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лесть итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у Мерсіо, заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы —

*

Въ одной газетѣ, почти офиціальной, сказано было, что я — мѣщанинъ во дворянствѣ. Справед-

ливѣе было бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ (нашихъ родовъ). Мы произходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтоп(иси) и Ист(орію) Гос(ударства) Рос(сійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (вѣроятно) (изъ учтивости къ пок(ойному) гр. Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. (Я описалъ всю его жизнь). Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, (будучи воеводою въ Нижнемъ) начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. 6 Пушкиныхъ подписались подъ избирательной грамотою о избраніиРомановыхъ а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, — подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, Стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Цыклера и казненъ вмѣстѣ съ

нимъ и съ Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала Гр(афа) Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ!), см. Рюліера и Кастера. Чрезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ, (хотя) онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. (Вообще) имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей Исторіи.

(Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднія ихъ родовыя имѣнія скоро исчезнутъ; (но) имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона).

Если быть стариннымъ дворяниномъ значитъ подражать Англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію Лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ предкамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частію

составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при Императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. (Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи). Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные, упадаютъ и изчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и какъ имя дворянина, часъ отъ часу болѣе униженное, стало, наконецъ, въ притчу и посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и (празднымъ) досужимъ (журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный Французъ иль Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ (Святослава) Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою (какого-нибудь) двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т.-е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ; Су-

воровъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, м(ожетъ)-б(ыть), всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

*

Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія), что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ (личности) чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы** (Воейкову), который въ своемъ журналѣ напечаталъ уморительный Анекдотъ о двухъ Китайскихъ Журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ (журналистъ) прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы (и большею частью изъ-за Китайской), въ коемъ противникъ расписанъ (разбраненъ) самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, Китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности

и (воображенію) остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, (казалось мнѣ) было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ — все-таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за Аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? (Когда какой-то затѣйникъ). Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ Джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобріана, comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas.

Однажды (официально) (безчестный историкъ) напечаталъ кто-то, что такой-то фр(анцузскій) стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Лит(ературной) Газ(етѣ) — человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ — человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому и пр. Фр(анцузскій) стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечест-

вахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris encore moi même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. — На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула (мое кокетство).

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золъ, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой Біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ Біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія, къ коимъ подаютъ они поводъ — суть важный шагъ къ гласности преній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ (публичныхъ людей) общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей казалось бы (стоитъ) всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать на то, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-

малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

*

(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный Анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Де(львигъ) пишетъ стихи.

Каково же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго В(ѣстника) Ев(ропы) найти слѣдующую шутку: Альманахъ С(ѣверные) Ц(вѣты) раздѣляется на прозу и стихи — хи, хи! Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ Эпиграммѣ! Сего не довольно. Это хи, хи! показалось, видно, столь (замѣчательнымъ для нашихъ журналистовъ) затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣв(ерной) Пчелѣ:

(Проза и стихи) «Хи, хи! какъ весьма остроумно сказано было въ В(ѣстникѣ) Евр(опы), etc.»

*

Молодой Киреевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканно выраженіе: «древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія». Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто:

въ стихахъ Д(ельвига) отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Киреевскій отозвался довольно непочтительно, — обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка (столь смѣшная будучи повторена въ сотый разъ) каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ, наконецъ, не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здравой (истинной) критики и безпристрастія.

(ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ)

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто.* Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г**.

*

У насъ многіе (между прочимъ, и Г. Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ

* Сбоку Пушкинымъ записано: 1) остановлялъ я взоръ на отдаленныя громады; 2) на темѣ горъ (темени): 3) воилъ вм. вылъ: 4) былъ отказанъ вм. ему отказали: 5) игумену вм. игумну.

незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается какъ грѣшу.

*

Иностранныя собств(енныя) им(ена), кончающіяся на *е, и, о, у* не склоняются. Кончающіяся на *а, ъ* и *ь* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гетемъ, и проч.

Какъ надобно писать: турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

*

Многіе пишутъ: юпка, сватьба вмѣсто юбка, свадьба. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣнятся на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

*

Двенадцать, а не двѣнадцать. Две сокращено изъ двое, какъ три изъ трое.

*

Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе ли телега (отъ слова телецъ: телега, запряженная волами)?

*

Разговорный языкъ простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ, и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ Базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

*

Московской выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. (Мы говорили). Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ (часто) измѣнены. Мы даже говоримъ: женшины, (ношлегъ) ношлегъ (см. Богдановича).

*

(Шпіоны подобны буквѣ ъ: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтиться, а они привыкли всюду соваться.)

(МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ)

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ

быстротою понятія, тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими со славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

*

Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки — ни одинъ не подумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

*

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій Il Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

*

Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ

этимъ великаномъ романтической поэзіи — и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

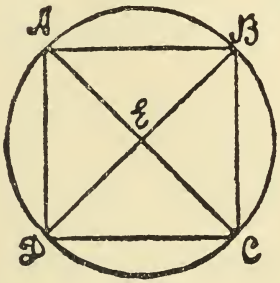
*

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!...

*

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры.



AD (1), EABDC (2) ABECD (3), ABD+AE (4) и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

*

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго». N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другого то, что можешь сдѣлать для себя».

*

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ въ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

*

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

*

Divide et impera — есть правило государственное, не только макіавелическое (принимаю это слово въ общенародномъ значеніи).

*

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы — разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть, — но ту, которую Буало опредѣляетъ: Un bon mot de deux rimes orné.

*

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей, — наше самолюбіе; мы рады, ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ бы то ни было, — мнѣніями, привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожныхъ, если бы они оставляли намъ свои признанія.

*

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

*

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

*

К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ. Чѣмъ вы это докажете? — Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ бы такъ написать.

*

Буквы, составляющія Славянскую азбуку, не представляютъ никакого смысла. Азъ, буки, вѣди, глаголъ, добро, etc. суть отдѣльныя слова, выбранныя для начальнаго ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить апофѳегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, вѣроятно, было слѣдующее: Азъ Букъ (или Бугъ!) вѣдю, т.-е. я Бога вѣдаю; глаголю добро есть; живетъ на землѣ, кто и какъ люди мыслитъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (*Λόγος*) твержу... (и прочая, говоритъ Грамотинъ; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла). Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки Французской. Вотъ она:

Eno et Ikaël

Tragédie

Personnages:

Le prince Eno
La princesse Ikaël, amante du prince Eno
L'abbé Pecu, rival du prince Eno
Ixe, Igrec, Zède } gardes du prince Eno

Scène unique

Le prince Eno, la princesse Ikaël, l'abbé Pécu, Gardes

Eno

Abbé! Cédez...

L'Abbé

Eh! f...

Eno (mettant la main sur sa hâche d'arme)

J'ai hâche!...

Ikaël (se jetant dans les bras d'Eno)

Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse)

Eno (se retournant vivement)

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! Prenez m-r l'Abbé et jetez-le par les fenêtres!

(О РУССКИХЪ СЛОВАХЪ, ВЗЯТЫХЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова touchant (см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова). Хладнокровіе — это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее

выраженіе французское есть sens froid — хладномысліе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ — положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ: не въ свое тарелкѣ.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.
(Горе отъ ума).

(РАЗБОРЪ ПОСЛОВИЦЪ)

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т.-е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ» — пословица латинская.

«Нужда научитъ калачи ѣсть», т.-е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т.-е. въ должности; въ отвѣтѣ, т.-е. въ посольствѣ.

«Не суйся середа прежде четверга». Смыслъ иронической и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспоривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». Разительное изображеніе нищеты: см. Древнія стихотворенія.

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острились.

О ПРИЛИЧІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ

По поводу Альфреда де Мюссе

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ Harmonies religieuses; между тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (les Orientales); между тѣмъ какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ — вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлію объяснить, сколь непохвально это ремесло — и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что однимъ словомъ, поэзія — вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства:

сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ — все это прелесть. Драматическій очеркъ Les marrons de feu обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти Mardoche Musset, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація: difficile est proprie communia dicere, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia значитъ не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ).

(О ДРАМѢ)

Драматическое искусство родилось на площади — для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки (вольность мистерій) Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

(Корнель, поэтъ Испанскій).

Сумароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній Фр(анцузскій) театръ, — на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное В(яземск)имъ; они

на словахъ согласились, признали Романтизмъ; а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ — судьба человѣческая, судьба народная. — Вотъ почему Расинъ великъ, несмотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, Государственныя мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. Свобода.

Между тѣмъ какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что Прекрасное есть подражаніе изящной природѣ, и что главное достоинство искусства есть польза. Почему же статуи разкрашенныя (и слѣдственно ближайшія къ природѣ) нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Ап(оллонѣ) Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ Драм(атическаго) иск(усства). Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность Др(аматическаго) иск(усства) именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои насто-

ящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но (можетъ ли сей обманъ существовать) въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.?

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира Рим(скіе) ликт(оры) сохраняютъ обычаи Лондонскихъ Альдермановъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодаго благовоспитаннаго маркиза. У Корнеля Клитемнестру сопровождаетъ Швейцарская гвардія. Римляне Корнеля суть если не Испанскіе рыцари, то Гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ...

Какого же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія сего вопроса разсмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія — драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній — для него и казни — зрѣлище — трагедія, преимущественно, выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но при-

вычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ ужъ равнодушно; изображеніе же страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ (драмы); но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую болѣе, какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что она нерѣдко близко подходитъ къ Трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества, перенеслась ко двору. Между тѣмъ, (драма) остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, — (что привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ Государственныхъ происшествій? Отселѣ исторія перенеслась на театръ; и народы, и Цари выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила уже маску преувеличенія,

необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало-помалу сдѣлалась благопристойна и важна). (Цѣль означить разницу между трагедіей народной, Шекс. и драмой придворной Расина).

(Отселѣ важная разница). Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностію въ своей (superiorité) возвышенности, и публика безпрекословно (это) чувствовала. При Дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя (не на своемъ мѣстѣ) ниже своей публики: зрители были образованнѣе его — по крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ и они; онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (un héros, un roi de comédie), и привычка влагать въ уста людей высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, и придавать имъ странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, (напр.) Неронъ не скажетъ просто: je serai caché dans ce cabinet, но caché près de ces lieux, je vous verrai, Madame. Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностію: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у

(Шекспира этого не замѣтно). И если (иногда) герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія, какъ простые люди. Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлію и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драм(атическаго) искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностію народною. Мистеріи (Дмитрія) Ростовскаго, трагедіи царевны С(офьи) Алекс(ѣевны) были представляемы при ц(арскомъ) дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ и были необыкновеннымъ празднествомъ, а не постоянными увеселеніями. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, не понимавшаго драма(тизма) и не привыкшаго къ его условіямъ. (Попытки Волкова не имѣли успѣха). Явился Сумароковъ, нещастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя (безс)противомыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елисаветы, какъ новость, какъ подражаніе Парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. (Театръ оставался чуждымъ нашимъ обычаямъ). Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался (сдѣлать) дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ тра(гедій) изъ Греческой,

Римской и Европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ Итальянскихъ новеллъ.

Послѣ Дмитрія Донского, послѣ Пожарскаго (произведенія незрѣлаго таланта), мы все не имѣли трагедіи. Андромаха К(атенина) (можетъ-быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому), не разбудила, однако жъ, ото сна нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе, произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было бы рѣшить: можетъ ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась, и потомъ уже была призвана въ Аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароко(вскую) тр(агедію) низвести на площадь; но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру тра(гедіи) Рас(ина) можетъ ли отвыкнуть отъ Аристократическихъ своихъ привычекъ, (свой разговоръ, размѣренный, важный и напыщенно благопристойный)? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть

страсти сего народа, какія струны его сердца? гдѣ найдетъ она себѣ созвучія, — словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменныя его привычки (dédaigneux); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику (журналовъ). Передъ нею возстанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія цѣлыхъ столѣтій...

Передъ нами, однако жъ, опытъ народной трагедіи.

(Разборъ драмы: Марѳа Посадница)

Прежде, чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго Автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по расчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ угожденіе общей массѣ читателей, не только не пріуготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Не говоримъ ужъ о журналахъ, коихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе не только на публику, но даже на тѣхъ читателей, которые, хотя ими и пренебрегаютъ, но опасаются печатныхъ (критиковъ) насмѣшекъ и ругательства. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, уединяясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ Маѳы Пос(адницы) имѣлъ цѣлію развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новагорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица представлены ему были исторіею. Первое, Іоаннъ, уже начертанный Карамзинымъ во всемъ его (грозномъ) и хладномъ величіи; второе, Новгородъ, коего черты надлежало угадать.

Драматическій поэтъ, безпристрастный, какъ судьба — долженъ былъ изобразить столько же искренно отпоръ погибающей Вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. — Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, — но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло — воскресить минувшій вѣкъ во всей его полнотѣ, силой истинѣ(ы). Исполнилъ ли сіи первоначальныя, необходимыя условія Авт(оръ) М(аѳы) Пос(адницы)? Отвѣчаемъ, исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка всегда несовершенная, — сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ, его вліяніе и его политика.
Шекспиръ, народъ, женщины.
Посадница (какъ понялъ ее Карамзинъ).
К . . . . . .
Дѣйствіе (Слогъ).

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ Новгородъ узнаетъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. — Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ — даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ; какъ Марѳа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ Московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. — Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. — Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и изъясняютъ высокіе замыслы. Послы Новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная, твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ... мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный Государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена! какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго Города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы ли они, или нѣтъ — онъ предписываетъ свои послѣднія условія. — Между тѣмъ готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Въ сценѣ между Іоа(нномъ) и вымышленнымъ Борецкимъ (кажется намъ) невыдержанною. Поэту не

хотѣлось совсѣмъ унизить Новгородскаго предателя — отселѣ заносчивость его рѣчей — и не драматическая (т.-е. неправдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій — правда. Но предъ его лицомъ не смѣлъ бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ бы уже вольнымъ языкомъ Новагорода. Зато съ какой полнотой, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ Государственныя свои мысли! и замѣтимъ — откровенность: вотъ лучшая лесть Властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна

Россійскіе бояре, Вожди, князья и пр.

кажется намъ не въ духѣ властолюбиваго Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ изъяснять причины своихъ дѣйствій. — Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы. —

Мы разстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣренія, его мысли, его могучую волю — и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. — Его разпоряженія, переданныя намъ Исторіей, сохранены въ Трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. — Марѳа предрекаетъ ему семейственныя нещастія и погибель его рода — онъ отвѣчаетъ, что Господу...

Спокойно я исполнилъ подвигъ свой.

Только изображеніе Іоанна, изображеніе, согласное съ Исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. — Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знастъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній,

безъ надутости, чопорности, безъ противомыслія, безъ шарлатанства.

ДѢТСКІЯ СКАЗОЧКИ

Маленькій лжецъ

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ — онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобъ не солгать. — Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. — Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII, и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. — Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителей находится поваренокъ — Астрономъ, форрейторъ — историкъ, и что птичникъ Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. — Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались, и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

Исправленный забіяка

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: Пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ нигилистъ! — и кидалъ въ него грязью. — Однажды степенный человѣкъ,

имъ замаранный, разсердился, и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: Подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не брезгалъ поучить тебя. Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовавъ свою вину, исправился.

(Вѣтреный мальчикъ)

Алеша былъ очень неглупой мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда бранили его за то, что онъ пренебрегалъ фр. и нѣмецк. яз., то онъ отвѣчалъ, что онъ русской и что довольно для него, если онъ будетъ понимать иностранные языки. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, и однимъ педантамъ простительно было имъ заниматься. Русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться, ибо недоволенъ былъ изданною для нар. уч. и ожидалъ новой, философ. Логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостойною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ Алеша зналъ первыя 4 пр. ариѳметики и читалъ довольно бѣгло по русски. Онъ прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись. Иногда учитель бранилъ его за Вокабулы. Алеша отвѣчалъ имъ имена Шеллинга, Фихте, Кузена, Герена, Нибура, Шлегеля и пр.

1830—1831 г. г.

(БАРАТЫНСКІЙ)

(I)

Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнассѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ

негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуточкахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, — появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ».

Какъ отозвался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» (напечатанная въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ) подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

. . . . . .

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія, укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и — никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству — долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое вліяніе (ascendant).

Перечтите его Эду (которую критики наши назвали ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), — перечтите сію простую, восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувства развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго обольстителя:

Взоръ укоризны, даже гнѣва
Тогда поднять хотѣла дѣва,
Но гнѣва взоръ не выражалъ:
Веселость ясная сіяла
Въ ея младенческихъ очахъ...

Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ, Эда уже не ребенокъ:

На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко-зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,

И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ поутру;
Тамъ, за горою, долъ таится;
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится...
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай, и въ долъ прекрасный
Не приходи...

Какая роскошная черта! какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства

18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-помалу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т.-е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ расчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что, съ другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса. Поэтъ нашъ не только никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей діалектики, но и не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, если бъ онѣ не существовали.*

Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать

* Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: «un bon mot de deux rimes orné», скоро старѣетъ и живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее, к произведеніе искусства.

подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

(II)

Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ, что въ безотчетномъ отверж(еніи) dédaigne такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности (цѣлаго) и сообразности частей.

Никто болѣе (Баратынскаго) не вложилъ (n'a mis) чувства въ свои мысли и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ нераздѣлимы.

Провинціальная чопорность

Наконецъ, появилось собраніе стихотвореній Баратынскаго, такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое. Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше мнѣніе объ одномъ изъ первенствующихъ нашихъ поэтовъ и (быть можетъ) еще не довольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произведенія Баратынскаго обратили на него вниманіе. Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкновенную.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей, можетъ быть, зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то, что нынѣ выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ.

Соперники Баратынскаго — Батюшковъ и Жуковскій; сравн(ить).

Первыя произведенія Баратынскаго были элегіи, и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи, какъ въ старину старались осмѣять оды; но если вялыя подражанія Ломоно-

сова и Баратынскаго равно несносны, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что роды элегическій и лирическій должны быть исключены изъ разрядныхъ книгъ поэтической олигархіи.

Да къ тому жъ, у насъ почти не существуетъ чистая элегія. Въ древности отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идиллію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирическій (чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гете). Tous les genres sont bons, excepté l'ennuyeux: вотъ основаніе поверхностной критики; хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи, — что это значитъ? Можно ли сказать, что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?

1831 г.

(ДЕЛЬВИГЪ)

(I)

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ

успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостью ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ, будто бы, подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекрас-

наго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!

(II)

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.

Дельвигъ, обыкновенно, просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ осьмомъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.

Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce que Delvig a si peu écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны; но когда, наконецъ, онъ ихъ читалъ, облеченныя

въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ Лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

(III)

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ.

(IV)

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе».

(V)

Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ бы списокъ членовъ съ означеніемъ того, что кѣмъ написано.

(Записка объ изданіи газеты)

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

(Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя).

(Литераторы во время царствованія покойнаго императора были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія (къ нещастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать), отчасти — изъ непростительнаго небреженія. Могу сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго Государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство, не смотря на неизмѣримое неравенство средствъ).

Нещастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совер-

шенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненнымъ невѣжественной и своенравной цензурою. Не было закона касательно собственности литературной.

За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства).

Огражденіе сей собственности и цензурной уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами. Изо всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго. (Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія).

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

(Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100 000 дохода, между тѣмъ какъ чисто литературная едва ли окупаетъ издержки изданія).

Всякій журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго,

какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ — и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ, но журналы чисто литературные, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 300, и слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ бы вовсе не дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается, ибо никто не станетъ покупать товара, охужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы ровняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т. е. журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости.

(Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или мною).

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностію ему повиноваться и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала.

Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна.

(Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для разъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою).

(Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство было бы съ ихъ стороны столь же безразсудно какъ и неблагодарно).

(СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕЛОРМА И СЕНТЪ-БЕВА)

Иностранная литература

Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme (Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма). — Парижъ, 1829 (I т. въ 16 д. л.).

Les consolations, poésies par Saint-Beuve (Утѣшенія. Стихотворенія Сентъ-Бёва). — Парижъ, 1830 (I томъ въ 18 д. л.).

Года два тому назадъ, книжка, вышедшая въ свѣтъ подъ заглавіемъ Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя въ Парижѣ вниманіе Критиковъ и публики. Вмѣсто предисловія, романическимъ

слогомъ описана была жизнь бѣднаго молодаго Поэта, умершаго, какъ увѣряли, въ нищетѣ и неизвѣстности. Друзья покойника предлагали публикѣ стихи и мысли, найденныя въ его бумагахъ, извиняя недостатки ихъ и заблужденія самого Делорма его молодостію, болѣзненнымъ состояніемъ души и физическими страданіями. Въ стихахъ оказывался необыкновенный талантъ, ярко отсвѣченный страннымъ выборомъ предметовъ. Никогда ни на какомъ языкѣ голый сплинъ не изъяснялся съ такою сухою точностію; никогда заблужденія жалкой молодости, оставленной на произволъ страстей, не были высказаны съ такой разочарованностію. Смотря на ручей, осѣненный темными вѣтвями деревъ, Делормъ думаетъ о самоубійствѣ, и вотъ какимъ образомъ:

Pour qui veut se noyer la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et comme pour un bain à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder, d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés:
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer seulement, un... deux mois,
Peut-être un an après, un jour ... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,

Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Éclairera ce corps d'une lueur blafarde,
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront long temps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сынъ; Делормъ его привѣтствуетъ:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encore; le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois ... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Requeilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents, ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norwège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un inneffable amour!
— Moi, pendant ce temps là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.

C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ces nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir,
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Été long-temps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit ... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.

Между сими болѣзненными признаніями, сими мечтами печальныхъ слабостей и безвкусными подражаніями давно осмѣянной поэзіи стараго Ронсара, мы съ изумленіемъ находимъ стихотворенія исполненныя свѣжести и чистоты. Съ какой меланхолической прелестію описываетъ онъ, напримѣръ, свою Музу.

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la voix sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs dès qu'il a dit oui,

Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;
A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre épanche avec des pleurs
L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non. — Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peût-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfum et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dés l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сію прелестную картину оканчиваетъ онъ медицинскимъ описаніемъ чахотки; Муза его харкаетъ кровью:

... une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri.

Совершеннѣйшимъ стихотвореніемъ изо всего собранія, по нашему мнѣнію, можно почесть слѣдующую элегію, достойную стать на ряду съ лучшими произведеніями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joueuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première à leur rappeler l'heure,

A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il était défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille ainée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices
De l'amour dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère elle lui disait vous.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle.
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un coeur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère,
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encore raison plutôt qu'amour.

Son paisible bonheur de respect se tempère
Son époux déjà mûr serait pour elle un père
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a reglé sa vie ... Il est beau de la voir
Libre de son ménage, un soir de la semaine
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car il savent qu'il vont au rivage éternel.
Et moi qui voit couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse.
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и Критики горевали о преждевременной кончинѣ таланта, столь много обѣщавшаго, какъ вдругъ узнали, что покойникъ живъ и, слава Богу, здоровъ.

Сентъ-Бёвъ, извѣстный уже Исторіей Французской Словесности въ XVI столѣтіи и ученымъ изданіемъ Ронсара, вздумалъ подъ вымышленнымъ именемъ І. Делорма напечатать первые свои поэтическіе опыты, вѣроятно опасаясь нареканій и строгости нравственной цензуры. Мистификація, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успѣху его стихотвореній, однако жь новая школа съ восторгомъ признала и присвоила себѣ новаго собрата.

Въ Мысляхъ I. Делорма изложены его мнѣнія касательно Французскаго стихосложенія. Критики хвалили вѣрность, ученость и новизну сихъ замѣчаній. Намъ показалось, что Делормъ слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ Писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ риѳмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п. Все это хорошо, но слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества. Нѣтъ сомнѣнія, что стихосложеніе Французское самое своенравное, и смѣю сказать неосновательное. Чѣмъ напримѣръ, оправдаете вы изключенія гіатуса (hiatus), который Французскимъ ушамъ такъ нестерпимъ въ соединеніи двухъ словъ (какъ a été où aller) и котораго они же ищутъ для гармоніи собственныхъ именъ: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Замѣтимъ мимоходомъ, что закономъ о гіатусѣ одолжены Французы Латинскому эллизіуму. По свойству Латинскаго стихосложенія, слово, кончающееся на гласную, теряетъ ее передъ другою гласною. Буало замѣнилъ сіе правило закономъ о гіатусѣ:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée.

Во вторыхъ, какъ можно вѣчно риѳмовать для глазъ, а не для слуха? Почему риѳмы должны согласоваться въ числѣ (единственномъ или множественномъ), когда произношеніе и въ томъ и въ другомъ одинаково? Однако жь нововводители всего этого еще не коснулись; покушенія же ихъ едва ли счастливы.

Въ прошломъ году Сентъ-Бёвъ выдалъ еще томъ

стихотвореній, подъ заглавіемъ: Les consolations. Въ нихъ Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ. Уже онъ не отвергаетъ отчаянно утѣшеній религіи, но только тихо сомнѣвается; уже онъ не ходитъ къ Розѣ, но признается иногда въ порочныхъ вожделѣніяхъ. Слогъ его также перебѣсился. Словомъ сказать и вкусъ и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ и совершенно порядочнымъ человѣкомъ.

Къ несчастію должны мы признаться, что, радуясь перемѣнѣ человѣка, мы сожалѣемъ о Поэтѣ. Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ Французскимъ Поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. искренностію вдохновенія. Нынѣ французскій Поэтъ систематически сказалъ себѣ: Soyons religieux, soyons politiques, а иной даже: soyons extravagants и холодъ предначертанія, натяжка, принужденность отзываются во всякомъ его твореніи, гдѣ никогда не видимъ движенія минутнаго вольнаго чувства, словомъ, гдѣ нѣтъ истиннаго вдохновенія. Сохрани насъ, Боже, быть поборниками безнравственности въ Поэзіи. (Разумѣемъ слово сіе не въ дѣтскомъ смыслѣ, въ коемъ употребляютъ его у насъ нѣкоторые Журналисты)! Поэзія, которая по своему высшему свободному свойству не должна имѣть никакой цѣли, кромѣ самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобъ силою слова потрясать вѣчныя истины, на которыхъ основаны счастіе и величіе человѣческое, или превращать

свой божественный нектаръ въ любострастный возпалительный составъ. Но описывать слабости, заблужденія и страсти человѣческія не есть безнравственность, такъ какъ Анатомія не есть убійство; и мы не видимъ безнравственности въ элегіяхъ несчастнаго Делорма, въ признаніяхъ, раздирающихъ сердце, въ стѣсненномъ описаніи его страстей и безвѣрія, въ его жалобахъ на судьбу, на самого себя... Р.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ,

или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ

In arenam cum æqualibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно призналъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Димитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣздку въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ

написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе*; Николай Ивановичъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 «Телескопа», заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностію. Онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 27) статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (с. 64).
2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).
3) Что священникъ выходитъ навстрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою (с. 65).
4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенномъ исподнемъ платьѣ (с. 65).
5) Что пословица: vox populi — vox Dei есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революціи (с. 65).
6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведеніе образцовое, но, относительно, явленіе пріятное и полезное (с. 65).

---

* См. Грамматику Греча, напечатанную въ типографіи Греча.

7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоровъ (с. 68).

И что, слѣдственно: Ѳ. В. Булгаринъ, своими талантами и трудами, приноситъ честь своимъ согражданамъ:

что и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить. — Мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій.

Но дружба — (сіе священное чувство) — слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ (въ № 9 «Телескопа») взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ», и проч.

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: «у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ»? Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки — и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности! «Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то

А. Орловъ!...» Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живаго автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ — Александръ Анѳимовичъ Орловъ — живъ! Онъ живъ, несмотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!...» Произведенія Александра Анѳимовича, раздѣляющаго съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ любовь россійской публики, названы: глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать ему всякаго вздору), но оскорбительная для всей читающей публики.*

«Глупѣйшія книжонки!...» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пяти тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонокъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики; что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г. Булгарина; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ!

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

«Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!...»

«Въ Москвѣ», да, въ Москвѣ!... Что же

---

* См. разборъ Денницы въ Сынѣ Отечества — Авт.

тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противу первопрестольнаго града?... Не въ первый разъ замѣтили мы сію странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ Сына Отечества и Сѣверной Пчелы. Больно для русскаго сердца слушать таковые отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ Поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ ubi bene — ibi patria, для коихъ все равно: бѣгать ли имъ подъ орломъ Французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все Русское — были бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась Петербургская литература?... Г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями, и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія Г. Орлова ставятъ Московскаго романиста если не выше, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ Петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Анѳимовичемъ, несмотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками Сына Отечества, постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности.

Ѳаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Анѳимовича плѣнительною щеголеватостію выраженій; Александръ Анѳимовичъ беретъ преимущество надъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и остротою разсказа.

Романы Ѳаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе* въ авторѣ (и требуютъ еще большаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Анѳимовича болѣе кратки, но болѣе замысловаты и заманчивы.

Ѳаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Анѳимовичъ болѣе поэтъ.

Ѳаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина, и симъ смѣлымъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милорду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразные эффекты!

Ѳаддей Венедиктовичъ, кажется намъ, немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіяхъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки — все сбивается на тотъ же самый предметъ. Александръ Анѳимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ бы Соколъ, да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако же безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ коей Ѳаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную

* Геній есть терпѣніе въ высочайшей степени — сказалъ извѣстный Бюффонъ. — Авт.

цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели: что можетъ быть нравственнѣе сочиненій Г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него — Ножевымъ, взяточникъ — Взяткинымъ, дуракъ — Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова — Хлопоухинымъ, Дмитрія Самозванца — Каторжникомъ, а Марину Мнишекъ — Княжною Шлюхиной; зато и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи Г. Орловъ рѣшительно уступаетъ Г-ну Булгарину. Впрочемъ, самые пламенные почитатели Ѳаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностію; а самые ревностные поклонники Александра Анѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однако жъ порывами генія.

Со всѣмъ тѣмъ, Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ. — Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ Сѣверномъ Архивѣ, Сѣверной Пчелѣ и Сынѣ Отечества отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Нако-

нецъ, Иванъ Выжигинъ явился — и Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ Сѣв. Архива, Сына Отечества и Сѣв. Пчелы. Сіи усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местью недоброжелателямъ, не дочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія вспомогательныя средства употреблялъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, не знающимъ Русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Нимало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратія:

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ нашу бѣдную Русскую литературу и хочетъ разрушить Русскій Парнассъ не бомбами, но

каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ — изъ ученыхъ, какъ видно по Латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ, «убоясь бездны премудрости, вспять обратился». — Знаменитое лубочное произведеніе: мыши кота хоронятъ или небылицы въ лицахъ, есть Иліада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова, а Бова Королевичъ — герой, до котораго не возвысился еще почтенный авторъ... Державинъ есть у насъ Альфа, а г. Орловъ — Омега въ литературѣ, то-есть послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому заслуживаетъ вниманія, какъ все необыкновенное.* Языкъ его, изложеніе и завязка могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены сіи чада безвкусія, и съ смѣлостью автора.

Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли бы свѣта, и ни одинъ изъ Петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся бы ихъ издавать.

По какому праву Г. Орловъ вздумалъ наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ Степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на Русскомъ языкѣ. — Да здравствуетъ Московское книгопечатаніе!» (Сѣв. Пчела 1831 г., № 64).

* Важное сознаніе! Прошу прислушать! — Авт.

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анѳимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по 20 рублей? Что же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что получивъ 20 рублей, доставилъ онъ другому 2000 выгоды*; между тѣмъ какъ нѣкоторый Петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись 30,000, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ Латинскій языкъ. Конечно, доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-Латыни; но ужели сему незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что Г. Орловъ изъ ученыхъ. Конечно доказано, что Г. Булгаринъ вовсе не ученъ; но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство столь завидное?

Этого не довольно; грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное самимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ? — Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа Г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей Сѣверной Пчелы; справедливы ли сіи критики? виноватъ ли Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

---

* Историческая истина! — Авт.

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его не знающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурного?*

Θеофилактъ Косичкинъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ Пролазъ съ Высоносомъ, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

«Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ».

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я, тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь, статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая на дняхъ антикритику, подав-

* Сынъ Отечества, № 27, стр. 60. — Авт.

шую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«Я рѣшился на сіе (на оправданіе Г. Булгарина) не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ» (см. № 27 Сына Отечества, издаваемаго Гг. Гречемъ и Булгаринымъ).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія сіи краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у Г. Булгарина въ мизинцѣ, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. Издатель Телескопа? Вѣроятно, мстительный мизинчикъ указуетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступиться за свою голову.* Но кто же другіе?

Г. Полевой? Но несмотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч., всей Европѣ извѣстно, что Телеграфъ состоитъ въ добромъ согласіи съ Сѣверной Пчелой и Сыномъ Отечества: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но сей замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ

---

* До мизинцевъ ли мнѣ? — Изд. Телескопа.

болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели Сѣверной Пчелы ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя бы сей палецъ былъ и знаменитый, вышеупомянутый мизинчикъ.

Г. Сомовъ? Но, кажется, Литературная Газета, совершивъ свой единственный подвигъ — совершенное уничтоженіе (литературной) славы г. Булгарина — почіетъ на своихъ лаврахъ, и г. Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія щекотя Газету проказливымъ мизинчикомъ.

Кого же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто сіи рецензенты, у коихъ — и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель ужъ догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, о Ѳеофилактѣ Косичкинѣ.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! Ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостію, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ ли кто-нибудь изъ Гг. Русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ-

быть, по примѣру Г-на Полевого, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ бы говорить въ третьемъ лицѣ и попросить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и Гг. Русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что жъ! Г. Гречъ въ журналѣ, съ жадностію читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понимать, будто бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагаю себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было — Dixi.

Взявшись за перо, я не имѣлъ однако жъ цѣлію объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ-аристократамъ (разумѣю слово сіе въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статьи, принятой Московскою и Петербургскою публикою съ отличной благосклонностію), — не ожидалъ я, чтобъ Сѣверная Пчела возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сіи нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго

Сына Отечества, издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

Сѣверная Пчела (№ 101), объявляя о выходѣ новаго Выжигина, говоритъ: «Заглавіе сего романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго г. А. Орлова, знаменитаго автора. При томъ же всякое произведеніе Московской литературы, носящее на себѣ печать изданія книгопродавцевъ «пятнадцатаго класса» приводитъ насъ въ невольный трепетъ». «Блаженный г. Орловъ...» Что значитъ блаженный Орловъ? О! конечно: если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ; въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога: то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостію оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія Г-на Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задор-

ному маракѣ. Фильдингъ и Лабрюеръ не были ни Статскими Совѣтниками, ни даже Коллежскими Ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностію и добросовѣстностію, а не фигляры и не наглецы».

Надѣюсь, что сей умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели Сѣверной Пчелы, Сына Отечества и Сѣвернаго Архива не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того Китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, маратъ меня своимъ товариществомъ; но что дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка.

Содержаніе.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной конурѣ. Воспитаніе ради Христа. — Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ. — Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше Благородіе! Дайте опохмелиться! — Глава IV. Дружба съ Евсеемъ.

Фризовая шинель. Кража. Бѣгство. — Глава V. Ubi bene, ibi patria. — Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву. — Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. — Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ. — Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный. — Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ. — Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ. — Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки. — Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка! — Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностію объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ. — Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы. — Глава XVI. Видокъ или маску долой! — Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ. — Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

Ѳ. Косичкинъ.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый анти-поэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескьё, Вольтеръ, доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о

Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скучнѣе (Ю... и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но тому лѣтъ десять — его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

О НОВѢЙШИХЪ РОМАНАХЪ

Barnave, Confess(ions), femme Guill(otinée); Eugène Sue; De Vigny; Hugo; Balzac, Scènes, Peau de Chagrin Contes bruns drol(atiques?) Musset (tableaux?) de nuit.— Поэзія французская. — Byron. — Муравьевъ, Полевой (Полевой романистъ), Свиньинъ, Карамзинъ.

(О ДВОРЯНСТВѢ)

I. Что такое потомственное дворянство? Сословіе народа высшее, т.-е. награжденное бо́льшими преимуществами, касательно собственности и частной свободы. — Кѣмъ? — Народомъ или его представителями. — Съ какою цѣлію? — Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или

близкихъ и непосредственныхъ къ властямъ представителей. — Какіе люди составляютъ сіе сословіе? — Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами. — Кто сіи люди? — Отмѣнные по своему богатству или образу жизни. — Почему такъ? — Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du souverain; образъ жизни, т.-е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы. — Почему такъ? — Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ — отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей. — Нужно ли для дворянства пріуготовительное воспитаніе? — Нужно. — Чему учится дворянство? — Независимости, храбрости, благородству, чести вообще. — Не суть ли сіи качества природныя? — Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить. — Нужны ли они въ народѣ, такъ же, напримѣръ, какъ трудолюбіе? — Нужны, и дворянство — la sauvegarde трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества.

II. Что составляетъ дворянство въ республикѣ? — Богатые люди, которыми народъ кормится. — А въ государствѣ? — Военные люди, которые составляютъ гвардію и войско государево. — Чѣмъ кончается (погибаетъ) дворянство въ республикѣ? — Аристократіей правъ. — А въ государствѣ? — Рабствомъ народа. А = В.

III. Наслѣдственныя преимущества высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности.

IV. Русское дворянство что нынѣ значитъ? Какими способами дѣлаются дворяне? Что изъ этого слѣдуетъ? NB. Былое презрѣніе къ сему званію. Дворянинъ-помѣщикъ. Его вліяніе и важность; рекрутство; права. Дворянинъ въ службѣ. Дворянинъ въ деревнѣ. Происхожденіе дворянства. Дворянинъ при дворѣ.

V. Attentat de Ѳеодоръ. Lâcheté de la haute noblesse (между прочимъ и моего пращура Никиты Пушкина).

Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (la révolution incarnée). Les rangs. Chute de la noblesse. Son указъ de 1714 etc.

Voilà déjà 150 ans que la табель о рангахъ balaye la noblesse et c'est l'Empereur actuel qui le premier a posé une digue, bien faible encore, contre le débordement d'une democratie pire que celle de l'Amérique. — Уничтоженіе дворянства чинами. Маіоратства, уничтоженныя плутовствомъ. Паденіе постепенное дворянства.

Opposition de Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle des Panine).

Pierre III. Истинная причина дворянской грамоты.

Екатерина. Alexandre. Новосильцевъ. Чарторижскій. Кочубей. Speransky, popovitch turbulent et ignare.

Les moyens avec lesquels on accomplit une révolution ne sont plus ceux qui la consolident.

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait), elle est donc noblesse à vie. Moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance. Le contraire est nécessairement moyen de tyrannie ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme, c'est: loix cruelles, coutumes douces.

Stabilité — première condition du bonheur public.

Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie ?

1832 г.

(ПРОГРАММА ЖУРНАЛА)

Что есть журналъ европейскій. Что есть журналъ русскій. Нынѣшніе русскіе журналы. Каковъ можетъ быть русскій журналъ.

Часть политическая. Внѣшняя политика. Происшествія политич. Полемика.

Предварительное изъявленіе мнѣній правительства. Внутреннія происшествія и указы. О мѣрахъ правительства. Матеріалы отъ правительства. Корреспонденція.

Литература. Внѣшняя литература. Лучшія статьи изъ журналовъ. Критика иностранныхъ книгъ. Внутренняя. Истор. матеріалы. Текущая литература. Feuilleton. Théâtre. Библіографія. Объявленія.

Пособія: повелѣнія министровъ.

Журналъ мой предлагаю правительству — какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.

Официальность.

Контора подъ вѣдом. редактора. Подписка въ экспедиціяхъ и въ почтамтѣ. Разсылка по домамъ.

Книги: 1) Подписная, билетовъ; 2) Поступающихъ денегъ; 3) Книга прихода и расхода (Großbuch); 4) Отдѣльный счетъ съ бумагой; 5) Книги съ разнощ. жалобъ; 6) Сотрудники; 7) Покупки.

Исполнитель.

(О КНИГѢ А. Н. МУРАВЬЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СВ. МѢСТАМЪ)

Въ 1829 году авторъ находился въ главной квартирѣ Дибича. — За Балканами остановились русскія войска; начались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Вниманіе Европы было обращено на Адріанополь, гдѣ рѣшалась судьба Греціи, цѣлыя 8 лѣтъ занимавшей помышленія просвѣщеннаго міра. — Греція оживала. Могущественная помощь Сѣвера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ о Іерусалимѣ, о св. храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Европою для суетныхъ развалинъ Парѳенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отрочества. Г. М. (Муравьевъ) черезъ Г. Дибича получилъ дозволеніе посѣтить св. мѣста и отправился къ нимъ черезъ Константинополь и Александрію. Нынѣ издалъ онъ свои путевыя записки.

Съ умиленіемъ и невольной завистью прочли мы книгу Г-на М(уравьева). Здѣсь нѣтъ, говоритъ другой русскій путешественникъ... Но молодаго нашего соотечественника привлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поэтическаго романа, не безпокойное любопытство, (не надежда) найти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и притупленнаго. Онъ посѣтилъ св. мѣста, какъ вѣрующій, какъ смиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергнуться въ прахъ предъ гробомъ Христа Спасителя. Онъ traverse Грецію, . . . préoccupé

одною великою мыслію; онъ не старается, какъ Ш(атобріанъ), воспользоваться противоположностью миѳологій Библіи и Одиссеи; онъ не останавливается, онъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ... преобразователемъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ въ пустыню, оживленную черными шатрами бедуиновъ и верблюдами каравановъ, вступаетъ въ обѣтованную землю, наконецъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ...

1833 г.

(О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА)

На дняхъ вышли въ свѣтъ Сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (г. Бахтинъ) въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва ли существуетъ, а на нѣтъ — суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что называется у насъ критикой, то это доказываетъ, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вто-

рыхъ, и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ Апостоловъ романтизма, первый введши въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идеаламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ г. Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то же, что Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Ленору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но сія простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей, и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ-быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ

произведенное, было и того хуже. Убійца въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ, наконецъ, начали отдавать справедливость и то скупо и неохотно. Между ними отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Вторая быль, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестною вѣрностію постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная, но древняя — простая, широкая, свободная; меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, сію простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г. Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

(МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ)

Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ: всѣ обратились

съ изумленіемъ и негодованіемъ, и знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистію. — Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта. Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

(ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО И ФАЛЬСТАФЪ ШЕКСПИРА)

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера Скупой скупъ — и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ

тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ-быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ; напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ, какъ баба. Ему нужно крѣпкое Испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ коемъ природа, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ прія-

тельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ папеньку Государь любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?» — Папенька, отвѣчалъ Володя.

1833—34 г. г.

(МЫСЛИ НА ДОРОГѢ)

(I. Шоссе)

Узнавъ, что новая Московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Пстербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе пятнадцати лѣтъ. Я записался въ конторѣ Поспѣшныхъ Дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ), и 15-го октября, въ десять часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ путь. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ выѣздомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностію, но я не имѣю и притязаній на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути

возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были бы еще лучше, если бы Губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ утѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ, вѣроятно, съ того, что прорoетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ 40 тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ, какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію Императора Александра; Дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: Правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со времени восшествія на престолъ Дома Романовыхъ, Правительство у насъ всегда впереди на поприщѣ образованія и

просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и разкрыть, возвращаясь изъ Англійскаго Клоба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ Арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ, или въ Поспѣшномъ Дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ (весьма) относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ писанныхъ съ цѣлію просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что Клариса очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсоновъ имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю ** (Соболевскому), коего библіотекой привыкъ я пользоваться. Я просилъ у него книгу скучную, но любопытную, въ какомъ бы то

ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. Постой, сказалъ мнѣ ** (Соболевскій): есть у меня для тебя книжка. Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ. Надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность. Я разкрылъ ее и прочелъ заглавіе: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Спб. 1790, съ эпиграфомъ:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй.»
Тилимахида. Книга XVIII, ст. 514.

Книга, нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ брадатаго разнощика.

Я искренно благодарилъ ** (Соболевскаго) и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева

путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

(II. Москва)

«Москва! Москва!» возклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги, и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полу-истины, за свои дерзкія мечтанія... Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ Московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! Ямщикъ, погоняй!... Москва, Москва!

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Нынѣ покидая смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встрѣвоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающіе меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее Боярство, Вельможи оставившіе Дворъ, люди независимые, безпечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего Русскаго Дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая Гвардейская молодежь налетала туда жъ

изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ Благороднаго Собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные Княземъ Долгорукимъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности Москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домикъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четверомѣстныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя, по крайней мѣрѣ, примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 году, моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызоло-

ченнымъ Гербомъ торчитъ вывѣска портнаго, который платитъ хозяину 30 рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бель-этажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ — и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается стукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ Полицмейстеровъ со своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина; плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ Англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало уставленныхъ миртовыми и померанцовыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія Французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ Нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ Двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или Саратовскаго откупщика. Московскіе балы.... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ.... Кавалеры набраны кое-гдѣ — и что за кавалеры! Горе отъ ума есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ уже не найдете ни Фамусова, который всякому, ты знаешь, радъ: и князю Петру Ильичу, и Французу изъ Бордо, и Загорѣц-

кому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,
А лѣтомъ праздники на дачѣ.

Хлёстова въ могилѣ; Репетиловъ въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ него, когда старая Аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть было не возвратили Москвѣ своихъ Государей; но смерть молодаго Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ же Государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое: обѣднѣніе Русскаго дворянства, происшедшее частію отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, частію отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой блескъ аристократическій, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ

палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

(Московская словесность выше петербургской). Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ Петербургскій. Московская критика съ честію отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ, какъ о музыкѣ, о музыкѣ, какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большею частію неосновательно и поверхностно.

Философія Нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе, вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма Французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами; оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ меланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ....

(III. Ломоносовъ)

Въ концѣ книги своей Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ Росскаго Пиндара. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властію, на которую напалъ съ такой безумной дерзостію. Онъ болѣе тридцати страницъ наполнилъ похвалами Стихотворцу, Ритору и Грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ позорищнаго стихотворенія и томился въ эпопеи, что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности, что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ, и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?»

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является

самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый Университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ Университетомъ. Но въ семъ Университетѣ Профессоръ Поэзіи и Элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не Поэтъ, вдохновенный свыше, не Ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сдѣлалась было необходимостію; къ щастію, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига, и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности — вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѳмичествѣ, не думаетъ.... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч.

Ничто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ слѣдующій рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757:

«По ордеру Вашего Сіятельства велѣно всѣмъ Академическимъ Профессорамъ и Адъюнктамъ, чтобы рапортовали Вашему Сіятельству о своихъ трудахъ и упражненіяхъ въ наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу онаго рапортую, что̀ съ того времени до нынѣшняго числа по моей профессіи и въ другихъ наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 году. Въ Химіи. 1. Произведены многіе опыты химическіе, по большей части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того жъ году журналъ Лабораторіи на 12 листахъ и другія записки. 2. Говорилъ сочиненную свою Рѣчь о пользѣ химіи на Россійскомъ языкѣ. 3. Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической Химіи.

Въ Физикѣ. 1. Дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія, какою пропорціею воздухъ сжимается и расширяется по всѣмъ градусамъ термометра. 2. Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3. Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ посторонніхъ матерій простою механикою, что изрядной успѣхъ имѣетъ, и весьма дешево становится.

Въ Исторіи. Читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской Исторіи: Нестора, за нимъ Прислави Большой лѣтописецъ, Татищева первой томъ, Крамера, Вейселя, Гелмолда,

Арсолда, и другіе, изъ которыхъ бралъ нужныя ексцерпты или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи, на 15 листахъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Сочинилъ Трагедію, Демофонтъ называемую. 2. Сочинялъ Стихи на иллюминаціи. 3. Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію Грамматики зачалъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи Студентамъ въ Россійскомъ Стихотворствѣ, и особливо Поповскому, который нынѣ Профессоромъ. 4. Диктовалъ Студентамъ сочиненное мною начало третьей книги Краснорѣчія о Стихотворствѣ вообще.

Въ 1752 году. Въ Химіи. 1. Дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года, на 25 листахъ. 2. Показывалъ Студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Геккеля. 3. Для яснаго понятія и краткаго познанія всей Химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною къ Физической Химіи пролегомены на Латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13 листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на шести полулистахъ. 4. Изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. 5. По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ.

Въ Физикѣ. 1. Чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію. 2. Зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра.

Въ Исторіи. Для собранія матеріаловъ къ Россійской Исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мура-

торія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Ѳеофана Исповѣдника, Леона Грамматика и иныхъ ексцерптовъ нужныхъ, на 5 листахъ въ 161 статьѣ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Сочинилъ Оду на восшествіе на Престолъ Ея Императорскаго Величества. 2. Письмо о пользѣ стекла. 3. Изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25 Апрѣля, на 5 Сентября, на 25 Ноября. 4. Ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ 10 листовъ.

Въ 1753 году. Въ Химіи. 1. Продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же году, на 56 листахъ. 2. По окончаніи лекцій дѣлалъ новые химико-физическіе опыты, дабы привести Химію, сколько можно, къ философскому познанію и сдѣлать частью основательной Физики; изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорціи показаны, сочинены многія цыфирныя таблицы на 24 полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержитъ.

Въ Физикѣ. 1. Съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ Химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ. 2. Чинилъ наблюденія электрической силы въ воздухѣ съ великою опасностію. 3. Говорилъ въ публичномъ собраніи Рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры. 4. Дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярчѣе, нежели въ теплотѣ.

Въ Исторіи. 1. Записки изъ упомянутыхъ прежде Авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2. Читалъ Россійскіе Академическіе Лѣтописцы, безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Для Россійской Грамматики привелъ глаголы въ порядокъ. 2. Пять проектовъ со стихами на иллюминаціи и фейерверки: на 1 Января, на 25 Апрѣля, на 5 Сентября, на 25 Ноября и на 18 Декабря.

Въ 1754 году. Въ Химіи. 1. Сдѣланы разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года, на 46 листахъ. 2. Повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя.

Въ Физикѣ. 1. Изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и ширины на морѣ при мрачномъ небѣ. Въ практикѣ изслѣдовать сего безъ Адмиралтейства невозможно. 2. Дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены, для сравненія. 3. Дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ: какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускоряетъ, и какою силою бьетъ. 4. Дѣланъ опытъ машины, которая бы, подымаясь къ верху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена.

Въ Исторіи. Сочиненъ опытъ Исторіи Славянскаго народа до Рюрика: Дедикація, Вступленіе; глава 1, о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи;

глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ Славянскаго народа; глава 3, о древности Славянскаго народа; всего 8 листовъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Сочинилъ Оду на рожденіе Государя Великаго Князя Павла Петровича. 2. Изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ въ новый 1754 годъ и Стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проэкты на иллюминацію и фейерверкъ къ 25 Апрѣля, къ 5 Сентября, къ 25 Ноября.

Въ 1755 году. Въ Химіи. Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того же года, на 14 листахъ.

Въ Физикѣ. 1. Сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ диссертацій, въ комментаріяхъ напечатанныхъ; а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная диссертація, переведенная Господиномъ Формеемъ на французскій языкъ, и въ журналѣ, называемомъ: Нѣмецкая библіотека (bibliothèque germanique), на ономъ языкѣ напечатана. 2. Сочинилъ письмо о Сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океаномъ.

Въ Исторіи. Сдѣланъ опытъ описаніемъ владѣній первыхъ Великихъ Князей Россійскихъ: Рурика, Олега, Игоря.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Сочинилъ и говорилъ въ публичномъ Собраніи Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому. 2. Сочинивъ большую часть Грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3. Сочинилъ Письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.

Въ 1756 году. Въ Химіи. 1. Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бицiя мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2. Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ былъ воздухъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе Химикамъ еще неизвѣстны. 3. Нынѣ лабораторъ Клементьевъ, подъ моимъ смотрѣніемъ, изыскиваетъ, по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки.

Въ Физикѣ. 1. Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою, tubus nyctopticus; оный долженъ служить къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2. Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенные мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда ли съ земли центръ притягающій къ себѣ тяжкія тѣла стоитъ неподвижно, или перемѣняетъ мѣсто.

3. Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною Рѣчь о цвѣтахъ.

Въ Исторіи. Собранныя мною въ нынѣшнемъ году Россійскіе Историческіе манускрипты для моей библіотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ Россійскихъ.

Въ Словесныхъ наукахъ. 1. Сочиняю Героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2. Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка къ 18 Декабря сего года.

Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1. О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2. О твердомъ термометрѣ. 3. О трясеніи земли. 4. О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5. О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлить основательно, со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ комментаріевъ охота отнимается».

Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонъ-Визинъ, коего характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ изъ-подъ-тишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ инаго покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству

Шлёцера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ нещастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго Профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало, отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичь, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о Русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Тилимахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и щастливыхъ оборотовъ. Радищевъ написалъ о нихъ цѣлую статью. (См. Собраніе Сочиненій Н. Радищева). Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ о лѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго — habent sua fata libelli.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, Графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной Идилліи воспѣваетъ Графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ Графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія Ея Величеству.» Нынѣ все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостію и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя, впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять, и не дорожилъ ни покровительствомъ своихъ Меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю Музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ было надъ нимъ пошутить: «Я, Ваше Высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу.»*

* См. его письмо къ Г. Ш. (Графу Шувалову).

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ же Вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ Академіи.» — Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ Академію отъ меня отставятъ. Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ Англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій въ прошломъ году, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his Grace the Duke etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностію занимались большею частію дворяне (en Russie quelques gentils-hommes se sont occupés de littérature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія Вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него 500 рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ томъ усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги, или хвалебнымъ объявленіемъ

заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому же съ нѣкоторыхъ поръ Литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели Его Высокопревосходительство такой то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ независимость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному Вельможѣ, а какому нибудь шельмѣ и вралю, подобному имъ.

(IV. Черная грязь)

(«Здѣсь я видѣлъ такъ же изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ дру-

гимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!... Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ — наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первой, ради полученія мзды; другой, дабы истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества — управлять себѣ подобнымъ самовластно. — О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ...»)

Черная Грязь. Браки. — Радищевъ въ главѣ: Черная Грязь говоритъ о бракахъ поневолѣ, и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ Русскаго народа. Шлюсь на Русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе — или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодаго мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти ли вышла она замужъ? По страсти, отвѣчала старуха: я было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь. Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ давнее зло. Недавно Правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка, и въ нашемъ климатѣ уже на выданіи, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

(V). Рекрутство. Городня

«Въѣзжая въ сію деревню не стихотворческимъ пѣніемъ слухъ мой былъ ударяемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50-ти, держа за голову двадцатилѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительской? Поля наши порастутъ травой; мохомъ наша хижина. Я бѣдная, престарѣлая мать твоя скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она такъ же вопила. Прости, мой другъ сердечной, прости, мое красное солнышко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты, хоть дали бъ

намъ обвѣнчатися; хотя бы ты, мой милой другъ, хотя бы уснулъ одну ноченьку, уснулъ бы на бѣлой моей груди. Авось ли бы Богъ меня помиловалъ, и далъ бы мнѣ паренька на утѣшенье.

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу, на меня палъ жеребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку. — Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго.

Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ. Достигли слезы нещастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Если бы, Государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали бы вы, чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься

въ рѣку, въ надеждѣ, что переплывъ на другой брегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертію, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; Государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но къ нещастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ?»

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій прессъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусское Landwehr — система сильная и искусно приноровленная къ Государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ Пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи. — «Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами, сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись....» и пр.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противу крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріі-

учить народъ къ рекрутству! Но можетъ ли Государство обойтиться безъ постояннаго войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты; солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный отъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину ужъ въ старости. Самое его возвращеніе есть уже порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, къ которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши Дворянскія права. Лучше употребить сіи права въ пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч.,

дѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что:

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людьми!

Но запрещеніе сіе имѣло невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишился возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, коими торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ ли черезъ то улучшилась.

(VI. Клинъ). Слѣпой

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексѣи, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! колико ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукою даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ Дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, возклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ,

и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ и похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего сего пустословія, лучше было бы, если бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ Стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны, и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи. Н. М. Языковъ и П. В. Кирѣевскій сообщили ихъ нѣсколько.

(VII. Тверь)

(«Стихотворство у насъ, говорилъ товарищъ мой трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По нещастію случилося, что Сумароковъ въ то же время былъ, и былъ отмѣнной стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ Ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если бы Ломоносовъ пре-

ложилъ Іова или Псалмопѣвца Дактилями, или если бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ Хореями, то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами опричь Ямбовъ, и болѣе бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ приобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ Епопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ бы я, чтобы Омиръ между нами не въ Ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его, Екзаметрахъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы Епоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимой возовикъ Тредіяковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнассъ окруженъ Ямбами, и Риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бы ни задумалъ писать Дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредіяковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи, и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо ко краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Фран-

цузской языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно; а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекеспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, Россійскому языку свойственныхъ. Что такое Ямбъ, Хорей, Дактиль, или Анапестъ — всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то бы было неизлишнее, если бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой можетъ что либо сдѣлать, то я бы сказалъ, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда Ямбами. Гораздо бы Епической поэмѣ свойственнѣе было, если бы переводъ Генріады не былъ въ Ямбахъ, а Ямбы некраесловные хуже прозы.») (Путешествіе, стр. 350—354).

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Тилимахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его: Осьм-

надцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная Ода (на Вольность); въ ней много сильныхъ стиховъ.

Обращаюсь къ Русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь (и вновь), трудной и чудной (и безразсудной), вѣрной и лицемѣрной и проч.

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Х. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостію и смѣтливостію. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

(VIII. Мѣдное)

(«Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ — пляшутъ — подойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля... Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулися печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская Имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ платить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо про-

играно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется... Публикуется: «Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городоваго магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставнаго капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... части, подъ Но... и при немъ шесть душъ мужескаго и женскаго полу; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно.») (Путешествіе, стр. 341—342).

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ.... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

(IX. Вышній Волочокъ)

Въ Вышнемъ Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами и благословляетъ память того, кто уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльною — и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества, и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ онъ состояніе Русскаго земледѣльца, и разсказываетъ слѣдующее:

«Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по про-

сторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, приобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или въ двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлялъ къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бою грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своея цѣли, онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя шти, а въ посты и постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ. — Таковомъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одѣжда. Обувь для зимы, то есть лапти, дѣлали они сами,

онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведѣніи неудивительно, что земледѣліе въ деревнѣ Г. Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ четвертъ; когда у другихъ хорошей былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-дѣсятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ двумъ стамъ душамъ, онъ еще купилъ двѣсти жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.» (Путешествіе, стр. 272—275).

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другова, бывшаго мнѣ знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силою души необыкновенной и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ двухъ тысячъ душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ

говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ 3 года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячею; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни штей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика. — Какъ бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

(X. Торжокъ)

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ П(ожарскаго), я прочелъ статью подъ заглавіемъ Торжокъ. Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изо всѣхъ предѣловъ.

Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ почитаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и христіанскомъ обществѣ, (замѣчу) подъ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.

Мысль — великое слово! Что жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. — Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію.

Мысль уже стала гражданиномъ, отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ Рѣчь и Рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность и безразсудность цензуры. Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изо-

брѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бъ установить цензуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе.

Конечно, если бы слово не было общею принадлежностью всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.) Противники всякой Аристократіи, развѣ не видите вы, что Аристократія самая мощная, самая опасная, есть Аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ Аристократія породы и богатства въ сравненіи съ Аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда.

Уважайте классъ писателей но не допускайте же его овладѣть вами совершенно.

Взгляните на нынѣшнюю Францію: Лю(довикъ) Ф(илиппъ), царствующій милостію свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

Я сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о свободѣ книгопечатанія, столь же откровенно буду говорить и о цензурѣ.

Высшій присутственный приказъ въ государствѣ есть тотъ, который вѣдаетъ дѣла ума человѣческаго. Уставъ, коимъ судіи должны руководствоваться, долженъ быть священъ и непреложенъ*. Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть принята не какъ извощикъ, пришедшій за нумеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лице въ Государствѣ, санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ, извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который, по свидѣтельству формуляра, учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражданства, онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя правила, двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія, Богъ вѣдаетъ какого. Но и цензора не должно запугивать, придираясь къ нему за мѣлочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлая изъ него уже не стража Государственнаго Благоденствія, но грубаго буточника, поставленнаго на

* Несостоятельность закона столь-же вредитъ правительству (Власти), какъ и несостоятельность денежнаго обязательства.

перекрестѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: тщеславіемъ и корыстолюбіемъ. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную опозицію, всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

Земская Цензурная Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ цензуры духовной, какъ было донынѣ въ Россіи. Цензоръ духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. Напримѣръ—божбу, призывъ Имени Божія въ суе, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами и т. д. Что было бы верьхомъ неприличія въ книгѣ ѳеологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

Нравственность (какъ и Религія) должна быть уважаема писателями. Безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ первыя основанія гражданскаго общества; тѣ, которыя проповѣдуютъ развратъ, разсѣваютъ личную клевету, или кои цѣлію имѣютъ разпаленіе чувственности пріапическими изображеніями. Тутъ необходимъ въ цензорѣ здравый умъ и чувство приличія, ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣтственности, какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволъ его совѣсти.

Было время (слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится), что наши писа-

тели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ — голубые, ибо слово Небо принимается иногда въ смыслѣ Высшаго Промысла. Въ славной балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью, и написалъ на полѣ: перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики. Ода Похвала водкѣ была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человѣческими законами. Спрашивается, каковъ былъ цензоръ, и каково было писателямъ?

Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ: Историческое повѣствованіе о происхожденіи цензуры. Если бы вся книга была написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла грозы на Автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ, что цензура была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее судопроизводство установлено во всей Европѣ по образу и по системѣ судопроизводства инквизиціоннаго (пытка, разумѣется, въ сторону). Инквизиція была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія. То, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени.

(XI) Русская изба

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется симъ случаемъ, дабы упомянуть о несчастныхъ Африканскихъ невольникахъ, и тужитъ о судьбѣ Русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

«Четыре стены, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутой пузырь смеркающійся въ полдень пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (щастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякой день есть пустыя шти!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; столъ топоромъ срубленной, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ. Корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ щастію кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.» (Путешествіе, стр. 411—413).

Наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его Путешествію. Ничто такъ не похоже на Русскую деревню въ 16 (столѣтіи), какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ,—даже эта ёлка, это печальное тавро Сѣверной

природы — ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Очевидно, что Радищевъ начерталъ карикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія сею чертою: и начала сажать хлѣбы въ печь.

Фонъ-Визинъ, лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба Русскаго крестьянина показалась ему щастливѣе судьбы Французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лябрюера,* слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ что видитъ и къ чему привыкла. Судьба Французскаго крестьянина не улучшилась въ царствованіе Людовика XV и его преемника....

Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса.

---

* L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, repandus par la campagne, noirs, livides et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé. Les caractères.

Сколько отвратительныхъ изтязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Смидта или объ иголкахъ Г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ нещастнѣе Англійскаго работника; но посмотрите, что дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію.... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ (кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу.... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на Русскаго крестьянина: есть ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-Русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его

требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что Французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ собственнаго своего жилища. Нищій, уходя скитаться по-міру, оставляетъ свою избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день.... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти мелкія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества....

(XII) Этикетъ

Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу.

Истина неоспоримая, коею Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій Лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся покорнѣйшими слугами — и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при Дворахъ нашихъ Царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и симъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ, давно измѣнившихся. Покойный Государь любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который во всякомъ случаѣ не худо возобновить. Конечно, Государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому же онъ при Дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ Царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

(XIII. Разговоръ съ англичаниномъ)

Клинъ, выписываю главу.

Однако строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ Русскаго крестьянина:

Къ тому жъ подушныя, боярщина, оброкъ!
И видано-ль когда на свѣтѣ
Хотя...

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ Англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что можетъ быть нещастнѣе Русскаго крестьянина?

Англичанинъ. — Англійскій крестьянинъ.

Я. — Какъ! свободный Англичанинъ, по вашему мнѣнію, нещастнѣе Русскаго раба?

Онъ. — Что такое свобода?

Я. — Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ. — Слѣдственно свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы или естественныя препятствія.

Я. — Такъ; но разница: покоряться предписаннымъ нами самими законамъ, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ. — Ваша правда. Но развѣ народъ Англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я. — Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ. — Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я. — Какъ?

Онъ. — Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать оный, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и ухо-

дитъ иногда за 2,000 верстъ выработать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я. — Но злоупотребленія частныя...

Онъ. — Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы Англійскихъ фабричныхъ работниковъ — волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи Фараоновыхъ пирамидъ, о Евреяхъ, работающихъ подъ бичами Египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ Г-на Шмидта или объ иголкахъ Г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой — какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я. — Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ. — Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: (кажется?) нѣтъ въ мірѣ нещастнѣе Англійскаго работника. Что хуже его жизни... Но посмотрите, что дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять или десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію....

Я. — Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ. — Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я. — Что поразило васъ болѣе всего въ Русскомъ крестьянинѣ?

Онъ. — Его опрятность и свобода.

Я. — Какъ это?

Онъ. — Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что сосѣди называютъ un badaud, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

Я. — Справедливо. Но свобода? Неужто вы Русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ. — Взгляните на него: что можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я. — Не удалось.

Онъ. — То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другаго; вы не видали раболѣпнаго (masters) нижней палаты передъ верхней, Джентльмена передъ Аристократіею, купечества передъ джентльменствомъ, бѣдности передъ богатствомъ, повиновенія предъ властію а (правила?) нашего (conv. crim.?). А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше въ Индіи, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

1834 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ В. Л. П.

(О КНИГѢ И. И. ДМИТРІЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ N. N. ВЪ ПАРИЖЪ И ЛОНДОНЪ)

Путешествіе etc. Картинка представляетъ etc. Эта книжка драгоцѣнная для меня во многихъ отношеніяхъ никогда не была въ продажѣ. Нѣсколько экземпляровъ розданы были пріятелямъ Автора, отъ котораго имѣлъ я щастіе получить и свой (чуть ли не послѣдній). Я храню его, какъ памятникъ благосклонности, для меня драгоцѣнной....

Путешествіе есть веселая, незлобная шутка надъ однимъ изъ пріятелей Автора. Покойный Вас. Льв. Пушкинъ отправлялся въ Парижъ, и его младенческій восторгъ подалъ поводъ къ сочиненію маленькой поэмы, въ которой съ удивительною точностію изображенъ весь Василій Львовичъ. Это образецъ игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тѣхъ, которые любятъ поэзію не только въ ея лирическихъ порывахъ или въ дивномъ вдохновеніи Элегіи, не только въ обширныхъ созданіяхъ драмы и Эпопеи, но и въ (младенческой),

живой игривости шутки и въ забавахъ ума, вдохновеннаго веселостью... Виноватъ: я бы отдалъ все, что было писано у насъ въ подражаніе лорду Байрону, за слѣдующіе незадумчивые и невосторженные стихи, въ которыхъ поэтъ заставляетъ героя своего восклицать друзьямъ:

. . . . . .

(Поэзія, какъ природа). (Есть люди, которые не понимаютъ Байрона); есть люди, которые находятъ и Горація прозаическимъ (спокойнымъ, умнымъ, разсудительнымъ, — такъ ли?). Пусть такъ; но жаль было бы, если не существовали прелестныя Оды, которымъ подражалъ и нашъ Державинъ. Для тѣхъ, которые любятъ Катулла, Грессета и Вольтера, для тѣхъ etc. искренность драгоцѣнна въ поэтѣ. Намъ пріятно видѣть поэта во всѣхъ состояніяхъ и измѣненіяхъ его живой, творческой души: и въ печали, и въ радости, и въ порывахъ восторга, и въ отдохновеніи чувствъ, и въ Ювенальскомъ негодованіи, и въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда.

Благоговѣю передъ созданіемъ Фауста, но люблю и Эпиграммы etc. Есть люди, которые не признаютъ иной поэзіи, кромѣ выспренней (или passionnée)...

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

Пѣснь о Полку Игоревѣ найдена была въ библіотекѣ Графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ

году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полу-уставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе невразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ таковаго рода послѣдніе бываютъ первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмѣвал неясныя выраженія своевольными поправками, догадками, ни на чемъ не основанными. Объясне ніями важнѣйшими обязаны мы Карамзину, кото рый въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшил нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подли ности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Щастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей не знающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Cowlay; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ, ни Ходаковскій никогда не сомнѣвались въ подлинности Пѣсни о Полку Игоревѣ. Великій скептикъ Шлецеръ, не видѣвъ еще Слова о Полку Игоревѣ, рѣзко назвалъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинно древнее произведеніе, и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

Другаго доказательства нѣтъ, какъ слова самого стихотворца. Подлинность же самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго Князя? — Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ — неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ..., но въ Ломоносовскихъ (одахъ?) не найдете ни Польскихъ, ни Сербскихъ, ни Иллирійскихъ, ни Болгарскихъ, ни Богемскихъ, ни Малорусскихъ и другихъ нарѣчій Славянскихъ.

§ 1. Слово о Плъку Игоревѣ,
сына Святъславля, внука Ольгова.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы

Трудныхъ повѣстей о плъку
Игоревѣ Игоря Святъславлича!
Начати ся же тъй пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по замышленію Бояню.

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ Слова о Полку Игоревѣ, перевели: Не прилично ли будетъ намъ, Не лучше ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно ли, други, братья, братцы — воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича? — Но въ древнемъ Славянскомъ языкѣ частица ли не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому ne. Иногда ли значитъ: только, иногда бы, иногда же; донынѣ въ Сербскомъ языкѣ сохраняетъ она сіи знаменованія. Въ Русскомъ, частица ли есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное не. Въ пѣсняхъ не имѣетъ она иногда никакого смысла и вставляется для мѣры, такъ же, какъ и частицы: и, что, а, какъ ужъ, ужъ какъ (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ ли поставлено такъ же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То же надлежало бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ, разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: «Не воспѣть ли намъ объ Игорѣ по-старому? Начнемъ же пѣть по былинамъ сего времени (т.-е. по-новому), а не по замышленію Бояню (т.-е. не по-старому...).

Явное противорѣчіе.* Если же признаемъ, что частица ли смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: Неприлично, братья, начать старинным слогомъ печальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ Слова о Полку Игоревѣ не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ бяшеть подтверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностію въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ Conditionальную частицу «Неприлично было бы». Вопросъ же требовалъ бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».

Не рѣшу, упрекаютъ ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ сіе мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ, незначительную: растекашется мыслію по древу — тутъ пропущено слово славіемъ, которое довершаетъ уподобленіе. Ниже сіе выраженіе употреблено.**

* Очень понимаемъ, почему А. С. Шишковъ не отступилъ отъ того же мнѣнія. Ему, сочинителю «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», было бы непріятно видѣть, что и во времена сочинителя Слова о Полку Игоревѣ предпочитали былины своего времени старымъ словесамъ.

** Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину, какъ

§ 3. «Помняшеть бо речь первыхъ временъ усобіцѣ, тогда пущашеть і соколовь на стадо лебедей» и т. д,

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ; все это продолженіе прежней мысли: Поминая преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и проч. Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе столь же великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, напущенныхъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7, стр. 43): итакъ, надлежитъ паче думать и т. д. (что въ древнія времена, соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ-быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ — выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими).

Г. Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не согласуется. Ему кажется неприличнымъ для Русскихъ Князей

соки по древу. Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Госп. Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ. Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ — а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ, въ свою очередь, видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго крайнюю неосновательность и нещастное самолюбіе (томъ II, стр. 388). Къ крайнему сожалѣнію, г. Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано Слово о Полку Игоревѣ.

«Иже истягнулъ умь крѣпостію своею». Истягнулъ — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, испробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею). «Натянулъ какъ лукъ, изострилъ какъ мечъ» — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти». (Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ Русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ ли послѣ не — не имѣетъ силы вопросительной: нежели. Слово неже употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ Словѣ о Полку Игоревѣ: луце жъ и т. д.).

«А всядемъ, братіе, на свои бързые комони, да позримъ синяго Дону». Суевѣріе, полагавшее затмѣніе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было нѣкогда общимъ.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго». Слова запутаны. 1-ые издатели перевели: «пришло Князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (щастія на) Дону великомъ». (Жалость) печаль ему «заступить» lumen impedio, имѣетъ нѣсколько значеній — омрачить, помѣшать, удержать. Пришлась Князю мысль и . . . . желаніе ему омрачило, удержало. Спали Князю (въ умъ), духъ, желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, (запрещало) искусити Дону великаго. (Такъ хочу же, сказалъ) хощу бо, рече, копіе преломити конець поля Половецкаго, а любо испити шеломомъ Дону.

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени», т.-е. «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени». (Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу).

«Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы».

(«Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ — догадаться ни по чему невозможно», говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ Римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ Троянова вала. Вотъ куда обратились толкователи и утвердили, что

неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 раза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть не кто иной, какъ Римскій императоръ. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ ли быть принята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется (стр. 14, изд. Шишкова): «вступилъ Дѣвою на землю Трояню... на синемъ морѣ, у Дону». Гдѣ же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакіи и т. д. (видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ», говоритъ) (Вельтманъ). Почему же?

«Пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку и т. д. (Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая»), etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: или не такъ ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: (комони ржутъ и т. д. — брата Всеволода).

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя — не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличи: сѣдлай, брате, свои борзыи комони, а мои ти готови». Готовы значитъ здѣсь извѣстны; значеніе сіе сохранилось въ Иллирійскомъ славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что Половцы бѣгутъ неготовыми (неизвѣстными) дорогами. Если же неготовыми значило бы немощеными, то что же бы значило: готовые кони — осѣдлани у Курска на переди?

А мои ти Куряни свѣдоми. (Сіе повтореніе того же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри Священное Писаніе).

«Кмети подъ трубами повити». (Г-нъ Вельтманъ (говоритъ, что) «кметь» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: «Kar gospóda stori krivo, kmeti morjo plázhat shivo».)

(О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ)

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы Французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное. Стихотвореніе можетъ являть всѣ сіи признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и баснь. Если же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно

написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, «Освобожденный Іерусалимъ» отъ «Энеиды» — всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи Грековъ и Римлянъ. Каждый образованный Европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею — науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ: монахи соскобляли съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѳма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ, — имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (Symmetria), размѣренность — свойственно уху человѣческому; ухо обрадовалось удареніямъ звуковъ. Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея всевозможныя

измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться однѣми игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія; родились ле, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (mystères). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе, но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

ВСТУПЛЕНІЕ

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились въ степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали Европейскіе журналы; но

Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительною смѣтливостью Татаръ, одно въ теченіе двухъ столѣтій питало искры блѣдной Византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; Архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго Сѣвера. Нашествіе Татаръ не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: Татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ

Боярство домогалось Аристократіи. (Два великана — Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго Татарское и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ). Царская власть ополчилась на Боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, Цари и Бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой;

отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова съ (Даніей), условія, подписанныя Польскимъ Королевичемъ Аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію къ Людовику XIV). Наконецъ — крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ Петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту.... и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ онъ.....)

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, (побранилъ) Татищева, угадалъ Тредьяковскому, вѣчному труженику, печальную его участь, безсиліе и трудолюбіе.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ воцарилась Елизавета. При ней рождается Русская словесность.

III. Просвѣщеніе Россіи

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, низпровергнулъ все старое, и Европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія — наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны. Петръ Первый былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ Государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и нѣсколько въ лѣтописяхъ.

Новая словесность — отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ Молдавскаго Господаря, юноша, обрусѣвшій въ лучшихъ.... и въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ Холмогорскаго рыбака скитался по Германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и (передавалъ) звучному Русскому языку (отголоски Нѣмецкой поэзіи). (Тредьяковскій трудно учился).

Но, приступая къ описанію словесности Русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ Европейской поэзіи: нашествіе Мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Гишпаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полуафриканская Гишпанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостію выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Раблэ были современниками Тассу.

Въ Италіи и Гишпаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они

пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова Orlando, были трагедіи прежде созданій de Vega и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и Французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать, однакожь, чтобъ и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: Сказки Лафонтена и Вольтера и Дѣва сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю уже о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью Французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древняго Греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ Славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія, ему чуждаго, и пошелъ опять своей дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence . . . etc.

Но Малербъ нынѣ забытъ, подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли — истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

—

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая ли щедрость Кардинала Ришелье, покровительство ли Людовика XIV — причиною такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпою бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной Французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ, и владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе.

—

Нѣкто у насъ сказалъ, что Французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го (valet de chambre), Molière — камеръ-

Динеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостинной, но все таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое Французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ Французскихъ поэтовъ былъ (?) изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полу-важнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ Французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей Гоѳоліи. Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) — легкомысленная, невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они.... обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ (репутацію) или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій чело-

вѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и....., были призваны ко Двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили (придворную) должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля... трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при Дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу Великаго Короля. Были изключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ въ книгѣ, наполненной смѣлой философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; зато Лафонтенъ умеръ безъ пенсій, а Фенелонъ — въ своей епархіи, отдаленный отъ Двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, Аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ Дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣмъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ Господствующей

Религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслію умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ..... съ намѣреніемъ очернить каѳолицизмъ. Онъ 60 лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ заставилъ онъ свои лица, къ стати и не къ стати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ прелестными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву Демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ; пылкій Дидротъ есть самый ревностный изъ его Апостоловъ. Англія въ лицѣ Юма, Гиббона и Вальполя привѣтствуетъ энциклопедію. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодого Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI низходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая (Академія?), созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли Французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія Свящ. Книгъ обругана; поэзія истощается, превращается въ мѣлочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучной проповѣдью или галереею соблазнительныхъ картинъ....

Европа, оглушенная, очарованная славою Французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила Французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприщѣ философіи; поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Данте; Metastasio подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены Евро-

пейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ искрахъ творческаго духа намъ пріятно было бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія Скандинавскаго съ завоеваніемъ Мавровъ. Мы бы увидѣли разницу между простодушною сатирою Французскаго трувёра и лукавой насмѣшливостію скомороха, между площадной полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь — и на ней возвышается единственный памятникъ: Пѣснь о Полку Игоревѣ.

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонъ-Визинъ. Державинъ.

Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніей риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, dégoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій — одинъ, понимающій свое дѣло....

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, M-me Жанлисъ овладѣваютъ Русской словесностію...

1835 г.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ Англійской Аристократіи, младшей между Европейскими, произошелъ отъ Нормандца Ральфа де Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честью упоминается въ Англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мѣлочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго Байрона, передавая имя его на произволъ молвѣ (ко всему равнодушной и ничего не уважающей).

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной

дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, Владѣльца Гайфскаго. Бракъ сей былъ нещастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были разточены въ два года, — и mistress Байронъ осталась при 150 фунт. стерл. годоваго дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, Леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, Наслѣдница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и Лордъ Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, Леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны; вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой же день онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну

только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Нью-Стида, долги ея не превышали 60 фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ Абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году Леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бематера.

Суровыя красоты Шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того же времени осьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ свою раннюю любовь (Memoires 31—33, quelques mots).

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый Лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода. Какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ

опеку Лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistress Байронъ осенью того же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Мери Гре.

Лордъ Вильгельмъ, братъ Адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человѣкъ странный и нещастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда, г. Hawort'a. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетенъ и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ Ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорить свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники (его) были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того, домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ Лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый Лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рочдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сно-

шенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ мальчикъ, что живетъ въ Абердинѣ.

Первые годы, проведенные Лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая чувствительность оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона — (частію врожденныя, частію) заимствованы. Муръ справедливо замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны — смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой — необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ Лордомъ Вильгельмомъ, сильно дѣйствовала на воображеніе его наслѣдника — многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное, имѣло столь же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды

Мистриссъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Онъ, будучи собой красавецъ, воображалъ себя уродомъ и дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый сей недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ О ПОХОДѢ 1711 ГОДА

Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Пушкина

Въ числѣ иноземцевъ, писавшихъ о Россіи, Моро-де-Бразе заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ принадлежалъ къ толпѣ тѣхъ наемныхъ храбрецовъ, которыми Европа была наводнена еще въ началѣ XVIII столѣтія и которыхъ Вальтеръ-Скоттъ такъ геніально изобразилъ въ лицѣ своего капитана Dalgetty.

Моро былъ родомъ Французскій дворянинъ. Вслѣдствіе какой-то ссоры принужденъ онъ былъ оставить полкъ, въ которомъ служилъ офицеромъ, и искать фортуны въ чужихъ государствахъ. Въ началѣ 1711 года, услыша о выгодахъ, доставляемыхъ Петромъ I иностраннымъ офицерамъ, пріѣхалъ онъ въ Россію, и принятъ былъ въ службу Полковникомъ. Онъ былъ свидѣтелемъ несчастному походу въ Молдавію, и послѣ Прутскаго мира былъ отставленъ отъ службы съ чиномъ Бригадира. Онъ

скитался потомъ по Европѣ, предлагалъ свои услуги то Австріи, то Саксоніи, то Венеціанской Республикѣ, получалъ отказы и вспоможенія; сидѣлъ въ тюрьмѣ и проч.

Онъ былъ женатъ на вдовѣ, женщинѣ хорошей дворянской фамиліи, и которая для него перемѣнила свое вѣроисповѣданіе. Она, какъ кажется, была то, что Французы называютъ une aventurière. Въ 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворѣ Государыни Великой Княгини, супруги несчастнаго Царевича, но не ужилась съ молодымъ Графомъ Левенвольдомъ, и была выслана изъ Петербурга.

Въ 1735 году, Моро издалъ свои записки подъ заглавіемъ: Mémoires politiques, amusants et satiriques de messire J. M. D. B., C. de Lion, colonel du régiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de Sa M. Czarienne, à Véritopolis chez Jean Disantvrai. 3 volumes. Въ сихъ запискахъ слишкомъ часто принужденъ онъ оправдывать то себя, то свою жену. Онѣ не имѣютъ ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы: слогъ ихъ столь же тяжелъ, какъ и неправиленъ. Впрочемъ, Моро писалъ свои сочиненія съ небрежной увѣренностію дворянина, а смотрѣлъ на ихъ успѣхъ съ философіей человѣка, знающаго цѣну славѣ и деньгамъ. «Qui que vous soyez, ami lecteur», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи: «quelque élevé que soit votre génie, quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grace et vous pouvez vous égayer en critiquant ces amusements que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes dépens et aux votres, car il

vous en coutera votre argent pour lire mes ouvrages, souvenez-vous qu'un galant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plait, s'entend, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût rafiné qui s'en mêlassent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas familières. Adieu, lecteur mon ami, critiquez; plus il y aura des censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu'il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana».

Записки Моро перемѣшаны съ разными стихотвореніями, иногда чрезвычайно вольными, большею частію собранными имъ; ибо онъ, вѣроятно, по своей драгунской привычкѣ, располагалъ иногда чужою литературной собственностію, какъ непріятельскою.

Впрочемъ, онъ и самъ написалъ множество стиховъ. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ его оды къ королю Августу, какъ образецъ его поэтическаго таланта.

En quittant le Brabent j'épousai la querelle
Du Czar votre allié, je crus le bien servir,
J'ai même cru longtemps pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai versé, les pertes que j'ai faites
D'un équipage entier que je n'ai point gagné,
Qui fut par le Turban dans le combat pillé,
Furent les tristes interprétes
Qui m'annoncèrent mon congé.

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Également comme mes vœux.

*

Ne croyez pas, grand Roi, qu'ardent en espérance.
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rien.
Un peu d'honneur pour ma naissance,
Un peu de bien pour mon soutien.

Эти стихи доказываютъ, что финансы отставного Бригадира находились не въ цвѣтущемъ состояніи. Впрочемъ, Августъ велѣлъ выдать ему триста гульденовъ, и Моро былъ очень доволенъ; должно признаться, что ода и того не стоила.

Разсказъ Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г., лучшее мѣсто изо всей книги, отличается умомъ и веселостію беззаботнаго бродяги; онъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей и неожиданныхъ откровеній, которыя можно подмѣтить только въ пристрастныхъ и вмѣстѣ искреннихъ сказаніяхъ современника и свидѣтеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie,

Моро не любитъ Русскихъ и недоволенъ Петромъ; тѣмъ замѣчательнѣе свидѣтельства, которыя вырываются у него по-неволѣ. Съ какой простодушной досадою жалуется онъ на Петра, предпочитающаго своихъ полудикихъ подданныхъ храбрымъ и образованнымъ иноземцамъ! Какъ живо

описанъ Петръ во время сраженія при Прутѣ! Съ какой забавной вѣтренностію говоритъ Моро о нашихъ гренадерахъ, qui, quoique Russes, c'est à dire peu pitoyables, voulaient monter à cheval pour sécourir ces braves Hongrois*), на что чувствительные Нѣмцы, ихъ начальники, не хотѣли однако согласиться. Мы не хотѣли скрыть или ослабить и порицанія, и вольныя сужденія нашего автора, будучи увѣрены, что таковыя нападенія не могутъ повредить ни славѣ Петра Великаго, ни чести Русскаго народа. Предлагаемъ «Записки Бригадира Моро», какъ важный историческій документъ, который не должно смѣшивать съ нелѣпыми повѣствованіями иностранцевъ о нашемъ отечествѣ.

(О «ТРЕХЪ ПОВѢСТЯХЪ» ПАВЛОВА)

«Три повѣсти» г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты. Повѣсть Именины, не смотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драма-

---

* Тринадцать Венгерцевъ, кипувшихся въ средину Турецкой конницы.

тическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца. — Аукціонъ есть очень милая шутка, легкая картинка, въ которой оригинально вмѣщены три или четыре лица. А я на аукціонъ, а я съ аукціона — черта истинно комическая.

Объ Ятаганѣ скажемъ то же, что и объ Именинахъ. Занимательность этой повѣсти не извиняетъ несообразности. Развязка несбыточна, или, по крайней мѣрѣ, есть анахронизмъ. Зато всѣ лица живы и дѣйствуютъ и говорятъ каждый, какъ ему свойственно и говорить, и дѣйствовать. Въ слогѣ г. Павлова, чистомъ и свободномъ, изрѣдка отзывается манерность въ описаніяхъ, близорукая мѣлочность нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ. Г. Павлова такъ расхвалили въ Московскомъ Наблюдателѣ, что мы въ сихъ строкахъ хотѣли ограничить наши замѣчанія одними порицаніями, но въ заключеніе должны сказать, что г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно-занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать.

Талантъ г. Павлова выше его произведеній. Въ доказательство привожу одно мѣсто, гдѣ чувство истины увлекло автора даже противу его воли. Въ Именинахъ, несмотря на то, что выслужившійся офицеръ видимо герой, авторъ далъ ему черты, обнаруживающія холопа: (выписки).

(ОБЪ ИСТОРІИ ПОЭЗІИ ШЕВЫРЕВА)

Исторія поэзіи — явленіе утѣшительное, книга важная!

Россія, по своему положенію, географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Nous sommes les grands jugeurs. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Примѣры тому.

Критика литературная у насъ ничтожна: почему? потому что въ ней требуется не одного здраваго смысла, но и любви къ наукѣ. — Взглядъ на нашу критику; Мерзляковъ, Шишковъ, Дашковъ etc.

Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ не слѣдовать ни эмпирической системѣ Французской критики, ни отвлеченной философіи нѣмцевъ. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придаетъ онъ наукѣ заманчивость разсказа.

Критикъ приступаетъ къ исторіи Западной Словесности.

Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную Христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною.

Въ Испаніи признаетъ то же начало, но встрѣчаетъ Мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе (? не магометанское, а...)

Оставляя роскошный Югъ, Шевыревъ пере-

ходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы.

Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученіе, литературу безъ преданій, вещественность.

Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ.

Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни — все вмѣстѣ — эгоистической и народной. Въ ней наука и поэзія — не цѣли, а средства. Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ въ ней отвратительною властью демократіи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣніе къ чужому, une marque pétulante et tranchante, etc.

Девизъ Россіи — Suum cuique...

1836 г.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО,

Архіепископа Бѣлорусскаго, изд. протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ Императрицѣ Екатеринѣ, во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ-быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истиннаго краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и праздненствами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его

принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею Епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе костёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ Св. Сѵноду и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва могъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичь, предводительствуя Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но,

къ счастію, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили Православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго Двора, чтобы гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, Св. Сунодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе псковскую Епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ».

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и передъ тономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году, дѣйствительно, повелѣлъ «Уніятскимъ Архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного Епископа, прислать въ Варшаву, для изы-

сканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые Польскіе Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой Русскихъ штыковъ, созванъ былъ Сеймъ, учреждена согласительная Коммисія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей Коммисіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніятскій Епископъ Шептицкій, а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніяты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга

посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отроду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей. (Въ «Современникѣ» приведены обширныя выписки, № 1, стр. 89—95).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго Шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только Исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный

трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою. (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистію великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ

здѣсь два отрывка изъ его рукописи. (Выписаны: «Введеніе Уніи» и «Казнь Остраницы», см. «Исторію Руссовъ», стр. 40—42 и 53—57).

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большого числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичь, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу великую услугу. Будемъ надѣяться, что и великій Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ, наконецъ, столь же достойнаго издателя.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЯ

Повѣсть въ стихахъ. сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. СПб. въ тип. Деп. Внѣшн. Торг. 1836, въ 8, стр. 96.

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотѣлъ присвоить себѣ чужое произведеніе, выставя свое имя на книгѣ, имъ изданной. Обвиненіе несправедливое: печатать чужія произведенія съ согласія или по просьбѣ автора до сихъ поръ никому не воспрещалось. Это называется издавать; слово ясно; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ другого не придумано.

Въ томъ же журналѣ сказано было, что «Вастола переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ, что

А. С. П. только далъ ему на прокатъ свое имя, и лучше бы сдѣлалъ, давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей».

Переводчикъ Виландовой поэмы, гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, не могъ ожидать нападенія столь жестокаго. Онъ человѣкъ не богатый, но честный и благородный. Онъ могъ поручить другому пріятный трудъ издать свою поэму, но конечно бы не принялъ милостыни, отъ кого бы то ни было.

Послѣ таковаго объясненія не можемъ рѣшиться здѣсь наименовать настоящаго переводчика. Жалѣемъ, что искреннее желаніе ему услужить могло подать поводъ къ намекамъ, столь оскорбительнымъ.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изд. 2-е, двѣ ч., въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Деп. Внѣш. Торговли.

Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ»: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому Автору, что охотно простили ему неровность

и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.*

(ПРИМѢЧАНІЕ КЪ РАЗСКАЗУ СУЛТАНЪ КАЗЫ-ГИРЕЯ: «ДОЛИНА АЖИТУГАЙ»)

Вотъ явленіе, неожиданное въ нашей литературѣ! Сынъ полудикаго Кавказа становится въ ряды нашихъ писателей; Черкесъ изъясняется на Русскомъ языкѣ свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотѣли перемѣнить въ предлагаемомъ отрывкѣ; любопытно видѣть, какъ Султанъ Казы-Гирей (потомокъ Крымскихъ Гиреевъ), видѣвшій вблизи роскошную образован-

* На-дняхъ будетъ представлена въ здѣшнемъ театрѣ его комедія Ревизоръ.

ность, остался вѣренъ привычкамъ и преданіямъ наслѣдственнымъ; какъ Русскій офицеръ помнитъ чувства ненависти къ Россіи, волновавшія его отроческое сердце, какъ, наконецъ, Магометанинъ съ глубокой думою смотритъ на крестъ, эту хоругвь Европы и просвѣщенія. — Издатель.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ

Il ne faut pas qu'un honnête homme
mérite d'être pendu.
Слова Карамзина въ 1819 году.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по Ея повелѣнію, въ Лейпцигскій Университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи Духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: Надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; Духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ служба и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ Пажескомъ корпусѣ и

обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно Латинскому и Нѣмецкому языку, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при Тайномъ Совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще, какъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ Французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ Русскихъ студентовъ за книгою О разумѣ и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна Французская философія 18 столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и

оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ Гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ, и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же дѣтскія, другія мечты, столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ Молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе Ѳ. В. Ушакова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержанной жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей.* Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностію. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцевъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную Свою Канцелярію. Слѣдуя обыкно-

* А. М. Кутузова, которому Радищевъ и посвятилъ житіе В. Ушакова.

венному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней Государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ Мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить Мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія Французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ и Сама ихъ ободрявшая Своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество, и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ; но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего Правительства, наши законы, не измѣнившіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ Царствованіемъ Александра, Самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, человѣкъ безъ всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противу общаго порядка, противу Самодержавія, противу Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣется на соединенныя силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать? — онъ одинъ отвѣчаетъ, за все, онъ одинъ представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственною книгою; но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостію.

Но можетъ быть самъ Радищевъ не понялъ всей

важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ, къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! Какъ бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до Государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому (смотри его записки). Онъ хуже Пугачева: онъ хвалитъ Франклина. Слово глубоко замѣчательное: Монархиня, стремившаяся къ соединенію во-едино всѣхъ разнородныхъ частей Государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. Полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Иле(и)мскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ Китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію Путешествія. Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, дабы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ о семъ трогательномъ обстоятельствѣ:

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій —
Но на лонѣ жаркой дружбы
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину.

Бова. Вступленіе.

Императоръ Павелъ I, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу Правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія Императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смирённый опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятію Великой Царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ иль съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лице, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ. Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время Ужаса? Могъ ли онъ безъ омерзѣ-

нія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сантиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ Путешествія отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ комиссію Составленія Законовъ, и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З(авадовскій) удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ своей молодости, объ Лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный, и который онъ самъ себѣ давно напророчилъ!

Сочиненія Радищева, въ стихахъ и прозѣ (кромѣ Путешествія), изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философское разсужденіе О человѣкѣ и его смертности

и безсмертіи. Умствованія онаго пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противу матеріализма, но въ немъ все еще видѣнъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Тилимахидѣ, и о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть Осьмнадцатый вѣкъ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

Осьмнадцатое столѣтіе

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались; въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море; а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни береговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ изчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито вовѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше Столѣтье туда;
И сокрушенъ наконецъ корабль, надежды несущій!
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярой.
Зри: восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ,
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь прокля́то вовѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Кровь — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженій;
Ахъ, омоченной въ крови ты низпадаешь во гробъ!...
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и раз-

говоръ его съ Каргою забавенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, не включенной, не знаемъ почему, въ собраніе его сочиненій, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

Путешествіе въ Москву, причина его несчастія и славы, есть, какъ уже мы сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу наудачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся Французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Онъ какъ будто старается

раздражить Верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состоянiи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить Правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ; онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и Мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной Управы; а съ другой — чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо Правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностію.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Что именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пош-

лаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ, и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

Прибавленія

I. Отъ Императрицы, Главнокомандовавшему въ Санктъ-Петербургѣ Генералъ-Аншефу Брюсу

Графъ Яковъ Александровичь! Недавно издана здѣсь книга подъ названіемъ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, наполненная самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ оскорбительными израженіями противу Сана и власти Царской. Сочинителемъ сей книги оказался Коллежскій Совѣтникъ Александръ Радищевъ, который самъ учинилъ въ томъ признаніе, присовокупивъ къ сему, что послѣ ценсуры Управы Благочинія взнесъ онъ многіе листы въ помянутую книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, и потому взятъ подъ стражу. Таковое его преступленіе повелѣваемъ разсмотрѣть и судить узаконеннымъ порядкомъ въ Палатѣ Уголовнаго суда Санктпетербургской губерніи, гдѣ заключа приговоръ, взнесть оный въ Сенатъ нашъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

II. Изъ записокъ Храповицкаго

26-го іюня (1790). Говорено (Государыня) о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. «Тутъ разсѣваніе Французской заразы. Авторъ Мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ». Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева.

2-го іюля. Продолжаютъ писать примѣчанія на книгу Радищева. А онъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости.

7-го іюля. «Примѣчанія на книгу Радищева послать къ Шешковскому». Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина и себя такимъ же представляетъ. Говорили съ жаромъ и чувствительностію.

11-го августа. Докладъ о Радищевѣ; съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ Совѣтѣ, «чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважили до меня касающееся, понеже я презираю».

(III.) Отрывокъ изъ книги Р(адищева)

Клинъ

Какъ было во городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь... Поющій сію народную пѣснь, называемую Алексіемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сѣдящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли взирающихъ на пѣвца предстоять ему со благоговѣніемъ. Неискустный хотя

его напѣвъ, но нѣжностію изреченія сопровождаемый, проницалъ въ сердца его слушателей, лучше природѣ внемлющихъ, нежели взрощенные во благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинскій пѣвецъ дошедъ до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласомъ, изрекалъ свое повѣствованіе. Мѣсто, на коемъ были его очи, исполнилися изступающихъ изъ чувствительной отъ бѣдъ души слезъ, и потоки оныхъ пролилися по ланитамъ воспѣвающаго. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея, улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, но неизвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возврастъ, къ жестокости толико привыкшій, видъ воспріялъ важности. О природа! возопилъ я паки....

Сколь сладко неязвительное чувствованіе скорби! Колико сердце оно обновляетъ и онаго чувствительность! Я рыдалъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ, и слезы мои были столь же для меня сладостны, какъ исторгнутыя изъ сердца Вертеромъ... О мой другъ, мой другъ! почто и ты не зрѣлъ сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо услади-тельнѣе.

По окончаніи пѣснословія, всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто бы въ награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно,

но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестяся и говоря къ подающему: «дай Богъ тебѣ здоровья». Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго небу старца. Желалъ его благословенія на совершеніе пути и желанія моего. Казалося мнѣ, да и всегда сіе мечтаю, какъ будто соблагословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, я въ дрожащую его руку, толико же дрожащею отъ боязни, не тщеславія ли ради то дѣлаю, положилъ ему рубль. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ отъ того необыкновенностію ощущенія, лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, вѣщалъ я самъ себѣ, подаваемая ему полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное къ бѣдствіямъ соболѣзнованіе человѣчества; въ моемъ рублѣ ощущаетъ, можетъ быть, мою гордость. Онъ не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. О! колико малъ я самъ себѣ тогда казался, колико завидовалъ давшимъ полушку и краюшку хлѣба пѣвшему старцу. — Не пятакъ ли? сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово. — Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ. — Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и ища, казалося, мысленно вообразить себѣ то, что въ горсти его лежало. Почто она не могущему ею пользоваться! Если бы я не лишенъ былъ зрѣнія, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! если бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго

здѣсь пожара, умолкъ бы хотя на однѣ сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но на что онъ мнѣ теперь? не вижу, куда его и положить; подастъ онъ, можетъ быть, случай къ преступленію. Полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, доброй господинъ, и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь въ укоризну. — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ ненадобенъ, да и я уже его не стою, ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было Создателю, чтобы еще въ бодрыхъ моихъ лѣтахъ лишенъ я былъ вѣждей моихъ. Терпѣливо сношу его прещеніе. За грѣхи мои онъ меня посѣтилъ... Я былъ воинъ; на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда у ногъ моихъ лежащаго непріятеля, и просящаго безоруженному помилованія не дарилъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего, когда устремлялся на караніе и добычу, палъ я ницъ, лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо очей въ силѣ своей пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ, будьте мужественны, но помните человѣчество. — Возвратилъ онъ мнѣ мой рубль, и сѣлъ опять на мѣсто свое покойно.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ пятидесяти... Съ какимъ восторгомъ онъ принялъ его обѣими руками... Вотъ истинное благодѣяніе, вотъ истинная милостыня. Тридцать лѣтъ сряду

ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, что ты сдѣлала во младенчествѣ своемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я былъ сержантомъ той роты, которой были солдаты, прилучился тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и его избавилъ отъ побой, можетъ быть чего и больше, но впередъ отгадывать нельзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждой праздникъ. Дѣло мое было невеликое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадаетъ.

Неужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ, сказалъ я ему, и одно мое отвергнешь подаяніе? Неужели моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и та бываетъ ему на пользу, если служитъ къ умягченію его ожесточеннаго сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнію, говорилъ старецъ; не вѣдалъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія; прости мнѣ мой грѣхъ, но дай мнѣ, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ быть мнѣ полезно... Холодная у насъ была весна, у меня болѣло горло — платчишка не было, чѣмъ повязать шеи — Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ

ли старенькаго у тебя платка? Когда у меня заболитъ горло, то я его повяжу; онъ мою согрѣетъ шею; горло болѣть перестанетъ, я тебя вспоминать буду, если тебѣ нужно воспоминовеніе нищаго... Я снялъ платокъ съ моей шеи, повязалъ на шею слѣпаго... И разстался съ нимъ.

Возвращаясь черезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца. Онъ за три дня моего пріѣзда умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая ему приносила пирогъ по праздникамъ, надѣлъ, заболѣвъ, передъ смертію на шею, и съ нимъ положили его во гробъ. О! если кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слушавъ сіе. —

Вотъ какимъ слогомъ написана вся книга!

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ

18-го Января нынѣшняго года Россійская Академія была удостоена присутствія Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ Почетные Члены. Непремѣнный Секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи Академіи.

Екатерина II основала Россійскую Академію въ 1783 году и повелѣла Княгинѣ Дашковой быть Предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать Уложеніе и Русскому языку. Академія, повинуясь Ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію Сло

варя. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась Она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что Словарь доведенъ до буквы Н, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все Нашъ да Нашъ! когда же вы мнѣ скажете: Вашъ?» Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ Императрицы: что Словарь? отвѣчали Ей, что Академія дошла до буквы П. Императрица улыбнулась и замѣтила, что Академіи пора было бы Покой оставить.

Не смотря на сіи шутки, Академія должна была изумить Государыню поспѣшнымъ исполненіемъ Ея воли: Словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ.* Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. «Полный Словарь, изданный Академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣ-

* Французская Академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего Словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще Академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе Академіи. Разбирали слово Ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностію о томъ, что въ словѣ ami предполагается ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что Министръ, у коего при Дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ Академіи.

тіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги, имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской».

Многіе изъ членовъ Академіи участвовали въ изданіи Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ Собесѣдникъ статью подъ названіемъ: «Нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе». Вопросы явились въ Собесѣдникѣ съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостію, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли.

Сіи отвѣты писаны самой Императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) Академія издала:

1) Грамматику Россійскую. 2) Сочиненія и переводы Академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ Лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ Путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ, бывшій въ то время за границей съ Государемъ Императоромъ, назначенъ Предсѣдателемъ Россійской Академіи. Подъ его руководствомъ Академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія Академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832).

3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы Критическія Наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ Академія приготовляетъ третье изданіе своего Словаря, коего распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію.. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орѳографія, сія Геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за Непремѣннымъ Секретаремъ, Преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1073 года, писанной для Великаго Князя Святослава и хранящейся нынѣ въ Московской Синодальной Библіотекѣ.

«Рукопись называется Изборникъ, т.-е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей. — Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до Христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ. — На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи суть 27 (кз): 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребіе. 4. Пріятіе. 5. Прѣходьноіе. 6. Възбратъ. 7. Съпріятіе. 8. Снятіе. 9. Именотворіе (onomatopoiia). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣстьство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въспятословіе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатькъ. 16. Изрядіе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притъча.

19. Прикладъ. 20. Отданіе. 21. Лицетвореіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Поруганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе. — Инословіе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаіюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зміи проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же, инорѣчьнѣ зміемъ нарицаіема разоумѣваіемъ. — Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ выше исчисленныхъ наименованій, но недовольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что недовольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями русской Энциклопедіи XI вѣка».

Непремѣнный Секретарь прочелъ Главу II изъ Устава Академіи о должностяхъ и обязанностяхъ Академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада Президента Академіи, при поднесеніи на Высочайшее усмотрѣніе проекта Устава:

«Академія есть стражъ языка; и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, ненравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ Словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній».

За симъ Дѣйствительный Членъ М. Е. Лобановъ

занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе сіе заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оно было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря Россійской Академіи: статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ, истинно академическую.

Послѣ сего Дѣйствительные Члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другаго, сочиненія своего стихи.

Наконецъ, князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную Г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карамзинѣ.

Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при Дворѣ блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны, матери Его Свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго Государя и Августѣйшей Сестры Его нѣкоторыя главы Исторіи Государства Россійскаго. «Вы слушали», пишетъ Исторіографъ въ своемъ посвященіи, «съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ, и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано

еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову Государыни Великой Княгини, Женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли О древней и новой Россіи, со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостію убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ, и остался по прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному Своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе Государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 Января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ Россійской Академіи.

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ
ИЗДАВАЕМЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ

Modo vir, modo femina. — Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ Конно-Польскій Уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій Георгіевскій крестъ, и въ томъ же году произведенъ былъ въ офицеры въ Маріупольскій Гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ Литовскій Уланскій и продолжалъ свою службу столь же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно

открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ. Изд.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

I.

(О «Хроникѣ Русскаго въ Парижѣ», А. И. Тургенева)

Для очистки совѣсти нашей и для предупрежденія всѣхъ возможныхъ толковъ и недоразумѣній вольныхъ и невольныхъ, почитаемъ обязанностью

сознаться, что напечатаніе въ 1-й книжкѣ журнала нашего Хроники Русскаго въ Парижѣ есть не что иное, какъ слѣдствіе нашей нескромности; что сіи отрывки изъ дружескихъ писемъ или, лучше сказать, домашняго журнала, никогда не были предназначены къ печати, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены публикѣ. Глубокомысліе, остроуміе, вѣрность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полнаго жизни и движенія, которыя вездѣ пробиваются сквозь небрежность и бѣглость выраженія, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, чего можно было бы ожидать отъ пера, писавшаго такимъ образомъ про себя, когда слѣдовало бы ему писать про другихъ. Мы имѣли случай стороною подслушать этотъ a-parte, подсмотрѣть эти ежедневныя, ежеминутныя отмѣтки, и поторопились, какъ водится нынѣ, въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ, подѣлиться удовольствіемъ и свѣжими современными новинками съ читателями «Современника». Можно было бы, и по нѣкоторымъ отношеніямъ слѣдовало бы, для порядка, дать этимъ разбросаннымъ чертамъ стройное единство, облачить въ литературную форму. Но мы предпочли сохранить въ немъ живой, теплый, внезапный отпечатокъ мыслей, чувствъ, впечатлѣній, городскихъ вѣстей, булеварныхъ, академическихъ, салонныхъ, кабинетныхъ движеній, — такъ сказать, стенографировать эти горячіе слѣды, эту лихорадку Парижской жизни; впрочемъ, кажется, мы и не ошиблись въ своемъ предпочтеніи. По всѣмъ отзывамъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, Парижская Хроника возбудила живѣйшее любопытство и вниманіе. Даже и тупыя печатныя замѣчанія

подтвердили насъ въ убѣжденіи, что способъ, нами избранный, едва ли не лучшій. Вкусъ иныхъ людей можетъ служить всегда надежнымъ и неизмѣннымъ руководствомъ: стоитъ только вывороти́ть вкусъ ихъ на-изнанку. То, чего они оцѣнить не могли, что́ показалось имъ неприличнымъ, неумѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, имѣетъ внутреннее многоцѣнное достоинство; слѣдовательно, не ихъ имѣемъ въ виду въ настоящемъ объясненіи. Но мы желали только, по обязанности редакторской, принявъ на себя всю отвѣтственность за произвольное напечатаніе помянутыхъ выписокъ, отклонить ее отъ того, который писалъ ихъ, забывая, что есть книгопечатаніе на бѣломъ свѣтѣ.

II. Статья, присланная намъ изъ Твери съ подписью А. Б(езсоновъ), не могла быть напечатана въ сей книжкѣ по недостатку времени.

III. Мы получили также статью Г. Косичкина. Но, къ сожалѣнію, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выходъ этой книжки, отлагаемъ ее до слѣдующей.

МНѢНІЕ М. Е. ЛОБАНОВА
О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ, КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

(Читано 18 Января 1836 г. въ Императорской Россійской Академіи).

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе неака-

демическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей Академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желаніе образованія (такъ начинается статья Г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ Отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется».

Находя событіе сіе пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ Отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

«Безпристрастные наблюдатели», говоритъ онъ, «носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями».

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣетъ онъ подъ словами безнравіе и нелѣпость, продолжаетъ:

«Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писа-

телей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій и преступленій.

«Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?»

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе Эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи Французской Словесности. При семъ случаѣ своды Академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными... Но что́, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанными въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ Европейскихъ Академій, гдѣ доселѣ

произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолвствовали о другихъ). Критическая статья Англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ, тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

«Для Франціи», — пишетъ г. Лобановъ, — «для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революцій».

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье, который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противупоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія; — ужели весь сей народъ долженъ отвѣтство-

вать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большею частію молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ не вмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы Женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящности или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфарашъ», конечно, не имѣлъ намѣренія преподавать

уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ», вѣроятно, не съ тою цѣлію, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а разскащики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій.* Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «Возстановленія» (Restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы польза

* Современникъ № 1: «О движеніи Журнальной Литературы».

есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели Французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т.-е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т.-е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ назвалъ ее Гёте), «словесность сатаническая» (какъ говоритъ Соутей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр. — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литтературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими боль-

шаго успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ-Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому: она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германскою, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности», продолжаетъ г. Лобановъ, «всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій Русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высо-

кую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталанный (г. Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію....»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены расчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ нещастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему въ дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободи-

лась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская Философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они, или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній — и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ

и приторныхъ классиковъ (которые однакожь за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку нравственность и словесность».

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказаннаго:

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и Отечеству, имѣетъ право, на ней лежатъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. Академія (сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2, и во Всеподданнѣйшемъ докладѣ, § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Итакъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія

и напечатанія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего Высочайше утвержденнаго сословія».

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно ли укорять у насъ Цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ. «Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (Уставъ о Цензурѣ, § 6). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литтературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей Цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпое, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію Цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не

вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ Цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ Цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Россійская Академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

ВОЛЬТЕРЪ

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses etc. Paris 1836)

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были

не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записка къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчаямъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго: Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями*, но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что́ писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго Озера. Слава не спасла его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безо-

* Histoire des navigations aux terres australes. Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine. Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

пасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой, мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться со своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагнуть туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюся изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два

года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозанѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашею землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ея съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ, прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу*, то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ les Délices sur St. Jean, близъ самой Женевы.

жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархіи... Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бы онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто вѣтошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу».

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т.-е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано.

Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса, какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble!» — восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де Броссъ, съ своей стороны, не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть, опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: «Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ): «Вы боитесь быть обманутымъ», говоритъ г. Рюфе, «но изъ двухъ ролей эта лучшая... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена, и пятую сцену второго дѣйствія въ Скапиновыхъ Обманахъ.* Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...»

* Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на колѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ плутняхъ.

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію (что въ то время много значило). Сверхъ того, Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Несмотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть», пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ бриллiантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на-прокатъ у Женевской Республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностію страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прицѣпки проку-

рора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ рококо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность — все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издате-

лемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при Дворѣ Фридерика II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ*, своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было напечатано въ Берлинѣ, съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить» — писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю — «но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (La Diatribe du Dr. Akakias) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

* Такъ называлъ Вольтеръ Фридерика II въ хвалебныхъ посланіяхъ.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его Двора. —

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ Государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезла, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости Государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридерика II, скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ бы унижать своего старог

учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовского кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридерику каммергерскій ключь и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридерикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что, наконецъ, независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами и надъ бурями судьбы.

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нра-

вовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду новѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ посреди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей — алчность и зависть; со стороны управляющихъ — робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачъ, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношеніе Штатовъ къ Индійскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, черезъ мечь и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаціи. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя

рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣянныя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы и разовьется флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ», пишетъ Вашингтонъ-Ирвингъ, «такъ же похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ». Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ знаменитыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что́ нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, онѣ, наконецъ, будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, которыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и Христіанской цивилизаціи. Достовѣрность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы,

(между прочимъ Токвиль, авторъ славной книги: «De la démocratie en Amérique»), видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитать нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недальнемъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индійцевъ. Дядя Джона Теннера однажды, ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приближился къ стану Индійцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и уплыли...

Отецъ Теннера отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Они вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опостылѣлъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой», пишетъ Теннеръ, «оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся

хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его безпокоятся, чуя близость Индійцевъ, которые, вѣроятно, рыщутъ по лѣсу. «Джонъ», — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сиди дома». Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле со своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталъ его щипать. Наконецъ, она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояніи отъ дома и близъ самаго поля стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодніе орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣченному ни отцомъ, ни его работниками... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индійцевъ!»

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ я услышалъ шорохъ. Я оглянулся: Индійцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно, я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ, я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между

молодымъ человѣкомъ и другимъ Индійцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно, я его чѣмъ-нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой томагаукъ (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверхъ. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдній разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой Индіецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моей головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индійца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человѣкъ взяли меня каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индіецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома, у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожаныя) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьяго жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселѣ былъ еще виденъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что́ они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою попрежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не

смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индіецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индійцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать, но при наступленіи ночи сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ и далъ мнѣ пару мокасиновъ (родъ кожаныхъ лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шелъ, обыкновенно, между старикомъ и молодымъ Индійцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она была такъ глубока, что мнѣ нельзя было ея перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое избавленіе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индійцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ,

схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индійцы поспѣшно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за ними гнались, и впослѣдствіи узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки...

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индійцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ на встрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Міами. Индійцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой индійской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ навстрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь

и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индійской деревни находилась Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать — въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи».

Наконецъ, челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодого невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъкау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Нака-

нунѣ похищенія Индійцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой со своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индійцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрылись охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зноемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣниво исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ томагаукомъ и бросилъ замертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то». Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувство.

Жизнь маленькаго пріемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика поминутно. Ѣсть ему почти ничего не давали; ночью онъ спалъ, обыкновенно, между дверью и

очагомъ, и всякій, входя и выходя, непремѣнно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестокостію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдующаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь, и уткнулъ «какъ кошку» лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индійцамъ», говоритъ Американскій издатель его Записокъ, «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда разсказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорожный трепетъ верхней губы доказывали, что жажда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнадцатомъ году!»

Зимою начались военныя приготовленія. Монито-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ, и всѣхъ родственниковъ...» Чрезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую старую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его, что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходился съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа,

родственница стараго Индійца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный, Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индійцемъ — и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенчествѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предразсудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ наслѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинецъ: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается ими за великаго человѣка. Теннеръ разсказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ-нокуа) только что купила боченокъ пороху. Ободрен-

ный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолетъ, чтобъ идти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ». Мнѣ дали заряженный пистолетъ, и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и станутъ учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолетъ почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолетъ полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ».

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудности, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути вашемъ (по такому-то направленію) круглую долину, и на долинѣ тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ».

«Но молодой человѣкъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ея другимъ Индійцамъ. «Старуха увѣряетъ, сказалъ онъ смѣясь, что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя, но не знаю, кто-то его убьетъ».— Нетъ-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впереди и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился итти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею, и не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно, нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, подумалъ я, долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно, русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она

дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ею описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однакожь дымъ не показывался. Наскуча ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ разсказы Индійцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ-быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился и въ глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрясь, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынъ мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ...» Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!» — Что ты говоришь? «Я убилъ медвѣдя!» — Точно ли онъ убитъ? «Точно». Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю Индійцевъ, его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами».

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о музѣ, Американскомъ оленѣ (cervus alces), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индійцы увѣрены были, что музъ, между прочимъ, одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди не лживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и разсказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывшагося муза, и потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ человѣкъ, повидимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣлъ на берегъ, и вскорѣ увидѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индійцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе, нежели дикій буйволъ (bison, bos americanus) и Канадскій олень (karibou), и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы (l'antilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ

свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливн го дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукой человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіи цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость Индійцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями:

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индійцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри сгоряча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индійцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ, настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ, и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ, охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однакожъ они, обыкновенно, могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу; а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ,

рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индійцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало».

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индійцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ и принуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти.

«Однажды, рано утромъ», говоритъ онъ, «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ, и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледенѣла. Мои суконные митассы (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю... Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто... Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ, предшествующій смерти.

Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удержать желаніе прилечь на землю. Наконецъ, совершенно забылся, не знаю, надолго ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ, достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однакожь не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ... Цѣлый мѣсяцъ я не могъ выдти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены...»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индійцы имѣютъ цѣлію заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовыхъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы, обыкновенно, пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индійцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и нещастные дикари принуждены вскорѣ опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Тенеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій:

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Въ замѣну подарка, обыкновенно, получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто ея, и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ, взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземь и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ» — сказалъ я — «которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!» — Старуха прибѣжала съ тремя котлами — и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индійцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи... Онъ не былъ еще пьянъ; но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи...

«Мы сѣли пить. Въ это время Индіецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ, шатаясь, и повалился передъ огнемъ. Ужъ было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попировать съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котелъ съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ; но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котелъ исчезъ; Индіецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся,

и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія...»

Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приноситъ соприкосновеніе цивилизаціи!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки дикихъ Американцевъ. Убійство между ними не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго, обыкновенно, мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индійца и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно бы могъ меня убить, сказалъ ему однажды Теннеръ, но ты не мужчина, у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножомъ, и не имѣлъ духа поразить». Храбрость почитается между Индійцами главною человѣческою добродѣтелью; трусъ презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ разсказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ изъ племени Оттоваua, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индійцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втолк-

нулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ; молодой человѣкъ напроказилъ».

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодого человѣка, стоящаго съ ножомъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень голоденъ и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомня объ отцѣ своемъ, убитомъ на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣжалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца, вѣроятно, не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (Американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки; кто далъ одѣяла, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ, обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, я съ нимъ

видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами; выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не станутъ».

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа: его здѣсь нѣтъ; однакожъ подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось не нарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатыя одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю Индійцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись и пр. Но лучшій кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человѣкъ! сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы щастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня, подобно ему. Боюсь

только моего мужа». Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно».

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и, вѣроятно, не разобравъ порядочно, въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-уа-иза! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!» — Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смирный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ ни мало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерею моего носа».

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ

подлѣ него. Онъ былъ весь окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра, — сказалъ онъ —, я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣзавтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ быть вѣчно посмѣшищемъ». Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія, и рѣшился какъ-нибудь обойтися безъ носу, такъ же, какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ, прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки, и велѣлъ сказать: «Другъ мой, я тебя обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь...» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылѣчить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу». Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волосы у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе...

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и

казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой, — сказалъ онъ ему, — мы довольно пожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился; черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна; намъ должно вмѣстѣ умереть». Два молодые Индійца, видя его намѣреніе, тотчасъ натянули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индіецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его».

Если частныя распри Индійцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ зато вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безъ всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ разсказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ не менѣе доказываетъ его предпріимчивость

и неустрашимость. Какіе-то Индійцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индійскія селенія, въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ», — говоритъ онъ, — «спрятанъ былъ арканъ. Я искусно набросилъ его на шею лошади — и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобы оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками въ далекой долинѣ...

«Тутъ я подумалъ, что нехорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индійцевъ, скачущихъ изъза возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большой осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся донага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце... Но онъ воротился. Онъ, конечно, не видалъ меня; но

мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно, поколебала его. Меня искали до ночи и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности: шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузъ. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣненнаго ими на мою лошадь... Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь». — У меня нѣтъ лишней лошади. — «Такъ я жъ одну уведу». — А я тебя убью. — Мы разстались. Я приготовился къ утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволовую кожу вмѣсто сѣдла: а старуха продала мнѣ ремень, въ замѣну аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индійскаго старшины. Рано утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи...

Вся деревня пришла въ смятеніе... Народъ собрался около меня... Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную непріязнь...

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться — и можно было бы напасть на меня съ тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь, но сдѣлалъ слишкомъ большое усиліе — перепрыгнулъ черезъ лошадь, и растянулся по той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ другой. Я всталъ, поспѣшно оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хохотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-нунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ большей рѣшимостью. Я видѣлъ, что ежели бы, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же веселый хохотъ Индійцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло».

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое Индійское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голоденъ, ему снятся

жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени, въ самомъ дѣлѣ, удается ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу малаго Сасъ-Кау:

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индійскаго табора: прекрасная пристань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму... Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индіецъ не причалитъ челнока своего къ долинѣ «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индійскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата, имѣвшіе сокола своимъ тотемомъ*, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною тотемъ, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ,

* Родъ герба. Соколъ былъ также тотемомъ и Д. Теннера.

достовѣрно, что они безпокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось разсказать Индійцамъ не только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночевалъ.

«Солнце садилось, когда я туда прибылъ. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь и, отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣлъ обоихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣлъ, не услышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревъ. Вѣроятно, я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣлъ имъ сказать слово, но не стало голосу; пробовалъ бѣжать, ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣлъ связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ, — сказалъ мнѣ жеби,* — «лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь».

* Мертвецъ.

«Наконецъ, разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя привидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но пробывъ долго между Индійцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не на шутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашелъ и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водяного. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Впослѣдствіи времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а разсказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индійцахъ суевѣрный ихъ ужасъ».

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣетъ въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по-Индійски значитъ Заря.

«Однажды вечеромъ, — говоритъ Теннеръ, — сидя передъ нашей хижиной, увидалъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ, она подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты оттого, сказала она, отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурилъ немного — въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ

отъ роду. Она со мною разговорилась, и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности, потому что у Индійцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ, обыкновенно, молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ-быть, взглянули другъ на друга; но, вѣроятно, никогда между собою не говорили, свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что хотѣлъ я жениться. «Вотъ тебѣ», — сказалъ онъ моей матери, — «самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ...

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однакожъ старуха смутилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра, но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая; итакъ предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды, проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ прутомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай», — сказала она, — «вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіе ловцовъ». Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала». Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индійцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя Нетъ-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней прежнее безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по крайней мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливалъ по селенію, играя на Индійской свирѣли, называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Мисъ-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ охладѣвать; тогда она забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось.

Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сношенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорилъ о ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индійцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы поочереди ѣхали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ однѣ сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мисъ-куа-бунъ-о-куа, сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотишься ты спиною къ нашей хижинѣ, и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?..» Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы. Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки... Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена». —

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній непонятныхъ и неизъяс-

нимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ, рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ-Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго Индійца, и узналъ въ немъ молодого дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индіецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индійцевъ, какъ нѣкогда Монито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индіецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьми. Индійцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индійцы утащили молодого Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Огіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана, перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ

къ рѣкѣ и бросился вплавь. Индійцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались было за нимъ, но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу».

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну и не забывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удержать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ, просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индійцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначила ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индійцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индійцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной-Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшею для него столь-

ко прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индійцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человѣкъ, по имени Омъ-чу-гвутъ-онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію Американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрять, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причаля къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одной изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла съ нею тайные переговоры, но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человѣкъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ не выпускалъ его изъ виду; — вдругъ приближился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда

охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой», такъ называлъ онъ меня самъ, «если у тебя не достаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится». Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

«Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ воина, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожь онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня ножикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Растянувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе безпокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ мустики (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

«Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза, сильнѣе первой! Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ,

нешевелясь и не теряя изъ виду молодого человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросилъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣлъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву: однакожъ я все противился дремотѣ.

«Поутру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ, мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда, при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору открывалось далекое пространство, онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семъ мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти — отъ поворота, о которомъ я упоминалъ — находится маленькій утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со второго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ-чу-гвутъ-она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я ста-

рался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать, и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ, но, наконецъ, пришелъ въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого-нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни, и сталъ кликать Омъ-чу-гвутъ-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня», — кричалъ я, — «но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ». Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на гноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня, въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но, по захожденіи солнца, сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый сассакуи, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвутъ-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобы схватить и задавить его въ водѣ; но я не надѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленныя косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвою рукою сталъ ихъ обвивать около руки сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока, наконецъ, успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и, разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пень служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега, дабы наблюдать надъ всѣмъ, что случится и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я

зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ; ждалъ я отъ нихъ-то помощи. Индійскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвутъ-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роемъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружившись надо мною, и, наконецъ, исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствію Великаго Духа; вечеръ становился холоднымъ, и, слѣдовательно, это было вліяніемъ воздуха. Я былъ однакожъ увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что Владыка дней моихъ невидимо находится близъ меня, мощно мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ женскіе голоса, и мнѣ показались они голосами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чу-гвутъ-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъявляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и итти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди

вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Гудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидѣвъ меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на Индійскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ, я сталъ звать г. Стюарта по имени, и вспомнивъ нѣсколько англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и, вѣроятно, страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцовъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ разысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшили тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвутъ-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижи-

намъ, старикъ вышелъ къ намъ навстрѣчу, спрашивая: «Что новаго?» — «Все хорошо, — отвѣчалъ г. Стюартъ, — другой новости нѣтъ.» «Бѣлые люди», — возразилъ старикъ, — «никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той сторонѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвутъ-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ, что Соколъ (Индійское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвутъ-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то неспокоенъ, а увидя васъ, бѣжалъ».

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однакожь искать Омъ-чу-гвутъ-она по всѣмъ хижинамъ, и удостовѣрясь въ его побѣгѣ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ...» Тогда показали меня Индійцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень затвердѣло. Наконецъ, дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплющена. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже реберъ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но имѣя при-

чину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но разысканія опять остались тщетны. Наконецъ, меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индійцевъ, что жена моя съ дочерьми остановились въ этой деревнѣ, на пути къ Дождевому озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцовъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутствіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омъ-чу-гвутъ-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ, и запретили бъ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ

я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ, и повинуясь приказанію матери, пустились въ обратный путь и предались бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу...»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею мачихою о нѣсколькихъ Неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки», и на дняхъ будетъ, вѣроятно, членомъ Общества Воздержности.* Словомъ, есть надежда, чтоТеннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ yankee,** съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

The Reviewer.

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІЙ***

Стихотворенія Виктора Теплякова. 1836

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, муд-

---

* Общество, коего цѣль — истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Изд.

** Прозвище, данное Американцамъ; смыслъ его намъ неизвѣстенъ. Изд.

*** Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

рено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чильдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за то его укорять? Талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія — или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное: желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чильдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ Оракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ:

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!... Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные:
Златой струится блескъ по синему пути;
Прости, земля! прости, Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? въ минуту развлеченья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало! —
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!

Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника, святой отъ грусти щитъ,
Прійди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пускай на юность ты мою
Вѣнецъ терновый положила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
Къ отчизнѣ душу не маните!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгораетъ, тонетъ мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите:
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III

Увижу я страну боговъ;
Краснорѣчивый прахъ открою:
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ!
Гуляйте жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль!
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ!

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, про-

славленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ —
Степной ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ...
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый (!),
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣй ихъ ропота слова
И подъ эоирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье;
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ, звучащій какъ плачъ души; слова, которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гро(е)сетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Méchanter, pleureur insipide,
Des longues lamentations.

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращеній»). Героиды, Элегіи любовныя, и сама поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ «Элегіямъ Понтійскимъ». Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности, и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какая грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостію на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостію заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странникъ! назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной? —
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!..
Подобно мнѣ (Овидію), ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ
И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады,
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла бы болѣе достоинства, если бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ бы, что при набѣгахъ Гетовъ и Бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ,

и трепетной рукою хвататься за мечь при первой вѣсти о набѣгѣ. См. Trist. Lib. IV. El. I.

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрасными стихами:

Не буря ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Вели стрѣлять! Быть можетъ, насъ
Какой нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный! —
И грянулъ знакъ... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный; —
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуетъ смятенной.
«Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!»
— Не ты ль дерзнулъ бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться? —
«Ты отгадалъ!..» Я сердцемъ съ ней
Желалъ бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ бы въ бой стихій вмѣшаться!..
Но нѣтъ! — и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другого свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ ли твоимъ,

По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ.
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты ль спиралъ свой быстрый бѣгъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?
Хотите ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи;
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ Венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чильдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется.

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?.. Какъ громъ глухой,
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался. —
То грохотъ пушки заревой;
Изъ Русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка:
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньѣ,

При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!..

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой Элегіи.

Столбовъ, поникнувшихъ сѣдыми головами,
Столбовъ у Тлѣнности угрюмой на часахъ,
Стоящихъ пасмурно надъ падшими столбами —
Повсюду сумрачный Дедалъ въ моихъ очахъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Дружины мертвецовъ гранитныхъ!
Не вы ли стражи тѣхъ столбовъ,
На коихъ чудеса вѣковъ,
Искусствъ и знаній первобытныхъ
Рукою Сиѳовыхъ начертаны сыновъ?...
Какъ знать? И здѣсь былой порою,
Творенья, можетъ быть, весною,
Родъ человѣческій безъ умолку жужжалъ —
Въ тѣ времена, какъ нашихъ башенъ
Главою отрокъ достигалъ,
И мамонта, могучъ и страшенъ,
На битву равную охотникъ вызывалъ!
Быть можетъ, нѣкогда и въ этомъ запустѣньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близъ кедровыхъ палатъ,
Кругомъ висячіе сады благоухали,
Тѣснились мѣдныя чудовища у вр тъ,
И мраморъ золотомъ расписанныхъ аркадъ
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здѣсь огромныхъ башенъ лѣсъ,
До вѣковыхъ переворотовъ,
Пронзалъ, быть можетъ, сводъ небесъ,

И пѣна горныхъ струй, средь пальмовыхъ древесъ,
Изъ пасти бронзовыхъ сверкала бегемотовъ! —
И здѣсь на жертвенную кровь,
Быть можетъ, мирными вѣнчанные цвѣтами,
Колоссы яшмовыхъ боговъ
Глядѣли весело алмазными очами...
Такъ, такъ! подлуннаго величія звѣздой
И сей Ничтожества былъ озаренъ объѣдокъ, —
Парилъ умовъ надменныхъ рой,
Цвѣла любовь... и напослѣдокъ —
Повсюду смерть, повсюду прахъ
Въ печальныхъ странника очахъ!

Лишь ты, Армида красотою,
Надъ сей могилой вѣковою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей градъ развалинъ неизвѣстной
Повсюду богатитъ она! —
Взгляните: этотъ столбъ, гигантъ окаменѣлый,
Какъ въ полѣ колосъ переспѣлый,
Къ землѣ онъ древнею склонился головой;
Но съ нимъ подвинутый годами,
Сосѣдъ, увѣнчанный цвѣтами,
Гирляндой связанъ молодой;
Но съ головы его маститой
Кудрей зеленыхъ вьется рой,
И плащъ изъ листьевъ шелковистый
Колышетъ вѣтръ на немъ лѣсной!
Вотъ столбъ другой: на дернъ кудрявый,
Какъ тру ъ онъ рухнулся безглавый;
Но по зіяющимъ развалины рубцамъ
Играетъ свѣжій плющъ и вьется миртъ душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешнимъ сталъ цвѣтамъ!
И вмѣсто рухнувшей громады
Ужъ юный тополь нѣжитъ взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Какъ сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — съ густыхъ его вѣтвей
Свои льетъ пламенные звуки...
Лишь посреди сѣдыхъ столбовъ,

Хаоса дикихъ травъ, обломковъ и цвѣтовъ,
Вечернимъ золотомъ облитыхъ —
Семейство ящерицъ отъ странника бѣжитъ,
И въ камняхъ, зелени узорами обвитыхъ,
Кустами дальними шумитъ!...

Іероглифы вѣковые,
Былаго міра мавзолей!
Межъ вами и душой моей,
Скажите, что за симпатія? —
Нѣтъ! вы не мертвая Ничтожества строка:
Вашъ прахъ — урокъ судьбы тщеславію потомковъ;
Живѣй ли гордый лавръ сихъ дребезговъ цвѣтка?...
О дайте жь, дайте для вѣнка
Мнѣ листьевъ съ мертвыхъ сихъ обломковъ!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я надъ вами
Парю крылатою мечтой —
Вѣка смѣняются вѣками,
Какъ волны моря предо мной!
И съ великанами былыми —
Тогда я будто какъ съ родными,
И неземнаго бытія
Призывъ блаженный слышу я!...

Но день погасъ, а я душою
Къ симъ камнямъ будто пригвожденъ,
И вотъ ужъ яхонтовой мглою
Одѣлся вѣчный небосклонъ.
По морю синяго эѳира,
Какъ челнъ мистическаго міра,
Царица почи поплыла,
И на чудесныя громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тѣнь лѣсную навела.
Рубины звѣздъ надъ нею блещутъ;
И межъ столбовъ сѣдыхъ трепещутъ,
И будто движа ихъ, встаютъ
Изъ-подъ земли былаго дѣти,
И мертвый градъ свой узнаютъ,
Паря во мглѣ тысячелѣтій...

Звѣрей и птицъ ночныхъ пріютъ,
Давноминувшаго зерцало,

Ничтожныхъ дребезговъ твоихъ
Для градовъ нашихъ бы достало!
Къ обломкамъ гордыхъ зданій сихъ,
О, Альнаскары! приступите,
Свои имъ грезы разскажите,
Откройте имъ: боговъ земныхъ
О чемъ тщеславіе хлопочетъ?
Чего докучливый отъ нихъ
Народовъ муравейникъ хочетъ?...
Ты правъ, божественный пѣвецъ:
Вѣка — вѣковъ лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы, наконецъ;
За славой — роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ — изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!..

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностію. — Вообще главныя достоинства «Оракійскихъ Элегій»: блескъ и энергія; главные недостатки: напыщенность и однообразіе.

Къ «Оракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если бы г. Тепляковъ ничего другаго не писалъ, кромѣ элегіи Одиночество и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова.

ОДИНОЧЕСТВО

I

Въ лѣсу осенній вѣтръ и стонетъ, и дрожитъ;
По морю темному ревучій валъ кочуетъ;
Уныло крупный дождь въ окно мое стучитъ;
Раздумье тяжкое мечты мои волнуетъ.

II

Мнѣ грустно! Догорѣлъ каминъ трескучій мой;
Послѣдній красный блескъ надъ угольями вьется...
Мнѣ грустно! Тусклый день ужь гаснетъ надо мной;
Ужь съ неба темнаго туманный вечеръ льется.

III

Какъ сладко онъ для двухъ супруговъ пролетитъ,
Въ кругу, гдѣ бабушка внучатъ своихъ ласкаетъ,
У креселъ дѣдовскихъ красавица сидитъ —
И былямъ старшны, работая, внимаетъ!

IV

Мечта докучная! зачѣмъ передъ тобой
Супруговъ долгія лобзанья пламенѣютъ?
Что въ томъ, какъ ихъ сердца, подъ ризою ночной
Средь ненасытныхъ ласкъ, въ палящей нѣгѣ млѣютъ.

V

Межь тѣмъ какъ онъ кипитъ, мой одинокій умъ!
Какъ сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря гор кихъ думъ,
Надъ ихъ мучительно-завидной долей вьется!

VI

Но если для меня безвѣстный уголокъ
Не созданъ, темными дубами осѣненный,
Подруга милая и яркій камелекъ,
Въ часы осеннихъ бурь друзьями окруженный, —

VII

О жаръ святыхъ молитвъ, зажгись въ душѣ моей!
Лучь вѣры пламенной блесни въ ея пустынѣ;
Пролейся въ грудь мою цѣлительный елей:
Пусть сны вчерашніе не мучатъ сердца нынѣ!

VIII

Пусть, упоенная надеждой неземной,
Съ душой всемірною моя соединится;

Пускай сей мрачный долъ исчезнетъ предо мной;
Осенній въ окна вѣтръ, бушуя, не стучится!

IX

О, пусть превыше звѣздъ мой вознесется духъ,
Туда, гдѣ взоръ Творца ихъ сонмы зажигаетъ!
Въ мірахъ надсолнечныхъ пускай мой жадный слухъ
Органамъ ангеловъ, восторженный, внимаетъ...

X

Пусть я увижу ихъ, въ безмолвіи святомъ,
Предъ тропомъ Вѣчнаго, колѣнопреклоненныхъ;
Прочту символы тайнъ, пылающихъ на немъ,
И юнымъ первенцамъ творенья откровенныхъ...

XI

Пусть Соломоновой премудрости звѣзда
Блеснетъ душѣ моей въ безоблачномъ эѳирѣ;
Поправъ земную грусть, быть можетъ, я тогда
Не буду тосковать о другѣ въ здѣшнемъ мірѣ!

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА

Сочиненіе Сильвіо Пеллико

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei Doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей не льзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизустъ, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго, но книга сія назы-

вается Евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные унынiемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ Евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями Церкви), которые бы въ своихъ твореніяхъ приближились кротостію духа, сладостію краснорѣчія и младенческою простотою сердца къ проповѣди Небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ Ангелъ Господній привѣтствовалъ именемъ человѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ, и получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью, — прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломыслiи. Читая сіи записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера нещастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ

неискренности. Книга «Dei doveri» устыдила насъ, и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико:

«Если бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно догматическимъ урокомъ, который мы бы прослушали безъ вниманія».

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому бы то ни было, и въ какомъ бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если бъ она была написана въ тишинѣ Овиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ? — Не можемъ повѣрить, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, такова была мысль автора «Исторіи Поэзіи».

Это ужь не ново; это было уже сказано — вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣ-

ческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повторенія лексикона. Мысль отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; мысли же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія г-на Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и щастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей — и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,
ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ
и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстно-чтимыхъ. 1836 г. Спб.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ

указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ разысканій. Что же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новизною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили сію книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго, въ 1784 году, Опытъ Историческаго Словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ Опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ 363 имени, т.-е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу

самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь Россійская,» — сказано въ предисловіи, — «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостію жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общіе Святцы Россійской Церкви», а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на Кіевскую и Московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка Московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія Четьи-Минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ Патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ службъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ Россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти — только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ

Ростовскій Димитрій, въ своихъ «Четьихъ-Минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ Кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники Новгородскіе, Псковскіе, Вологодскіе, и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коихъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ, краткія извѣстія о тѣхъ богоугодно-поживших, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святаго, прославленнаго во всей Россійской Церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и кратокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ, навѣрное, чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ-нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о Святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ, и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленовой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи Втораго отдѣленія Собственной Канцеляріи Е. И. В.

(НОВЫЙ РОМАНЪ: СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ)

Недавно одна рукопись, подъ заглавіемъ: Село Михайловское, ходила въ обществѣ по рукамъ и произвела большое впечатлѣніе. Это романъ, сочиненный дамою. Говорятъ, въ немъ много оригинальности, много чувства, много живыхъ и сильныхъ изображеній. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ его появленія.

(ЗАМѢТКА КЪ ПОВѢСТИ ГОГОЛЯ «НОСЪ»)

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатаніе этой шутки; но мы нашли въ ней такъ много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго, что уговорили его позволить намъ подѣлиться съ публикою удовольствіемъ, которое доставила намъ его рукопись. — (Изд.)

(ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ПИСЬМУ А. Б. О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ)

Съ удовольствіемъ помѣщая здѣсь письмо г. А. Б.(езсонова), нахожусь въ необходимости дать моимъ читателямъ нѣкоторыя объясненія. Статья О движеніи журнальной литературы напечатана въ моемъ журналѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ мнѣнія, въ ней выраженныя съ такою юношескою живостію и прямодушіемъ, были совершенно сходны съ моими собственными. Во всякомъ случаѣ, она не есть и не могла быть программою «Современника». — Изд.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

I

«Современникъ» будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1837 году.

Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому.

Цѣна за всѣ четыре тома, составляющіе годовое изданіе, 25 рублей асс., съ пересылкою 30 рублей асс.

Подписка въ С. П. Б. принимается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ адресоваться въ Газетную Экспедицію.

II

Издатель «Современника» не печаталъ никакой программы своего журнала, полагая, что слова: литературный журналъ уже заключаютъ въ себѣ достаточное объясненіе.

Нѣкоторые изъ журналистовъ почли нужнымъ составить программу новаго журнала. Одинъ изъ нихъ объявилъ, что «Современникъ» будетъ имѣть цѣлію — уронить «Библіотеку для Чтенія», издаваемую г. Смирдинымъ; въ «Сѣверной же Пчелѣ» сказано, что «Современникъ» будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты», издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ.

Издатель «Современника» принужденъ объявить что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однакожь отъ себя цѣль недостойную литтератора и несправедливо ему приписанную въ «Библіотекѣ для Чтенія», онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, на печатаннаго въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Современникъ» по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ

его суду, будетъ продолженіемъ «Литтературной Газеты».

III

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатаніемъ первыхъ двухъ нумеровъ своего журнала; вкрались нѣкоторыя ошибки, и одна довольно важная, происшедшая отъ недоразумѣнія: публикѣ дано обѣщаніе, которое издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ, и не намѣренъ исполнить — сказано было въ примѣчаніи къ статьѣ: Новыя книги, что книги, означенныя звѣздочкою, будутъ современемъ разобраны. Въ спискѣ вновь вышедшимъ книгамъ звѣздочкою означены были у издателя тѣ, которыя показались ему замѣчательными, или которыя намѣренъ онъ былъ прочитать; но онъ не предполагалъ отдавать о всѣхъ ихъ отчетъ публикѣ: многія не входятъ въ область литературы, о другихъ потребны свѣдѣнія, которыхъ онъ не пріобрѣлъ.

IV

Въ первомъ томѣ «Современника», въ статьѣ Новыя книги, подъ параграфомъ, относящимся къ Вастолѣ, ошибкою пропущена подпись издателя.

V

Редакція «Современника» не можетъ принять на себя обратнаго доставленія присылаемыхъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

(О сборникѣ кн. Вяземскаго)

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: «Старина и Новизна, Историческій и Литературный Сборникъ», изданный К. Вяземскимъ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его, гр. Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ Царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч., и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ графа Ростопчина, воспоминаніе о графѣ Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литтературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной Русской Литтературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литтературныхъ записокъ о фон-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая», съ Англійскаго прозою на Русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и не напечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч., и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены снимки съ разныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ Сборника.

КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА,

происшествіе въ Россіи, въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій. СПБ. При подпискѣ 1 ч. выдается, а на 2 билетъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили, безъ сомнѣнія, прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

КЛЮЧЬ КЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 ч. м.

Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе русской исторіи. «Ключь» составленъ по второму изданію «Исторіи Государства Россійскаго», «самому полному и исправному», пишетъ г.

Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго» должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа», необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ОТРЫВКУ ИЗЪ РУКОПИСИ КАРАМЗИНА «О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ»

Во второмъ № «Современника» (на 1836) уже упомянуто было о неизданномъ сочиненіи покойнаго Карамзина. Мы почитаемъ себя счастливыми, имѣя возможность представить нашимъ читателямъ хотя отрывокъ изъ драгоцѣнной рукописи. Они услышатъ, если не полную рѣчь великаго нашего соотечественника, то, по крайней мѣрѣ, звуки его умолкнувшаго голоса.

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ»

Долгое время Французы пренебрегали словесность своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установ-

ленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!... Наконецъ, критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передавать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, если бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ

исправительныхъ переводовъ и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романтической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альбертъ (Альфредъ) де-Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ (гг. Альфреда де-Виньи и) Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ гордымъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ же находится Миль-

тонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (съ досадою).

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (съ живостію).

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе: я сынъ нотаріуса, городоваго альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись; я знаю, что ты великій ѳеологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Донна.

Мильтонъ (говоря самъ про себя).

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидимъ, отказало ли мнѣ небо въ

своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго; и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю молча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (про себя).

Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами).

Твой «Иконокластъ» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (смѣясь) очень плохъ...

Мильтонъ — (сквозь зубы, съ негодованіемъ).

Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ (подходитъ къ нему).

Г. Мильтонъ!

Мильтонъ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю).

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностію).

По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ не достаетъ вкуса. Послушайте: Французы учителя наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли его щегольскимъ платьемъ, если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію Флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (удивленный).

Это что за пустословіе?

Рочестеръ (кусая губы).

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ.

Очень глупая шутка!»

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты піитъ, ты

въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi»! Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто, въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ

его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сенъ-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ.

У славной Маріи де Лормъ, любовницы кардинала Ришельё, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодаго путешествующаго Англичанина, по имени Джона Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо. Да какъ же Французы, не зная Англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей?

Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, несмотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію, болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго г-мъ де-Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери скучнымъ и холоднымъ, Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами, и пр., и пр.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль, ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался бы такимъ незначущимъ естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и пр., и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя-тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, наполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобріанъ, однако, не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez vous;

How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ.*

Если уже Русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, неспособенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго и запутаннаго, и выразительнаго и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и бо-

* Кстати: недавно (въ «Телескопѣ», кажется), — кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе batarsi la quancia — бить себя по щекамъ; batarsi la quancia значитъ раскаяться; перевести иначе, не имѣло бы никакого смысла.

гатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ не подкупной совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому скупщику, хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присовокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много

искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys) потомокъ роднаго брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи. Онъ былъ женатъ на Англичанкѣ, и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же, какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ-отецъ былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавалась очень

дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе, также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ «Morning Chronicle»):

«Милостивый государь, Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латремулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tourneьu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Лукѣ д'Аркъ дю-Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А посему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. Итакъ прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать

о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю» и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1767 г.

Милостивый государь, Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріяда. Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ

чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной. Честь имѣю быть,

милостивый государь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою.
Voltaire,
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, поистинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ, мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще некупленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ

предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго — жизни и смерти Орлеанской героини; что же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего Народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соуте есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латремулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

ЖЕЛѢЗНАЯ-МАСКА

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной-Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини», пишетъ онъ, «случилось происшествіе безпримѣрное и, что́ еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на Островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ-что онъ могъ ѣсть, не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 году, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все также маскированнаго. Передъ симъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобности были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекарь, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ о своемъ состояніи.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году, и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на Островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безо всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножомъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Сей изумился. «Читалъ ли ты, что тутъ написано», спросилъ онъ у рыбака, «и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?» — Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ. Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Г-нъ де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе».

Сіи строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали,

что Желѣзная-Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе будто бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни Парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч. и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ сіи мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка осталась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

1830—1836 г. г.

АНЕКДОТЫ

(Table Talk)

I

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукой послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукой изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ, не раздирая моего указа?» —Правда твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукой; но я зналъ, что если я его раздеру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе. — Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать Князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ

Государя и болѣе, нежели когда нибудь, его оспоривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ уже не упоминалъ. (Сл. отъ Кн. Ал. Ник. Голицына).

II

Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. «Исполнилъ ли ты мои приказанія?» спросила Императрица. — Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволившія ему исполнить Высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погибели. Наконецъ, Императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Черезъ нѣсколько минутъ Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?» (Сл. отъ гр. Вьельг.).

III

Нѣкто кн. Мих. Вас. Х(ованскій), возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла ска-

зать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она для такого бездѣльника, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена; однако, совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

IV

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей, однако, надоѣлъ и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д'Ав...., капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ было сѣсть также въ карету, но Государыня остановила его, сказавъ: «Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de M-r le comte d'Artois». (Сл. отъ кн. К. Ѳ. Долг.).

V

Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были, однако жъ, съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: «Mais, mon cher M-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild». (Сл. отъ гр. Вьельг., іюнь 1836).

VI

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ. Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ же часъ садиться въ его тележку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его тележкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій), получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодого человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку

и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ: Потемкинъ. Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то? — Адъютантъ. Точно такъ, ваша свѣтлость. — Потемкинъ. Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть? — Адъютантъ. Точно такъ. — Потемкинъ (смотря въ святцы). Какого же святаго празднуютъ 18 мая? — Адъютантъ. Мученика Ѳеодота, ваша свѣтлость. — Потемкинъ. Такъ. А 29 сентября? — Адъютантъ. Преподобнаго Кyріака. — Потемкинъ. Точно. А 5 февраля? — Адъютантъ. Мученицы Агаѳьи. — Потемкинъ (закрывая святцы). Ну, поѣзжай себѣ домой.

VIII

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи*, что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-басъ!»

IX

Разговоры Н. К. Загряжской

1) 12 августа 1835 г. — Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали

* Хиба винъ не тямитъ того, що я такій еднoралъ, якъ винъ самъ.

(не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce de grains) крупами, что ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ, этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-Гречески, по-Еврейски и Богъ вѣдаетъ, что еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь-объ-дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день со своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. — «Madame, c'est impossible». — Mon cher M-r Romm, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours. —«Madame, je n'y manquerai pas». Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r? — «Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant». Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (прѣніе).

Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Прѣніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ И(ванъ) И(вановичъ) да князь Г(ригорій) А(лександровичъ).» — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ? — «Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами». Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ, такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

---

2) 12 августа. — Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кирилловна, я — въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василіемъ Ивановичемъ (Чулковымъ) — въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника». Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили — и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ

ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; что за глупость», и потомъ, оборотясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію Государя». — «Извольте же итти въ караульню». Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а Государь со шляпой на бекрень и ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру.» Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюпку. Вмѣсто шлюпки черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ. — На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней.

Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту.

—

3) 12 августа. — Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, что̀ бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg». — Pourquoi ça? — «Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive». — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь». — Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать? право, не знаю. — Что же? черезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

—

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у Государыни сказалъ онъ при насъ: по одёжкѣ держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

—

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Н аталья) К(ирилловна), хочешь ты зе́мли?» — Какія земли? — «У меня тамъ есть, въ Крыму».

— Зачѣмъ мнѣ брать у тебя земли, къ какой стати! — «Разумѣется, Государыня подаритъ, а я только ей скажу». — Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ на это сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу земли». Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?» — Съ вашихъ новыхъ земель: тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги. — «Спасибо, батюшки». Проходитъ еще годъ, другой, Тепловъ говоритъ мнѣ: «что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ». — Да что же мнѣ дѣлать? — «Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе». Я такъ и сдѣлала; батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуйста, мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты». Что же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

---

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя.

---

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачомъ, и Государь хотѣлъ снять

съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

---

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу». — А что такое? — «Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать». — Какъ такъ? — «Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ». Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро». И предчувствіе его сбылось. Уже я больше его не видала.

---

9) Orloff était régicide dans l'âme; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ, въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Что за уродъ! Какъ это его терпятъ?» — Ахъ, батюшка, да что же ты прикажешь дѣлать? вѣдь не задушить же его? «А почему же и нѣтъ, матушка?» — Какъ! и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло? «Не только согласился бы, а былъ бы очень тому радъ». Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X

Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ

развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно, по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко привинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому же, и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ».

XI

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратіону и сказалъ: «Главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить». Багратіонъ* отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XII

Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и жолченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главно-

* Можетъ быть, не всѣмъ извѣстно, что у князя Багратіона былъ очень большой носъ.

командующаго графа Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостію онъ видѣлъ Каменскаго, вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія».

Раевскій говорилъ объ одномъ майорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII

Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ, воля для меня всего дороже».

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ, и въ семъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили, обыкновенно, въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ экономa нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?» — Изъ состраданія къ человѣчеству, отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который, обыкновенно, его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Пет-

ровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ — я, второй Ломоносовъ, а ты только что третій». Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV

Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ».

XVI

Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія...» — Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ, посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?

XVII

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ, обыкновенно, сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову».

XVIII

На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не

пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ. Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что́ изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесанный, грызя ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ ихъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ. «Подписалъ!..» Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги, въ самомъ дѣлѣ, подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ. «Молодецъ! нечего сказать». Но кто-то всматривается въ подпись — что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ — подписано: Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...

XIX

Надмѣнный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодаго офицера.

XX

Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Б(езбородко) собирался пожаловаться на него самой

Государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодаго человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе». — Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Б(езбородко). Потемкинъ принимаетъ его какъ не льзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ», — говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты, — «какъ мнѣ тутъ сыграть?» — Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ ему Ш., — играйте, какъ умѣете! «Ахъ, мой батюшка», — возразилъ Потемкинъ, — «и сло́ва не льзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша таковой разговоръ, князь Б(езбородко) раздумалъ жаловаться.

XXI

Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то майоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицемъ къ лицу. Майоръ хотѣлъ было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный майоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Майоръ, умирая отъ стыда, очутился посреди генераловъ,

одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще не довольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ ужé отпустилъ, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII

Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится». Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «Таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!» (Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына).

XXIII

Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двѣнадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго: вѣчный труженикъ! Какой взглядъ! Какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, чтó былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV

Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ Государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичь, сказала она ему, ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ на войнѣ».

XXV

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ — и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано». (Сл. отъ кн. Ал. Ник. Голицына).

XXVI

Петръ I говаривалъ: «Нещастья бояться — щастья не видать».

XXVII

Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.

XXVIII

Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX

Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у Государя позво-

леніе огородить рѣшеткою часть пола, подъ которой онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: посмотримъ, каково-то ему будетъ въ день втораго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ на небесахъ.

XXX

Будри, профессоръ французской словесности въ Царскосельскомъ Лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac». Впрочемъ Будри, несмотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, несмотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ тоже много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI

Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеан-

скому на балѣ: «J'avais des projets hostiles pour vous». Et quoi donc, Madame? — «Je voulais paraître inondée de fleurs de lis». Madame, отвѣчалъ принцъ, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblême.

XXXII

Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди-Борго прислалъ Государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію сей великой ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: Le comte Pozzo a plus d'esprit que j'ai, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de consistence, et vous pouvez le lui dire. Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: cela peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?

XXXIII

Однажды маленькій арапъ (Ганнибалъ), сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «Государь! Государь! изъ меня кишка лѣзетъ». Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!» — и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычаи Петра.

XXXIV

Объ арапѣ гр. Стр(оганова). — У графа Стр. былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа Стр—ва по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный

день нищіе пришли, по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапчонка, а вы лѣзете за милостыней».

XXXV

О Потемкинѣ. — Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: «Знаете ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно». — Тутъ дива нѣтъ, отвѣчалъ запорожецъ: у насъ есть такіе бандуристы, что какъ заиграютъ въ Сѣчѣ, такъ въ Петербургѣ затанцуютъ.*

XXXVI

Князь Потемкинъ, во время очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню ***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини * * * человѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ, пожимая плечами: экое кирикуку!

XXXVII

Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ

* Не диво, у насъ у Запорощинѣ е такіе кобзары, що якъ заграютъ, то ажъ у Петербурси затанцуютъ.

домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ велѣть палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣни передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII

Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды, въ какой-то праздникъ, во дворцѣ, проходя мимо него въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя». Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, вышедъ изъ церкви и проходя мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя — ты, говорятъ, вчера выигралъ». — Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXIX

Дельвигъ звалъ однажды Рылѣева къ д.[illegible]къ. Я женатъ, отвѣчалъ Рылѣевъ. «Такъ что же, отвѣчалъ Дельвигъ, развѣ ты не можешь отобѣдать въ ресторацiи, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

XL

Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стишки:

Любезный другъ,
Коль тебѣ досугъ —
Пріѣзжай ко мнѣ.

Коли не такъ,
М . . . . . растакъ
Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLI

Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?» — «Орловъ. Отоприте». Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ Измайловскомъ полку; но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII

6 октября 1834 г. — Дмитріевъ предлагалъ Императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію, и между тѣмъ произошло — 11 марта. Муравьевъ хвастался, впослѣдствіи времени, что будто бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ,

раскаясь и будучи осыпанъ милостями. — Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова сіи были доведены до Государыни Маріи Ѳеодоровны — и Паленъ былъ удаленъ. (Слышалъ отъ Дмитріева).

XLIII

Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно, говаривалъ ему: «что, Степанъ Ивановичь, каково кнутобойничаешь?» На что Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку, ваша свѣтлость!»

XLIV

Когда родился Иванъ Антоновичь, то Императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ — и, какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ — и они послали Императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу Г.К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской, Нат. Кир.).

XLV

Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Бар-

кова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней...

XLVI

Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ». Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою-Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?» Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, а никогда не отвѣчаетъ».

XLVII

Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ», сказала Императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ», отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю», возразила она съ улыбкой. «гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ

тебя отъ академіи». — «Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію отставите отъ меня».

XLIX

Богородицыны дочки

Царевича Алексѣя Петровича положено было отравить ядомъ. Деньщикъ Петра Перваго, Ведель, заказалъ оный аптекарю Беру. Въ назначенный день онъ прибѣжалъ за нимъ, но аптекарь, узнавъ, для чего требуется ядъ, разбилъ склянку объ полъ. Деньщикъ взялъ на себя убіеніе царевича и вонзилъ ему тесакъ въ сердце. (Все это мало правдоподобно). Какъ бы то ни было, употребленный въ семъ дѣлѣ деньщикъ былъ отправленъ въ дальнюю деревню, въ Смоленскую губернію. Тамъ женился онъ на бѣдной дворянкѣ, изъ роду, кажется, Энгельгардовыхъ. Семейство сіе долго томилось въ бѣдности и неизвѣстности. Въ послѣдствіи времени Ведель умеръ, оставя вдову и трехъ дочерей. Объ нихъ напомнили Императрицѣ Елизаветѣ, — она не знала, подъ какимъ предлогомъ вытребовать ко двору молодыхъ Ведель. Князь Одоевскій выдумалъ сказку о Богородицѣ, будто бы явившейся къ умирающей матери и приказавшей ей надѣяться на ея милость. Дѣвицы призваны были ко двору и приняты на ногѣ фрейлинъ. Онѣ вышли замужъ уже при Екатеринѣ: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родіоновна, умершая въ прошломъ 1830 году), третья не помню, за кѣмъ.

L

При Елизаветѣ было всего три фрейлины. При воцареніи Екатерины сдѣлали новыхъ шесть. —

вотъ по какому случаю. Она, не зная, какъ благодарить шестерыхъ заговорщиковъ, возведшихъ ее на престолъ, заказала шесть вензелей, съ тѣмъ, чтобъ повѣсить ихъ на шею шестерыхъ избранныхъ. — Но Никита Панинъ отсовѣтовалъ ей сіе, говоря: это будетъ вывѣска. Императрица отмѣнила свое намѣреніе и отдала вензеля фрейлинамъ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ
ДНЕВНИКИ

1815 г.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ)

. . . . . большой Грузинскій носъ, а партизанъ почти и вовсѣ былъ безъ носу. Д(авыдовъ) является къ Бен(игс)ену: Князь Б(аграт)іонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу . . . .

На какомъ носу Д(енисъ) В(асильевичъ)? отвѣчаетъ генералъ. Ежели на вашемъ, то онъ ужъ близко, если же на носу князя Б(аграті)она, то мы успѣемъ еще отобѣдать.....

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

*

28-го ноября.

Ш(ишковъ) и г-жа Бу(ни)на увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ:

Вѣнчаніе Шутовскаго

(Гимнъ на голосъ: de Buhamel)

Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньи (собраньи)
Творца затѣй,
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды всей,

И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза Балладъ,
Въ бесѣдѣ добрый усыпитель,
Хлыстову братъ,
И врагъ талантовъ записной!
(Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!)
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Всей братьи далъ свои онъ Шубы
И всѣ дрожатъ!
Его величіе не трубы —
Свистки гласятъ,
Онъ милъ и тѣломъ и душой!
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

И вотъ подъ сѣнью обвѣтшалой
Старикъ сѣдой!
Предъ нимъ вязанки прозы вялой,
Псалтырь въ десной.
Кругомъ поэтовъ блѣдный строй (о Шутовской)
Хвала, хвала тебѣ, старикъ сѣдой!
О, дѣдъ сѣдой! (bis)
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

И вдругъ раздался за дверями
И скрыпъ и вой —
Идутъ сотрудники съ гудками
И самъ Герой!
Поетъ онъ гимнъ печальный свой.
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Я князь, поэтъ, директоръ, воинъ —
Вездѣ великъ,

«Вѣнца лавроваго достоинъ
«Мой тучный ликъ.
«Вѣнчая, пойте всей толпой:
«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!

Писалъ я на друзей пасквили
«И на отца,
«Поэмы, тощи водевили —
«Имъ нѣтъ конца.
«И Воды я пишу водой.
«Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!

«Еврей мой написалъ Дебору,
«А я списалъ,
«Въ моихъ твореньяхъ много сору,
«Кто жъ ихъ читалъ.
«Доволенъ, право я собой».
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

Потомъ къ Макару и Ежевой
Герой бѣжитъ.
«Вотъ орденъ мой — вѣнокъ лавровый.
Пусть буду битъ,
Зато увѣнчанъ красотой».
Хвала, хвала тебѣ, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

*

29-го (ноября).

Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчался лѣтомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь.

Я щастливъ былъ!... нѣтъ, я вчера не былъ щастливъ, поутру я мучился ожиданіемъ, съ неопи-

саннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!...

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ,
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку!
Жуковскій.

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Но я не видѣлъ ее 18 часовъ ахъ!

Какое положенье, какая мука! Но я былъ щастливъ 5 минутъ.

*

10-го декабря. — Вчера написалъ я третью главу, Фатама или разумъ человѣчества: Право естественное. Читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчи и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ Жизнь Вольтера.

Началъ я комедію — не знаю, кончу ли ее.

Третьяго дня хотѣлъ я начать ироическую поэму: Игорь и Ольга, а написалъ эпиграму на Шах(овскаго), Шихм(атова); и Шишк(ова); вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ:
Ших(матовъ), Шах(овской), Шиш(к)овъ;
Уму есть тройка супостатовъ:
Шиш(ковъ) нашъ Шах(овской), Шихматовъ;
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шиш(ковъ), Шихматовъ, Шах(овск)ой!

Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села.

1. Картина сада.
2. Дворецъ. День въ Ц. С.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.

5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ, — но это еще будущее.

*

Вчера не тушили свѣчекъ, зато пѣли куплеты на голосъ: бери себѣ повѣсу. — Запишу, сколько могу упомнить:

На Георг(іевскаго).

Предположивъ — и дальше
На грацію намекъ,
Ну съ — Августинъ богóсловъ,
Профессоръ Бутервекъ.*
Потомъ Ніобы группа,
Корреджіевъ тьма-свѣтъ.
Прелестна Граціозность
И щастливъ онъ поэтъ.

На Кайд(анова).

Потише животины!
Да долго ль говорю?
Потише — Бомгольмъ, Борнгольмъ.
Еще разъ повторю.

На Карц(ева).

Какіе жъ вы лѣнивцы
Ну на кого напасть?
Да нутека Вольховскій,
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюды!
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи.
А слышали ль вы новость?
Нашъ докторъ сталъ лѣнивъ (ревнивъ),

* Варіантъ: Надъ печкою Богословъ
А въ печкѣ Бутервекъ.

Драгуна посылаетъ,*
Чтобъ отпереть жену;
А Камаражъ взбѣсился,
Романа обокралъ;
А Фридебургъ свалился
И Графъ захохоталъ.
Нашъ Докторъ хромоглазой
Въ банкъ выигралъ вчера,
А слѣдственно гоняетъ
Онъ лошадей съ утра.

На Шумахера.

Скажите мнѣ шастицы
Какъ напримѣръ: wenn so
Geweniger und desto,
Die Sonne scheint also.

На Гакена.

Мольшать! Я самъ фидала
Мольшать! Я Гуфернеръ!
Мольшать! — Ты самъ софрала.
Пошалуюсь теперь.

На Вл(адиславлева)

Матвѣюшка! дай соли,
Нѣтъ моченьки, мой свѣтъ (братъ, нѣтъ)
Служилъ я Государю
Одиннадцать ужъ лѣтъ.

На Лав.

Bonjour, Messieurs. — потише!
Поводьемъ не играй!
Ужъ я тебя потѣшу
A quand l'Equitation.

На Ви(льма)

Лишь для безумцевъ, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмужкѣ, поэту
Стихи писать грѣшно.**

---

* Варіантъ: И Графъ послалъ драгуна

** Варіантъ: А не даны поэту
Ни геній, ни вино.

На Ик(онникова).

Скажите: разъ, два, три
Тутъ скажутъ всѣ скоты:
Да гдѣ жъ ее взрасти?
Да на святой Руси!

На Заб. и Петр.

Какой столичный городъ
Желательно бы знать?
А что такое воротъ,
Извольте мнѣ сказать?

На Кун(ицына).

Извѣстенъ третій способъ
Черезъ откупщиковъ,
Въ семъ случаѣ помѣщикъ
Владѣлецъ лишь земли.

*

17-го (декабря).

Вчера провелъ я вечеръ съ (Иконниковымъ).

Хотите ли видѣть страшнаго человѣка, чудака — посмотрите на Ик(онникова). Поступки его — поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго худаго человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной черномъ изорванномъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны; онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки — онъ дико смотритъ на васъ — вы ему близко знакомый, вы ему родственникъ или другъ — онъ васъ не узнаетъ — вы подходите, зовете его по имени, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, — садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ карафинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и

пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый — спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства — ходитъ пѣшкомъ изъ П(етербурга) въ Ц(арское) С(ело), что бы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ — онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ — разсыпается въ благодареніяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣяніе ему оказанное, — легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Ик(онниковъ) имѣетъ дарованья, пишетъ изрядно стихи — и любитъ поэзію: вы читаете ему свою пьесу — наотрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; — зато за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо — его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.

(СПИСОКЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ)

1-я часть

Посланія:

Къ Александру.
Къ Жуковскому.
——— +
Къ Батюшкову.
Къ Галичу.
———
Дельвигу.
Дельвигу
Сестрѣ. +
Бонапарте. +

Къ Юдину.
Пущину.
———
Ломоносову.
Трубецкому.
Лицинію.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лѣнь.
Друзьямъ.
Шишкову.
Актрисѣ.
(Завѣщанія).

Лирическія:

Наполеонъ на Эльбѣ.
Воспоминанія въ Ц. С.
(Къ) Оранскому принцу.
Пѣвецъ.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальдо.
Двѣ пѣсни.
Пирующіе студенты.

=

XV элегій.
Эпиграм. Надп. [?]
Картины.
Леда.

———

1821 г.

(ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА)

2-го апрѣля (1821) вечеръ провелъ у N. G. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ, какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Грецiя восторжествуетъ, и 2.500.000 турковъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной — храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

3-го. Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тамъ тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ — ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ, и потому во сто кратъ благочестивѣе ихъ.

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ — неожиданная риѳма «Херасковъ» не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій — прелесть.

---

9 апрѣля. Утро провелъ я съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, говоритъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

---

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevèque arménien.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получилъ онъ моихъ писемъ: они...

(ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ «ТАРАСЕНКОВА-ОТРѢШКОВА»)

O... disait en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détrôner Napoléon.

*

Le général R. disait à N. affligé d'un mal d'aventure: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé.

*

Р., встрѣтивъ однажды человѣка, весьма услужливаго, сказалъ ему: вы простудитесь, на дворѣ сыро, мокро́ (maquereau).

*

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement morguées de moi; toutes, à l'exception d'une seule, ont fait avec moi les coquettes.

1824 г.

(ДЕРЕВЕНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. ВСТРѢЧА СЪ П. А. ГАННИБАЛОМЪ)

1824 года ноября 19-го, Михайловское. — Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч. Но все это нравилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.

(На оборотѣ того же листка:) ... попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки, и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда...

О СТИХОТВОРСКІИ «ДЕМОНѢ»

«Многіе были того же мнѣнія и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы хотѣлъ изобразить въ этомъ странномъ стихотвореніи... Кажется, они неправы; по крайней мѣрѣ, я вижу

въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни — сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ отрицающимъ... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ пріятной картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

1825 г.

(ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I)

Когда бъ я былъ Царь, то позвалъ бы А. П. и сказалъ ему: А. С. вы сочиняете (прекрасные) стихи; (я читаю съ большимъ удовольствіемъ). А. П. поклонился бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я бы продолжалъ: Я читалъ вашу оду Свобода! (Прекрасно, хоть она) писана немного сбивчиво, мало обдуманно; (вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду. — В. В., я писалъ ее въ 1817 году). — «Тутъ есть 3 строфы очень хорошія... (Конечно) вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; (но вижу), что вы не уважили правду, личную честь даже въ Царѣ». — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 пѣснь Рус. и Люд., ежели не всю поэму, или часть К. П., или Бах. Фонт. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить два экз. въ библіотеку В. В., къ Ив. Андр. Кры(лову) и если В. В. найдете время...

Помилуйте, А. С., (вы доставите намъ пріятное занятіе). Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. (Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, дожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ Король Галліи или Имп. Австр. съ вами не такъ бы поступили. За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Вор(онцова)? — В. В., Инзовъ меня очень любилъ и за всякую ссору съ Молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А Е(го) С(іятельство) Графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная Рус. литер. какъ Герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ Гр. Вор.? — В. В., генералъ Инзовъ добрый и почтительный старикъ; онъ Русскій въ душѣ; онъ не предпочит. перваго Англійскаго шалопая всѣмъ изв(ѣстнымъ) и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли. (Онъ) довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости... потому что со всѣми вѣжливъ. (Онъ) не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы

К. Ц. (Я не оправдывался никогда, изъ пустаго вольнодумія); отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказываться. — Слабость непростительная. (Впрочемъ, хорошо, хорошо). Но вы же и аѳей? вотъ это ужъ никуда не годится». — (Чемъ-же я Аѳей) В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу, можно ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ бы всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ Европейскихъ нынѣш. Властит. (увидимъ, однако, что будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною ... и смѣло ссылаюсь на собственное ваше сердце — противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей... — Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе? — (Хотя бы то была и правда) это не было бы оскорбительно В. В—ву: вы видите, что я не ошибся въ моихъ расчетахъ... Я бы тутъ ... (А. Пуш.) тутъ бы разгорячился и наговорилъ мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ бы онъ написалъ (эпич.) поэму Ермакъ или Кочумъ (. . . . .) размѣромъ и съ риѳма...

1826 г.

(БОЛѢЗНЬ. КАРАМЗИНЪ)

...(запечат)лѣны печатью вольномыслія. Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія — одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года, обыкновенно, наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постелѣ съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе сей книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ) — примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ,

даже свѣтскія женщины, бросились читать Исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ, весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владимиръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!... зачѣмъ не но? Однако!... какъ это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако! — Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, — зато никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ (безмолвный) ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Рус(ской) Ист(оріи) свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія (собственно) къ просвѣщенію. — Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво

опровергнутыя вѣрнымъ разсказомъ событій, — казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ Цензуры, симъ (доказательствомъ) знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники — чего жь болѣе требовать было отъ него? Повторяю, что Ист(орія) Гос(ударства) Росс(ійскаго) есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

—

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Кара(мзина). Никита Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... Мих. Ор(ловъ), въ письмѣ къ Вяз(емскому), пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей Гипотезы о происхожденіи славянъ, т.-е. требовалъ Романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе спасительной пользы Самодержавія, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжной чувствительностію, конечно, были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

—

...Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказалъ: Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ? Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извиняясь въ своей горячности: Вы сказали на меня то, что ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили. Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось и не могъ удержаться отъ смѣха. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

1827 г.

(ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ)

15 октября 1827. — Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не доставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1,600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, поляки, — сказалъ я хозяйкѣ. — «Да, — отвѣчала она: «ихъ нынче отвозятъ назадъ». — Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ, опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели и съ виду настоящій жидъ — и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я не-

вольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ тележку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующій день узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?

Луга.

1825—1831 г. г.

(ЗАМѢТКИ ПУШКИНА О СВОИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ)

Pour une préface. — Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence (et patience) mes premiers essays (il y avoit) et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, — je leur dois reconnaissance entière, et je le tiens quitte envers moi. Leur rigueur er leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux...

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur, avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

Lorsque j'écrivais cette tragédie j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux, etc... d'autant plus volontiers que j'ai tou-

jours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande repugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобъ она тѣмъ (самымъ) не замедлила хода... Что касается до слога... хотя успѣхъ Полтавы ободряетъ меня...

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une œuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и

поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль (оживить) облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи (я писалъ въ строгомъ уединеніи) не смущаемый никакимъ (чуждымъ) вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и въ простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны (находясь въ уединеніи, не смущаемый никакимъ постороннимъ вліяніемъ, я могъ ошибочно судить о вкусѣ читающей публики).

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что

такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены. (Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопной ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивянахъ. — А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію нещастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore, но (безо всякой дворянской спѣси. (Если бы изъ этого можно было заключить о моей спѣси, то я...). Изо всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. Древнее русское дво-

рянство не можетъ быть уважаемо — Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; (его) права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать къ такой Аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмысліи или подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ, — отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, — образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

(Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи); духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической. Можетъ быть и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что̀ скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было бы ему бороться... Такимъ образомъ Lopez de Vega и Расинъ — уступали потоку. Но геній, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же главныя сцены уже напечатаны, или искажены въ подражаніяхъ. Разкрывъ наудачу историческій романъ Г. Б(улгарина), нашелъ я что и у него о появленіи самозванца приходитъ объявлять Царю Кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Год. говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Г. Б(улгарина) также. Все это — драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другаго... Но это еще не бѣда, les bèaux esprits se rencontrent.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы онъ былъ воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобы разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и проч. и проч. и проч.

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худаго слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладо-

страстныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки довольно пустые. Есть ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть, напримѣръ, Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

Кавказскій Плѣнникъ — первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни писалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его,

кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю — и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безумiемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ.

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio.

Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ, и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бы Лукреціи пришла

въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть-можетъ, это охладило бъ его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы — и міръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію, и въ два утра написалъ эту повѣсть.

Въ Вѣстникѣ Европы съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ Графѣ Нулинѣ этого сравненія не находится, такъ же, какъ и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за бѣда?

Въ свѣтѣ Графъ Нулинъ принятъ былъ благосклоннѣе чѣмъ въ журналахъ — — —

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его (съ позволенія сказать) похабнымъ, — разумѣется, въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отврати-

тельныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что Графъ Нулинъ точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачьо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить Душеньку въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать Модную жену, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, Графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-тилѣтняя племянница, у другого 15-тилѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 16-тилѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ

полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п.; но публика не 15-тилѣтняя дѣвица и не 13-тилѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые насчетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas.
Tartufe, acte III, scène 2.

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу — въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостію и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ даже насъ и не смѣшатъ. Недавно сравнивая Шекспира съ Байрономъ, одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если бъ, къ нещастію, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей(!!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется — и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! — Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ ли, хотя бы и болѣе кудр(я-вымъ) слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но, вѣрно, ничуть не предосу-

дительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, еслибъ Недоросль) явился въ нашевремя, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку каналъей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что скажутъ дамы? воскликнулъ бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ, странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья!) ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ Пб. барынѣ, засѣдательницы — въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Потому, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ къ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше ли было бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно ли имъ судить о томъ, что принято или не принято въ свѣтѣ, что могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и

некогда, и вовсе не нужно являться? Не странно ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія (Графа Нулина) и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ, какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ — кому же? — одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччьо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable talks и

историческихъ записокъ. Что же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно ли? Что скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что бы онѣ сказали Фонъ-Визину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Что сказали бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Что думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь же ли безнравственна, какъ и Графъ Нулинъ?

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко, и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностію привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: «можно ли сказать стаканъ шипитъ, вмѣсто вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ ли смѣло ревнивое подозрѣніе?

невѣрный ледъ? Какъ думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывается, однако жъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумавъ плыть по лону водъ)
Ступаетъ бережно на ледъ.

Критикъ читалъ: На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумалъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы не — винительный, а не родительный падежъ; времянъ вмѣсто временъ (какъ, напримѣръ, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира времянъ...)

приводили критика моего въ великое недоумѣніе. Но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ ли изъясняемся мы, учившіеся по старинамъ грамматикамъ, можно ли такъ коверкать Русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ В(ѣстникѣ) Евр(опы). Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

Онъ шипъ пустилъ по-змѣиному.
Древн. Рус(скія) Стихотв(оренія).

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взят цѣликомъ изъ русской сказки:

«И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышал конскій топъ и людскую молвь».
Бова Королевичъ.

Г. Федоровъ, въ журналѣ, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонн 4 и 5 главу Онѣгина, замѣтилъ однако жъ мнѣ что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряд начинаются у меня частицею ужъ, что и назвал ужами, и что въ риторикѣ зовется единонача тіемъ. Осудилъ онъ также слово корова, и вы говорилъ мнѣ за то, что я барышень благородных и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (что, конечно, неучтиво), между тѣмъ, какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

Въ избушкѣ распѣвая, дѣва прядетъ.

Стихъ: Два вѣка ссорить не хочу, критику показался неправильнымъ. Что гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ глаголъ ссорить управляемъ не частицею не, а глаголомъ хочу. Ergo, правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать... стихи, а ужъ, конечно, не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту

дѣпь глаголовъ и отозваться въ существитель-номъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу цыганы, а не ыгане, татаре, а не татары. Почему? По-ому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на анинъ, янинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ вой родительный во множественномъ на анъ, инъ, аръ и яръ; а им(енительный) множ(ествен-аго) на ане, яне, аре и яре. Всѣ же существи-ельныя, кончающіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, мѣютъ во множественномъ именительный на аны, ны, ары и яры, а родительный на ановъ, новъ, аровъ, яровъ.

Единственное исключеніе: имена собствен-ыя. Потомки г-на Булгарина будутъ г. г. Булга-ины, а не Булгаре.

(Признаюсь хотѣлось мнѣ изобличить моихъ ритиковъ въ незнаніи свойствъ нашего языка, да осовѣстился).

Изучсніе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. еобходимо для совершеннаго знанія свойствъ усскаго языка; критики наши напрасно ими резираютъ.

Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не амѣтили въ В(ѣстникѣ) Е(вропы) латинской опе-атки. Къ стати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ ицея, я не раскрывалъ лат(инской) книги и совер-енно забылъ лат(инскій) языкъ. Жизнь коротка, речитывать некогда. Замѣчательныя книги снятся одна за другой, а никто нынче по-латыни къ не пишетъ. Въ 14 столѣтіи, наоборотъ,

латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

Критику VII пѣсни въ Сѣверной Пчелѣ пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, лучше выдержаннаго прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

NB. Эту критику Сѣверной Пчелы напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Г. Булгаринъ не сказалъ бы, что описаніе Москвы взято изъ Ив. Выжигина (весь отрывокъ этотъ былъ напечатанъ въ Сѣв. Пч. года два прежде появленія Выжигина), ибо г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Борисъ Годуновъ взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ (насмѣшкамъ) и порицанію. Что есть строфы въ Евг. Онѣгинѣ, которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и потому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы

другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ Д.-Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв(ерной) Пч(елы)? Цѣна установляется не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требованій ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все-таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ, уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. — Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что́ выгоднѣе — напечатать 20,000 экз. и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не про-

тиворѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

—

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать, напримѣръ, слѣдующій отзывъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т.-е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ, цѣль ея одна, средства тѣ же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно —

виновато ужъ, вѣрно, дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны — и между тѣмъ, какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина — послѣднія, по крайней мѣрѣ, для печати. Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому же, многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Harold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

21 ноября 1830. Болдино.

Habent sua fata libelli. (Самое зрѣлое изъ всѣхъ моихъ стихотворныхъ повѣстей, то, въ которомъ все почти оригинально) (а мы изъ этого только и бьемся, хотя это еще не главное). Полтава не имѣла успѣха. Можетъ-быть, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи — и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобы женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману, NB. исторически доказанная, не могла существовать.

«Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю».

Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, Превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона — и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?.. Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію — велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницею гетмана! — Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка вмѣсто старикъ — ради затѣйливости). Что изобразилъ я Мазепу

злымъ, въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ: Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь, какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой, опять хоть знаю, да не вѣрю!

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій и постоянный. Дернуть ляха или казака за усы, все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чернецкаго (Чаплицкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конисскаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодаго Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ: критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на соб-

ственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство! — Потомъ слѣдовала критика мѣлочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть.

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора — показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Низкими словами я почитаю тѣ, которыя подлымъ образомъ выражаютъ низкія понятія; напр. нализаться вмѣсто напиться пьянымъ и т. д.) но никогда не пожертвую искренностію и точностію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или тому под.

Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и Бахчисарайскій Фонтанъ въ рукописи названъ былъ Харемомъ: но меланхолическій эпиграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Къ стати о Полтавѣ, критики упомянули однако жъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали)! Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведе-

ніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ именно и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе — вотъ и все; но какое пламенное созданіе! какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры — и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однако жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы, — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все.

1830 г.

(РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ И ГАННИБАЛОВЪ)

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки, и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію, и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825 г. при открытіи нещастнаго заговора, я принужденъ былъ (сжечь свои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ). Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ (они были-бы любопытны): я въ нихъ говорилъ о людяхъ, кот(орые) послѣ сдѣлались историческими лицами, съ (всей) откровенностію дружбы или короткаго знакомства. Теперь нѣкоторая торжественность ихъ окружаетъ, и, вѣроятно, будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей — зато буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

(Избравъ) себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ Лѣтописецъ, т.-е. знатнаго, благороднаго), въѣ-

хавшаго въ Россію во время княжества Св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шереметиновы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Григорій Гавриловичь Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичь, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ I, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичь, уличенъ былъ въ заговорѣ противу Государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичь былъ женатъ на меньшой дочери Графа Головина, перваго Андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичь служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, во время возмущенія, остался вѣренъ Петру III. Онъ былъ посаженъ въ крѣпость и выпущенъ черезъ два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ Французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и въ бриліантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ Негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ Польскою Королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганибалъ. Въ крещеніи именованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганибалъ находился неотлучно при особѣ Государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровож-

далъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его Біографіи), и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большаго свѣта. Петръ I неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ, Государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи; но что, во всякомъ случаѣ, онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганибала въ Бомбардирскую роту Преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это (случилось) было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба его перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ препорученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова, и надѣясь на покровительство Князей Долгорукихъ,

съ которыми былъ онъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганибала, отправя его тайно въ Ревельскую деревню, гдѣ онъ и жилъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престолъ, тогда Ганибалъ написалъ ей Евангельскія слова: помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое. Елисавета тотчасъ призвала его ко Двору, произвела въ бригадиры и вскорѣ потомъ въ Генералъ-Маіоры и въ Генералъ-Аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ Губерніяхъ Псковской и Петербургской — въ первой: Зуево, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля, въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ) въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, коему былъ подверженъ, велѣлъ ихъ при себѣ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганибалъ такъ же былъ нещастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ Гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ

оберъ-комендантомъ, и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичь, столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣняхъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ разпоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганибала и надѣла на него Александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочимъ Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичь (коего) настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя (родомъ шведка) не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія. Шорнъ шортъ, говорила она, дѣлатъ мнѣ шорна репятъ и даетъ имъ шертовскъ имя. Дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, роднаго брата дѣду отца моего (который доводится внучатнымъ братомъ моей матери); и сей бракъ былъ нещастливъ. Ревность жены и непостоянство мужа были при-

чиной неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая съ живостію вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ, бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1797 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

(Извлеченіе изъ нѣмецкой записки объ Абрамѣ Ганибалѣ)

I. Онъ родомъ былъ изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Анибала. Сей владѣлецъ былъ вассаломъ Оттоманской имперіи, въ концѣ XVII столѣтія взбунтовавшійся противъ турецкаго правл., вмѣстѣ со многими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганибалъ, 8 лѣтъ, какъ меньшой

сынъ владѣльца, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, былъ отвезенъ въ залогъ въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока; но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ африканскаго владѣльца. Прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. Единственная любимая сестра его, нѣсколько его старѣе, имѣла столько духу, что боролась за него. Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь его избавить просьбами или искупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ море и утонула. Въ самой глубокой старости текли слезы его въ воспоминаніе любви и дружбы — и всегда живо и ново представлялась ему сія картина. Вскорѣ послѣ Ганибалъ привезенъ былъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горесть видѣть, что подданные его упорствовали просвѣщенію, желалъ показать имъ примѣръ надъ совершенно чуждою породой людей и писалъ къ Шепелеву, своему посланнику, чтобы онъ прислалъ ему арапчонка съ хорошими способностями. Сей (заодно съ визиремъ) съ немалою опасностію прислалъ ему трехъ. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому отцу. Въ сіе время посланникъ отправилъ къ Петру I-му Ибрагима Ганибала, другаго арапа, да еще одного рагузинца. Императоръ былъ чрезвычайно доволенъ и принялся съ большимъ вниманіемъ за его воспитаніе, придер-

живаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ расположеніе дѣтей: Ганибала, какъ живаго, смѣлаго, назначилъ въ военную службу; Рагузинца, тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго — въ статскую и онъ былъ извѣстенъ впослѣдствіи подъ именемъ графа Рагузинскаго.

*

II. Его по ходатайству Миниха опредѣлили въ Перновскій гарнизонъ инженернымъ маіоромъ. Тамъ онъ женился на дочери капитана Матвѣя фонъ-Шеберха, урожденнаго шведа, женатаго на лифляндкѣ фонъ-Альбедиль, и, вышедъ въ отставку — купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Каракула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею.

(ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ)

Семья моего отца — его воспитаніе — французы-учителя — (Mr) Bous . . . . Mr Mertin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. — (Свадьба отца). — Бабушка и ея мать — ихъ бѣдность. — Ив(анъ) Абр(амовичъ). — Свадьба отца. — Смерть Екатерины — рож(деніе) Ольги — Отецъ выходитъ въ отставку, ѣдетъ въ Москву. — Рожденіе мое.

—

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ — Землетрясеніе — Няня. Отъѣздъ матери въ деревню — Первыя непріятности — гувернантки. (Смерть Николая. Ранняя любовь) — Рожд(еніе) Льва. —

Мои непріятныя воспоминанія. — Смерть Николая. Монфоръ — Русло — Кат. П. и Ан(на) Ива(новна) — нетерпимое состояніе — Охота къ чтенію — Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей. —

(въ) 1811.

Дядя В(асилій) Л(ьвовичъ) — Д(митріевъ). Дашк(овъ). Блуд(овъ). — . . . . съ н . . . . Ан. Ник. — Свѣтская жизнь. — Лицей. Открытіе. Государь. Малиновскій. Куницынъ. Аракчеевъ. — Начальники наши. — Мое положеніе. — Философич. мысли. — Мартинизмъ. — Мы прогоняемъ (?) Пилецк(аго). (Смерть Малиновскаго).

1812 г.

1813.

Государыня въ С(арскомъ) С(елѣ). Гр(афиня) Коч(убей). Смерть (Пилецкаго) Мал. — . . . . Безначаліе. Чачковъ. Фроловъ — 15 лѣтъ.

1814.

(Экзаменъ, Галичь. Державинъ — стихотворство — смерть).

Извѣст(іе) о вз(ятіи) Парижа. — Смерть Малиновскаго. Безначаліе. — (Пріѣздъ Карамзина — Первая любовь — Жизнь — Карамзинъ —). — Б. . . . Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. — Отношеніе къ . . . . Мое тщеславіе.

1815.

(Екзаменъ. Сти.).

1831 г.

(ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ)

26 іюля (1831 г.). Вчера Гос(ударь) Имп(ераторъ) отправился въ военныя поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лѣкарей убито бунтовщиками. Ихъ Депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ розпискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертію принудили бунтовщики письменно показать, будто бы онъ и лѣкаря отравливали людей. Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться Гр. Орлова, посланнаго въ поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ Государя.

Однако-же сіе рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ Царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Разправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, — и Царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро

бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ Государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12.000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

Покамѣсть полагали, что холера прилипчива какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были зло необходимое. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины должны были тотчасъ быть уничтожены. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпію, военною силою, — суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что Турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извощиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины, народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лѣкарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ

предпочтено бо́льшему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, о угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.

29-го іюля (1831 г.). Третьяго дня Государыня родила Великаго Князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова. Государь пріѣхалъ передъ самыми родами Императрицы. Бунтъ въ Новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько Генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аракчеевскаго и Короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лѣкарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: Ваше Высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны — и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Этотъ лѣкарь находился 12 лѣтъ въ колоніи, былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однако же его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ подъ караула. Мятежники хотѣли было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ было спасъ

и офицеровъ полка Прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершались. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ Полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арнтъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: Вамъ бы должно вынести кутью. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ имъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора.

Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

Сентября 4. Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичь раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. — Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевичь сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ Суворовскомъ полку. Паскевичь сдѣланъ Княземъ Свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello (Lasne) Высоцкаго, зачинщика революціи, Гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе

подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

Сколько въ суворовскомъ полку осталось? спросилъ государь у Суворова. — 300 человѣкъ, В(аше) В(еличество). Нѣтъ 301: ты въ немъ полковникъ.

Надняхъ скончался въ П. Б. Фонъ-Фокъ, начальникъ 3-го отдѣленія Государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Смерть его есть бѣдствіе общественное. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer. Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другаго вопроса: что́ сдѣлаемъ съ Польшей?

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней — разницы не сдѣлало бы. Щастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, по на Палена Скржинецкій не напалъ; 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступило 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичь опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

(ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ)

Въ концѣ 1826 года я часто видался съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои Нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и Польскія грязи). — Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затвержденное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: холера-morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ (надобно вамъ знать, что)

О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой (страшной) болѣзни. Я (заставилъ) сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желтой (черной) полосою стелется вверхъ по теченію рѣкъ, — что по мнѣнію нѣкоторыхъ она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее — все, чему послѣ мы успѣли наслыхаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ (Псковской) губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ 5 лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы. (Какъ послѣ этого не полюбить университетскаго ученія).

Спустя (черезъ) 5 лѣтъ я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ В(яземскій) показалъ мнѣ письмо, только что имъ полученное (изъ тамошняго края. Саратовской): ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астраханской г. въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіятцами. (Въ Азіи мусульмане).

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности, а въ моемъ воображеніи холера относилась къ чумѣ (въ сравненіи съ чумой), какъ элегія къ (эпической) диѳирамбу. — Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бѣдная ярманка! Она бѣжала какъ пойманная воровка, разбросавъ въ половину свои товары, не успѣвъ перещитать свои барыши.

Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ можетъ быть случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины (народъ ропщетъ, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвѣстности и

загадочно-непривычному своему стѣсненію, мятежи вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ нелѣпые). Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ.

Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ (я попался въ западню, какъ то мнѣ будетъ вырваться на волю). Страхъ меня пронялъ — въ Москвѣ . . . но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Я тотчасъ собрался въ дорогу и (выѣхалъ) поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ (вывѣдывать о карантинѣ, о начальникѣ): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачѣмъ они стояли тутъ съ дубинами и съ повелѣніемъ никого не пускать. — Я доказывалъ имъ, что вѣроятно гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду (вынести положенный срокъ), и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

1833 г.

(О ДУРОВѢ)

Дуровъ — братъ той Дуровой, которая въ 1807 году вошла въ военную службу, заслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ нимъ на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Арзрума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ, онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ. — Ну, что же? «Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть совѣсть». — Ну, такъ украдьте полковую казну. «Я объ этомъ думалъ». — Что же? «Это можно сдѣ-

лать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полковаго командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно, испугается и не будетъ знать что дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — Просите денегъ у государя. «Я объ этомъ думалъ». — Что же? «Я даже и просилъ». — Какъ! безо всякаго права? «Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что составило бы счастіе моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе». — Что же вамъ отвѣчали? «Ничего». — Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. «Я объ этомъ думалъ». — Что же, за чѣмъ дѣло стало? «Да, видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ — выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное

великодушіе». Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говорили ли о женщинѣ — «хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ, что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли ли въ цѣль изъ пистолета — Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Елабугѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту, какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ, по должности своей, присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницею. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще видно, вамъ не удался.

(ДЕРЖАВИНЪ)

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взвол-

новались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать ему руку, руку — написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь н.....ъ? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подперши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Ц. С., стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состояніе души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...

(ПРОГРАММА ЗАПИСОКЪ О КИШИНЕВСКОМЪ ПЕРІОДѢ)

Кишиневъ. — Пріѣздъ мой изъ Кавказа и Крыму. — Орловъ. — Ипсиланти — Каменка — Фонт... — Греч(еская) Рев(олюція). — Липр(анди). — 12 годъ. — Mort de sa femme. — le renégat — паша Арзрумской. —

(ДНЕВНИКЪ ПУШКИНА
съ 1833 до 1835 г.)

24 ноября. Обѣдалъ у К. А. Карамзиной, видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ rout у Фикельмонтъ. Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мущина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека и принялъ его за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ — Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ — не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и продалъ этерію, представя ее императору Александру отраслію карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады — тонкость фанаріота была побѣждена хитростію русскаго офицера. Это оскорбляло его самолюбіе.

Государь уѣхалъ нечаянно въ Москву наканунѣ въ ночь.

*

27. — Обѣдъ у Энгельгардта. — Говорили о Сухозан(етѣ), назначенномъ въ начальники всѣмъ корпусамъ. C'est apparement pour donner une autre tournure à ces établissements, сказалъ Энг(ельгардтъ).

Осуждаютъ очень дамскіе мундиры, бархатные, шитые золотомъ особенно въ настоящее время, бѣдное и бѣдственное.

Вечеръ у Вяз.

*

28. — Роутъ у С. Салтыкова. Гр. Орл(овъ) говоритъ о тур(ецкомъ) послѣ. — C'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote et c'est tout dire.

*

29. — Три вещи осуждаются вообще и по справедливости: 1) выборъ Сухозанета, человѣка запятнаннаго, вошедшаго въ люди черезъ Яшвиля — пе . . . . . и отъявленнаго игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видѣлъ въ немъ только изувѣченнаго воина и назначилъ ему важнѣйшій постъ въ государствѣ, какъ спокойное мѣстечко въ домѣ инвалидовъ. 2) Дамскіе мундиры. 3) Выдача гвардейскаго офицера Г. Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкенъ пойманъ въ воровствѣ, г(осударь) не приказалъ его судить по законамъ, а отдалъ его на судъ курляндскаго дворянства. Это зачѣмъ? Къ чему такое своенравное различіе между дворяниномъ псковскимъ и курляндскимъ, между гвардейскимъ офицеромъ и другимъ чиновникомъ. Прилично ли г—ю вмѣшиваться въ обыкновенный ходъ судопроизводства? Или нѣтъ у насъ законовъ на воровство? Что́, если курляндцы выключатъ его изъ среды своего дворянства и отошлютъ его, ужъ какъ дворянина русскаго, къ суду обыкновенному? Вотъ вопросы, которые повторяются вездѣ. Конечно, со стороны г—я есть что-то рыцарское; но г(осударь) не рыцарь...

Или хочетъ онъ сдѣлать опять изъ гвардіи то, что была она прежде? Поздно.

Молодая графиня Штакельбергъ (ур. Тизенгаузенъ) умерла въ родахъ. Трауръ у Хитровой и у Фикельм(онтъ).

Вчера играли здѣсь Les Enfants d'Edouard и съ большимъ успѣхомъ. Трагедія, говорятъ, будетъ запрещена. Экернъ удивляется смѣлости примѣненій. Блай ихъ не замѣтилъ. Блай, кажется, правъ.

*

30 Нояб. Вчера балъ у Бутурлина. (Жомини) Любопытный разговоръ съ Блайемъ: зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Для безопасности. Но онъ защищенъ П. Б. Кронштадтомъ. — Игрушка! — Долго ли вамъ распространяться? (мы смотрѣли на карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто — Азія; тамъ совершите вы достойный подвигъ сивилизаціи etc...

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. В(еликій) К(нязь) ихъ засталъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслію объ упадкѣ Гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія А(лександра) офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.....

При открытіи Александровской колонны, говорятъ, будетъ 100.000 гвардіи подъ ружьемъ.

*

Декабрь 1833. 3. — Вчера гос. возвратился изъ Москвы. — Онъ пріѣхалъ въ 38 часовъ. Въ Москвѣ его не ожидали. Во дворцѣ не было ни одной топленой комнаты, онъ не могъ добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: какъ Ив. Ив. поссорился съ Ив. Тимоѳ. (Никифоровичемъ) — очень оригинально и очень смѣшно.

*

4. — Вечеромъ у Загряжской (Нат. Кир.). Разговоръ о Екатеринѣ. Нат. Кир. была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Кн. Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь. Остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали Государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась и государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ проступкѣ, говоря, что она не знала, чтобы женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь. — Какъ вамъ не стыдно, отвѣчала Екатерина. — Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться... — Нат. Кир. разсказала анекдотъ съ большой живостью. Кн(ягиня) Кочубей замѣтила, что Дашк. вошла, вѣроятно, въ

алтарь въ качествѣ президента Русской Академіи. Втораго анекдота я не выслушалъ.

Шумъ о дамскихъ мундирахъ продолжается. Къ 6-му мало будетъ готовыхъ. Позволено явиться въ прежнихъ русскихъ платьяхъ.

Храповицкій (авторъ Записокъ) былъ нѣкогда адъютантомъ у графа Кир. Разумовскаго. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь Будакова. Это знала Нат. Кир. отъ прежнихъ Елисаветинскихъ фрейлинъ.

Государыня пишетъ свои записки.... Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алекс. писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиною. Марія Ѳед. — также. Государь жжегъ ихъ по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину. (Слыш. отъ Кат. Андр.)

*

6 Дек. Именины гос. Мартыновъ — комендантъ. 4 полныхъ генераловъ. Перовскій — генералъ-лейтенантъ. Меньшиковъ — адмиралъ. Дамы представлялись въ русскихъ платьяхъ. На это нѣкоторые смотрятъ, какъ на торжество. Скобелевъ безрукій сказалъ кн. В—ой: Я отдалъ бы послѣдніе три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обѣдалъ у графа А. Боб(ринскаго). Мятлевъ читалъ уморительные стихи. Молодые офицеры, которыхъ В(еликій) К(нязь) засталъ ночью въ неисправности и которые содержались подъ арестомъ, прощены.

*

14 Дек. — Обѣдъ у Блайя. Вечеръ у Ст.

11-го получено мною приглашеніе отъ Бенк(ендорфа) явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями Государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою. Стихи:

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ (?). Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условія со Смирдинымъ.

Кочубей и Нессельроде получили по 200.000 на прокормленіе своихъ голодныхъ крестьянъ. — Эти четыреста тысячъ останутся въ ихъ карманахъ. Въ голодный годъ должно стараться о сысканіи работъ и о уменьшеніи цѣнъ на хлѣбъ; если же крестьяне узнаютъ, что правительство или помѣщики намѣрены ихъ кормить, то они не станутъ работать и никто не въ состояніи будетъ отвратить отъ нихъ голода. Все это очень соблазнительно; въ обществѣ ропщутъ, а у Нессельроде и у Кочубей будутъ балы — (что также есть способъ льстить двору).

*

15. Вчера не было обыкновеннаго бала при дворѣ. Императрица была нездорова. Поутру. обѣдня и молебенъ.

*

15 балъ у Кочубея. Императрица должна была быть; но не пріѣхала. Она простудилась. Балъ былъ очень блистателенъ. Гр. Шувалова удивительно была хороша.

*

17. — Вечеръ у Жуковскаго. Нѣмецкій amateur, ученикъ Тиковъ, читалъ Фауста; — неудачно, по моему мнѣнію.

Въ городѣ говорятъ о странномъ происшествіи. Въ одномъ изъ домовъ, принадлежащихъ вѣдомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дѣло пошло по начальству. Князь В. Долгорукій нарядилъ слѣдствіе. Одинъ изъ чиновниковъ призвалъ попа, но во время молебна стулья и столы не хотѣли стоять смирно. Объ этомъ идутъ разные толки. N. (Нарышкинъ) сказалъ, что мебель придворная и просится въ Аничковъ.

Улицы не безопасны. Сухтеленъ былъ атакованъ на дворцовой площади и ограбленъ. Полиція видно занимается политикой, а не ворами и мостовыми.

Бли(у)дова обокрали прошедшею ночью.

1834

1 Янв. Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Но двору хотѣлось, чтобы N. (Наталья) N. (Николаевна) танцовала въ Аничковѣ. Такъ я же сдѣлаюсь русскимъ Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейныхъ ссорахъ Безобразова съ молодою своей женою. Онъ ревнивъ до безумія. Дѣло доходило не разъ

до драки и даже до ножа. Онъ прогналъ всѣхъ своихъ людей, не довѣряя никому. Третьяго она рѣшилась броситься къ ногамъ Государыни, прося развода или чего-то подобнаго. Государь очень сердитъ. Безобразовъ подъ арестомъ. Онъ, кажется, сошелъ съ ума.

Меня спрашивали: доволенъ ли я моимъ камеръюнкерствомъ? Доволенъ, потому что Государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ — а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

Встрѣтилъ Новый годъ у Н(атальи) К(ирилловны) Загряжской. Разговоръ со Сперанскимъ о Пугачевѣ, о Собраніи Законовъ, о первомъ времени царствованія Александра, о Ермоловѣ, и etc.

*

7-го. — Вигель получилъ звѣзду и очень ею доволенъ. Вчера былъ онъ у меня. Я люблю его разговоръ, — онъ занимателенъ и дѣленъ — но всегда кончается толками о муже.... Вигель разсказалъ мнѣ любопытный анекдотъ. Нѣкто Норманъ или Лехрманъ, сынъ кормилицы Екатерины II, умершій 96 лѣтъ, нѣкогда разсказалъ Вигелю слѣдующее: мать его жила въ Бѣлорусской деревнѣ, пожалованной ей Государыней. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число; я видѣла странный сонъ. Мнѣ снилося, будто я держу на колѣняхъ маленькую мою Екатерину въ бѣломъ платьицѣ, — какъ помню ее 60 лѣтъ назадъ. Сынъ исполнилъ ея приказаніе. Нѣсколько времени спустя дошло до него извѣстіе о смерти Екатерины. Онъ бросился

къ своей запискѣ: на ней стояло 6 ноября 179(6?). Старая мать его, узнавъ о кончинѣ Государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лѣтъ послѣ.

Въ свѣтѣ очень шумятъ о Безобразовыхъ. Онъ еще подъ арестомъ. Жена его вчера ночью уѣхала къ своему брату, къ дивизіонному генералу. Думаютъ, что Безобразовъ не останется флигель-адъютантомъ.

Гос. сказалъ княгинѣ Вяземской: «J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole et j'ai été content de lui», etc. Великій кн. Наслѣдникъ поздравилъ меня въ театрѣ: покорнѣйше благодарю, Ваше Высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись. Вы первый меня поздравили.

*

17 балъ у Гр. Бобр. одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Гос. мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, которая тому три недѣли умерла въ крѣпости (съ 1774 году!) Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ; но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ.

Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ? Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

*

26 Янв. Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя N (Nathalie) Н(иколаевну) и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ С(ергѣю) В(асильевичу) С(алтыкову). Гос. былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller se mettre en frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ былъ у кн. Тр(убецкого). — Трауръ по какомъ-то князѣ (то есть принцѣ). Дамы въ черномъ. Гос. пріѣхалъ неожиданно. Былъ на полъ-часа, сказавъ женѣ: Est-ce à propos des bottes ou des boutons, que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирныя пуговицы). Старуха Гр. Бобр. извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

Безобразовъ отправленъ на Кавказъ. Жена его уже въ Москвѣ.

*

28 февраля. Прошедшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, роутовъ, etc. Масляница. Государыня была больна и около двухъ недѣль не выѣзжала. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева. Мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ Воскресенье, на балѣ въ концертной, Г(осударь) долго со мной разговаривалъ; онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ

языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

Вчера обѣдъ у Гр. Бобринскаго. Третьяго дня балъ у Гр. Шувалова. На балѣ явился цареубійца Скарятинъ. В(еликій) Кн(язь) говорилъ множество каламбуровъ. Полиціи много дѣла. (Такой распутной масляницы я не видывалъ). — Сегодня балъ у Австрійскаго посла.

*

6 Марта. Слава Богу! Масляница кончилась, а съ нею и балы. Описаніе послѣдняго дня масленицы (4-го Марта) дастъ понятіе и о прочихъ. Избранные званы были во дворецъ на балъ утренній — къ половинѣ перваго. Другіе на вечерній, къ половинѣ девятаго. Я пріѣхалъ въ 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренній балъ. Дамы съѣзжались; а тѣ, которыя были съ утра во дворцѣ, перемѣняли свой нарядъ. Было пропасть недовольныхъ; тѣ, которыя званы были на вечеръ, завидовали утреннимъ счастливцамъ. Приглашенія были разосланы кое-какъ по списку баловъ князя Кочубей; такимъ образомъ, ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что ихъ имена въ спискѣ не стояли. Все это кончилось тѣмъ, что жена моя выкинула. Вотъ до чего доплясались.

Царь далъ мнѣ взаймы 20.000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо.

Въ городѣ много говорятъ о связи молодой княгини С. съ графомъ В. Замѣтили на ней новые брилліанты — разсказывали, что она приняла ихъ въ подарокъ отъ В. (будто-бы по завѣщанію покойной его жены), что С. имѣлъ за то жестокое

объясненіе съ женою, etc. etc. Все это пустыя сплетни. Брилліанты принадлежали К—вой, золовкѣ С—вой и были присланы изъ Одессы для продажи. Однако, неосторожное поведеніе С—вой привлекаетъ общее вниманіе. Царица ее призывала къ себѣ и побранила ее. Царь еще пуще. С—ва расплакалась: «Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai du succès — voilà pourquoi l'on m'envie», etc. С. очень глупа и очень смѣлая кокетка, если не хуже.

Соб(олевскій) говоритъ о гр. Вел(ьегорскомъ): Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.

3 марта былъ я вечеромъ у кн. Одоевскаго. Соб(олевскій), любезничая съ Ланской (бывшей Полетика), сказалъ ей велегласно: «le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul». —

Онъ ужасно смутился. Свидѣтели (въ томъ числѣ Ланская) не могли удержаться отъ смѣха. Княгиня Од. обратилась къ нему, позеленѣвъ отъ злости. Соб. убѣжалъ.

13 іюля 1826 года, въ полдень, государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за Кагульскимъ памятникомъ и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не нашедъ его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фр(ейлина?) подняла платокъ въ память историческаго дня.

*

8 марта. Вчера былъ у См(ирновой). Ц(иціановскі)е анекдоты. Жуковскій поймалъ недавно на

балѣ у Фикельмонъ (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) цареубійцу Скарятина и заставилъ его разсказывать 11-е марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Гос. съ гр. Бенкенд. и застаетъ наставника своего сына дружелюбно бесѣдующимъ съ убійцею его отца. Скар. снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I-го. Княжна Туркистанова, фрейлина, была въ тайной связи съ покойнымъ Государемъ и съ княземъ Вл(адиміромъ) Гол(ицынымъ), который ее обрюхатилъ. Княжна призналась Государю. Приняты были нужныя мѣры — и она родила во дворцѣ такъ, что никто и не подозрѣвалъ. Императрица Марія Ѳеодоровна приходила къ ней и читала ей Евангеліе, въ то время, какъ она безъ памяти лежала въ постели. Ее перевели въ другія комнаты и она умерла. Госуд. сердилась, узнавъ обо всемъ. Вл. Гол(ицынъ) разболталъ все по городу.

На похоронахъ Уварова пок(ойный) Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко (кажется А. Орлову): «одинъ Царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?» (Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11-го марта).

Гос. не любитъ Аракчеева. Это извергъ, говорилъ онъ въ 1825 году — après avoir travaillé avec lui, et en rentrant chez l'Imp. dans le plus grand désordre de toilette.

*

17 марта. Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго Conversations Lexicon. Насъ было человѣкъ со сто, большею частію неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: Плюшаръ

въ этомъ дѣлѣ шарлатанъ, а я его пальясъ: пью его лѣкарство и хвалю его. Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ очень много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ. Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одо(евскій) и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на сіе литературное сборище. Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои Воспоминанія въ Ц. Селѣ. Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у Австр. посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто 5½ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку. 2) Пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговаривалъ объ 11-мъ марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ; Фикельмонтъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества, но пок. гос. окруженъ былъ цареубійцами Его отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, пособниками 14 Декабря; онъ услышалъ-бы слишкомъ жестокія истины.

NB. Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышлявшихъ о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

Много говорятъ о балѣ, который должно дать Дворянство по случаю совершеннолѣтія Г. Наслѣдника. Кн. Долгорукій (оберъ-шталмейстеръ и П. Б. предводитель) и Г. Шуваловъ распоряжаютъ этимъ. Долг. послалъ Нарышкину письмо, писанное по французски, въ которомъ просилъ онъ его участвовать въ подпискѣ. Нар. отвѣчалъ: Милостивый Государь! Изъ перевода съ письма В. С-ва усмотрѣлъ etc. — Вѣроятно, купечество дастъ также свой балъ. Праздниковъ будетъ на полмилліона. Что скажетъ народъ, умирающій съ голода?

Изъ Москвы пишутъ, что Безобразова выкинула.

Изъ Италіи пишутъ, что гр(афиня) П(олье?) идетъ замужъ за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку, но здѣсь объ этомъ смѣются — и рады вѣрить.

*

20. — Третьяго дня былъ у кн. Мещ(ерскаго). Изъ кареты моей украли подушки, но оставили медвѣжій коверъ, вѣроятно, за недосугомъ.

Нѣкто Карцевъ, женатый на парижской дѣвкѣ въ 1814 году, развелся съ нею и жилъ розно. Надняхъ онъ къ ней пришелъ ночью и выстрѣлилъ ей въ лицо изъ пистолета, заряженнаго ртутью. Онъ подъ судомъ, она еще жива.

*

2 Апрѣля. Надняхъ (прошлый четвергъ) обѣдалъ у кн. Ник. Труб. съ Вяз., Нар(ышкинымъ) и съ Кук(ольникомъ), котораго видѣлъ въ первый

разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ? Я не дочелъ его Тасса и не видалъ его «Руки», etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяз. сказалъ объ его игрѣ на фортепьяно: il brédouille en musique comme en vers. Кук. пишетъ Ляпунова; Хомяковъ — тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Третьяго дня въ Англійскомъ клубѣ избирали новыхъ членовъ и Смирновъ (камеръ-юнкеръ) былъ забаллотированъ. Иные говорятъ, потому что его записалъ Икскуль, другіе — потому что его смѣшали съ его однофамильцемъ, игрокомъ. Неправда. Его не хотѣли выбрать нѣкоторые гв. офицеры, которые, подпивъ, тутъ буянили. Однако большая часть членовъ вступилась за Смирнова. Говорили, что послѣ такого примѣра, ни одинъ порядочный человѣкъ не возьмется предложить новаго члена, что шутить общественнымъ мнѣніемъ не годится и что надлежитъ снова баллотировать. Законъ говоритъ именно, что разъ забаллотированный человѣкъ не имѣетъ уже никакого права быть избираемымъ, но были исключенія: гр. Чернышевъ (военный министръ) и Гладкій (об.-полицмейстеръ). Ихъ избрали по желанію правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова баллотировали снова и онъ былъ выбранъ. Это, впрочемъ, дѣлаетъ ему честь. Онъ не министръ и не оберъ-полицмейстеръ. И знакъ уваженія къ человѣку частному должно быть ему пріятно.

Кн. Одоевскій, д(окторъ) Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей Conversations Lexicon. Прочіе были обижены нашей

оговоркою; но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, — но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Lexicon будетъ не что иное, какъ Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ высланъ былъ изъ П. Т. по Тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего арестанта: Ваше Превосходительство! Помилуйте! Заступитесь великодушно! Эти каналья лошадей намъ не даютъ. Сперанскій у себя очень любезенъ. — Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ противуположныхъ этого царствованія, какъ геніи Зла и Блага. Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

*

7 апрѣля. Телеграфъ запрещенъ. Уваровъ представилъ Государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу. (Выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Ж(уковскій) говоритъ: я радъ, что Тел. запрещенъ, хотя жалѣю, что его запретили. Телеграфъ достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостію проповѣдывать

якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Вчера rout у Фи(кельмонтъ). (Государя?) не было. Впрочемъ весь городъ.

Моя Пиковая Дама въ большой модѣ, игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и княгиней Н. П. (Натальей Петровной Голицыной), и, кажется, не сердятся.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

*

8 апрѣля. Вчера rout у кн. Од(оевскаго). Изъясненіе съ S. K. Вся семья Гр. Л., гр. Ка...., идеализированная ея мать.

Сейчасъ ѣду во дворецъ, представляться Царицѣ.

2 часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20. Братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вольховскій и другіе. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ смѣясь: «Non, c'est unique! . . . je me creusais la tête pour savoir, quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous! Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé la fille de son coeur sa fille d'adoption . . .» и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

Я простился съ Вольховскимъ, который надняхъ ѣдетъ въ Грузію. Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго (героя). Онъ (т. е. Б.) очень зло отзывается

объ одесской жизни, о гр. Вор., о его соблазнительной связи съ О. Н. etc. Хвалитъ очень графиню В. Бринкена, сказываютъ, финляндское (курляндское?) дворянство повѣсило или повѣситъ.

*

10 Апрѣля. Вчера вечеръ у Уварова — живыя картины. Долго сидѣли въ темнотѣ. S.... не было. Скука смертная. Послѣ картинъ вальсъ и кадриль; ужинъ плохой. — Говоря о Свиньинѣ, предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: Надобно будетъ удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ не старинныя рукописи, а тетрадки своихъ мальчиковъ.

Говорятъ, будто-бы Полевой въ крѣпости. Какой вздоръ!

*

11-е Апрѣля. Сейчасъ получаю отъ Гр. Строганова листокъ Франкфуртскаго журнала, гдѣ напечатана слѣдующая статья:

St. Pétersbourg, 27 Février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie, les coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie; aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur imprudence obstinée ... (Дѣло идетъ о праздникѣ, данномъ въ Брюсселѣ польскими эми-

грантами, и о рѣчахъ, произнесенныхъ Лелевелемъ, Пулавскимъ, Ворцелемъ и др. Праздникъ былъ данъ въ годовщину 14 декабря)... Après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, Mr. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poètes russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'était pas débarassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se répentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la révolution Polonaise, il se trouve énoncé dans son poëme: Aux détracteurs de la Russie qu'il a fait paraître dans le temps. Puisque cependant le sr. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poète relegué aux confins reculés de l'Empire, notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son souverain avec bonté et bienveillance...

*

14 Апрѣля. — Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ — 800 мѣстъ и 2000 билетовъ!

Ропщутъ на двухъ дамъ, выбранныхъ для будущаго бала въ представительницы П. Б-го дворянства, княгиню К. Ѳ. Долгорукую и гр. Шувалову. Первая — наложница Кн. Потемкина и любовница всѣхъ итальянскихъ кастратовъ, — а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы въ благопристойности общественной не очень тверды.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ П. Б., подтверждается. Говорятъ, что кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи здѣсь на улицѣ, тому съ недѣлю.

*

16-го. — Вчера проводилъ Н. Н. (Наталью Николаевну) до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на Дворянскій Балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ Субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Ж(уковскій) сказалъ мнѣ, что Государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить. — Литта, толкуя о томъ же съ К. А. Нарышкинымъ, сказалъ съ жаромъ: Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambelans et les gentils-hommes de la chambre, на что Нар. возразилъ: pardonnez-moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur.

Однако жъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ изъясненіе.

Говорятъ, будто бы на дняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ сей оправдается.

Сухт(еленъ?) брюхата, и, кажется, не вовремя. Любопытные справляются въ Инвалидѣ о времени пріѣзда ея мужа въ П. Б. Она уѣхала въ Москву.

Среда на Святой недѣли. — Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейственное. В(еликій) К(нязь) (Александръ Николаевичъ) былъ чрезвычайно тронутъ. Присягу произнесъ онъ твердымъ и веселымъ голосомъ, но, начавъ молитву, принужденъ былъ остановиться — и залился слезами. Государь и Государыня плакали также. Наслѣдникъ, прочитавъ молитву, кинулся обнимать отца, который расцѣловалъ его въ лобъ и въ очи, и въ щеки, — и потомъ подвелъ сына къ Императрицѣ. Всѣ трое обнялись въ слезахъ. Присяга въ Георгіевской залѣ, подъ знаменами, была повтореніемъ первой и охолодила дѣйствіе. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища; многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ отиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ К. И. З(агряжской). Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить, но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Всегда много смѣшнаго подвернется въ случаи самые торжественные. Филаретъ сочинилъ службу на случай присяги. Онъ выбралъ для цере-

моніи главу изъ Книги Царствъ, гдѣ, между прочимъ, сказано, что Царь собралъ и тысячниковъ и сотскихъ и евнуховъ своихъ. К. А. Нарышкинъ сказалъ, что это искусное примѣненіе къ камеръ-герамъ; а въ городѣ стали говорить, что во время службы будутъ молитвы за евнуховъ. Принуждены были слово евнухъ замѣнить другимъ. Милостей множество. Кочубей сдѣланъ Государственнымъ канцлеромъ.

Мердеръ умеръ — человѣкъ добрый и честный — незамѣнимый. В(еликій) (Князь) еще того не знаетъ. Отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28-го. Также умеръ Аракчеевъ и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ Новгородскій пріѣхалъ въ П. Б. и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній насчетъ бумагъ, у графа находящихся. — Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ, отнеситесь къ Бенкендорфу. Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками объ минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны. Слышишь вездѣ одно и то же. Одна См(ирнова) попрежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить; а страшно за нее.

3 мая. — Прошедшаго апр(ѣля) 28 былъ наконецъ балъ, данный Дворянствомъ по случаю совершеннолѣтія В(еликаго) Кн(язя). Онъ очень удался, какъ говорятъ, — не было суматохи при разъѣздѣ; ни несчастія на тѣсной улицѣ отъ множества собравшагося народа.

Царь уѣхалъ въ Царское Село.

Мердеръ умеръ въ Италіи. — Великому Князю, очень къ нему привязанному, не объявили о томъ до самаго бала.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго Дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одной изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-го мая не удалось отъ дурной погоды: — было экипажей десять. Графиня Хреб(товичъ), однако, поплелась туда-же; мало ей разсѣянія. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ затѣй Милорадовича въ Екатерингофѣ, обрушилась и нѣсколько людей, бывшихъ на ней, ушиблось. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хв(остовымъ) нѣкогда воспѣтая дыра
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость!

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle.
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole, etc.

Вяземскій отвѣчалъ:

Какъ, будетъ Графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга? —
Зовите жъ и Лаваль.

Лифляндское (курляндское) дворянство отказалось судить Бринкена, потому что онъ воспитывался въ корпусѣ въ Петербургѣ. Вотъ тебѣ шишъ, и подѣломъ.

10 мая. — Нѣсколько дней тому получилъ я отъ Ж(уковскаго) записку изъ Ц(арскаго) С(ела). Онъ увѣдомлялъ меня, что какое-то письмо мое ходитъ по городу и что Г(осударь) объ немъ ему говорилъ. Я вообразилъ, что дѣло идетъ о скверныхъ стихахъ, исполненныхъ отвратительнаго похабства и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мнѣ. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Н. Н. (Натальѣ Николаевнѣ) и, нашедъ въ немъ отчетъ о присягѣ В(еликаго) К(нязя), писанный видно слогомъ неоффиціальнымъ, донесла обо всемъ полиціи. Полиція, не разобравъ смысла, представила письмо Г(осударю), который сгоряча также его не понялъ. Къ счастью письмо показано было Ж(уковскому), который и объяснилъ его. Все успокоилось. Г(осударю) не угодно было, что о своемъ камеръ-юнкерствѣ отзывался я не съ умиленіемъ и благодарностію. Но я могу быть подданнымъ, даже рабомъ, но холопомъ и шутомъ не буду и у Царя Небеснаго. Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства! Полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать Царю (человѣку благовоспитанному и честному) и Царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть Самодержавнымъ.

Вчера былъ парадъ, который какъ-то не удался. Государь посадилъ Наслѣдника подъ арестъ на дворцовую гауптвахту за то, что онъ проскакалъ галопомъ вмѣсто рыси.

12. Аракчеевъ во время прошедшаго царствованія, выпросилъ маіоратство для Грузина, пре-

доставя себѣ избрать наслѣдника, а въ случаѣ внезапной смерти, поручая то Государю. Онъ умеръ, не написавъ духовной и не причастившись, потому что, по его мнѣнію, долженъ былъ онъ дожить до 30 Августа, дня открытія Александровской колонны. Государь назначилъ наслѣдникомъ А(ракчееву) кадетскій Новгородскій корпусъ, которому и повелѣно назваться Аракчеевскимъ.

*

21. Вчера обѣдалъ у См(ирновыхъ) съ Полетикой, съ Вельегорскимъ и съ Жук(овскимъ). Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неустойчивый (неуступчивый?) былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: Ахъ ты, мой красавецъ! — Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и обратясь къ Зубову, сказалъ ему: я, сударь, моею фигурою фортуны себѣ не ищу. Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: Вы не можете помнить такого-то (Черткова по им. и отч.), а я его помню и могу Васъ увѣрить, что онъ очень былъ недуренъ.

Конецъ ея царствованія былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ, что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою старую Бабку съ Графомъ Зубовымъ. Всѣ негодовали; но воцарился Павелъ и негодованіе увеличилось. Лагарпъ показывалъ письма молодаго Великаго Князя (Александра), въ которыхъ сильно выражается это чувство. Я видѣлъ письма его-же Ланжерону, въ

которыхъ онъ говоритъ столь откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu et rarement, car je suis sur la hache. Ланжеронъ былъ тогда недоволенъ и сказалъ мнѣ: Voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué, mais à présent, ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe. Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку. Пол(етика) сказалъ: «L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses, comme son frère, mais il est moins visionnaire.» Кто-то сказалъ о Гос(ударѣ): Il y a beaucoup du Praporchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand.

*

2 Іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника; мы отзываемъ Ливена. Блай недоволенъ. Онъ говоритъ: «mais Medème c'est un tout jeune homme — c'est-à-dire un blanc-bec». Гос(ударь) не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что, будучи Вел(икимъ) Кн(яземъ), имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26 мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ, отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся Вел(икой) Кн(ягинѣ) (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8; между прочимъ Красовскій (главный цензоръ). В(еликая) Кн(ягиня) спросила его: Celà doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qu'il paraît. — Oui,

V(otre) A(ltesse) I(mpériale), отвѣчалъ онъ — la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice. — Великая Княгиня скорѣе отъ него отошла. — Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у К(атерины) А(ндреевны) (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У ней были: Вяз(емскій), Жук(овскій) и Пол(етика). Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ Императорѣ.

*

3-го іюня. Обѣдали мы у Вяз(емскаго): Жук(овскій), Давыдовъ и Киселевъ (Павелъ Дмитріевичъ). Много говорили объ его правленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова, великаго шарлатана.

Цари уѣхали въ Петергофъ.

Вечеръ у См. — Игралъ 1200 р.

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: Помилуй! Да о чемъ ты будешь писать? Что ты видѣлъ? — Что я видѣлъ? возразилъ Б(олховской). Да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ, начиная съ того, что я видѣлъ . . . . . Государыни (Екатерины II, въ день ея смерти).

Гр. Фикельмонтъ очень боленъ. Семья его въ большомъ огорченіи. Elisa имъ и живетъ.

19 числа послалъ 1000 Нащ(окину). Слава Богу, слухи о смерти его сына ложны.

Тому недѣли двѣ, получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили голову. Казалось, смерть такого ничтожнаго человѣка не должна была сдѣлать никакого переворота въ теченіи дѣлъ. Но такова бѣдность Россіи въ государственныхъ людяхъ, что и Кочубея некѣмъ замѣнить! Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminemment conciliant: nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, à amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный — а это у насъ рѣдко. И за то спасибо. О Кочубеѣ сказано:

Подъ камнемъ симъ лежитъ графъ Викторъ Кочубей.
Что въ жизни добраго онъ сдѣлалъ для людей?
Не знаю — чертъ меня убей!

Согласенъ; но эпиграмму припишутъ мнѣ и правительство опять на меня надуется.

Здѣсь Прусскій кронъ-принцъ съ его женою. Ее возили по Петергофской дорогѣ и у ней глаза разболѣлись.

*

22 іюля. Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть было не поссорился я съ Дворомъ, но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ Образцовымъ полкомъ. Арндтъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ

Остерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежомъ красенъ.

Послѣдній частный домъ въ Кремлѣ принадлежалъ кн. Трубецкому. Екатерина купила его и помѣстила въ немъ Сенатъ.

*

9 Авг(уста). — Трощинскій, въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь, ему на-зло, не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ П. Б. никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды въ 2 часа ночи является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъ-егерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, пошли отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому объявить ему, что Государь его требуетъ и что фельдъ-егерь за нимъ пріѣхалъ. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъ-егерь привозитъ его прямо къ Зимнему Дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что ведутъ его на половину Великаго Князя Александра. Тутъ только догадался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ его и поздравилъ его съ новымъ Императоромъ. Трощинскій нашелъ Государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся ему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководителемъ.» Тутъ былъ тотчасъ же написанъ манифестъ

и подписанъ Государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

*

28 Ноября. — Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; я былъ въ отсутствіи — выѣхалъ изъ П. Б. за 5 дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать на церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, моими товарищами. Былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ — видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они. Намъ дана вольность и поставленъ столпъ намъ въ честь. Г(рафа) Румянцева вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что его церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и съ длинной надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго еще не разберетъ. Въ Заводяхъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Н(аталью) Н(иколаевну) въ Москву, а самъ съѣздилъ въ Нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился я къ 15 Октября въ П. Б., гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Мих(аилъ) Павл(овичъ) ждалъ все возвращенія Царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. В(еликій) Кн(язь) привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасный. Воротились въ 3 часа.

*

5 Декабря. Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни-за что не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами — молокососами 18-ти-лѣтними. Царь разсердится, — да что мнѣ дѣлать?

Покамѣстъ давайте злословить.

Въ бытность мою въ Москвѣ нынѣшняго года много было проказъ, Москва хоть ужъ и не та, что прежде, но все-таки имѣетъ еще похоти боярскія (des velléités d'Aristocratie). Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими мѣсто Екатерининскихъ бригадировъ; они роптали, глядя, какъ онъ ухаживалъ за молодою княгинею Д(олгоруковой) (за дочерью Сашки Булгакова!) говорили ворчуны съ негодованіемъ. Царь, однажды, пошелъ за кулисы и на сценѣ разговаривалъ съ московскими актрисами. Это еще менѣе понравилось публикѣ. Въ бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицынъ взялъ на себя должность полицейскаго сыщика — одѣвался жидомъ и проч. — Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ! Въ Н(ижнемъ) Новгородѣ Царь былъ очень суровъ и встрѣтилъ Дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало — за что (ни я).

Вчера былъ у Лекса. Я зналъ его 821 году въ Кишиневѣ. У него не было кровати; онъ спалъ вмѣстѣ съ какимъ-то чиновникомъ подъ однимъ тулупомъ. Я первый открылъ Инзову, что былъ человѣкъ умный и дѣловой.

Въ тотъ же день балъ у Салт(ыкова). N. N. сказала: voilà M-me Iermoloff, la sale (Lassale). Ермолова и Кур(вахъ) (дочь Моро) хуже всѣхъ одѣваются.

— Я все-таки не былъ 6-го во дворцѣ и рапортовался больнымъ. За мною Царь хотѣлъ послать фельдъ-егеря или Арнта.

*

18 Дек(абря). Третьяго дня былъ я наконецъ въ А(ничковомъ). Опишу все въ подробности, въ пользу будущаго Вальтеръ-Скотта. Придворный лакей поутру явился ко мнѣ съ приглашеніемъ: быть въ 8 въ А(ничковомъ): мнѣ въ мундирномъ фракѣ, Н(атальѣ) Н(иколаевнѣ), какъ обыкновенно. Въ 9 часовъ мы пріѣхали. На лѣстницѣ встрѣтилъ я старую Гр. Бобр(инскую), которая всегда за меня лжетъ и выводитъ меня изъ хлопотъ. Она замѣтила, что у меня треугольная шляпа съ плюмажемъ (не по формѣ: въ Аничковъ ѣздятъ съ круглыми шляпами; но это еще новое). Гостей было уже довольно, балъ начался контрадансами. Государыня была вся въ бѣломъ, съ бирюзовымъ головнымъ уборомъ. Государь въ кавалергардскомъ мундирѣ. Государыня очень похорошѣла. Гр. Бобр(инскій), замѣтя мою △ шляпу, велѣлъ принести мнѣ круглую. Мнѣ дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтѣли. Вообще балъ мнѣ понравился. Государь очень простъ въ своемъ обращеніи, совершенно по домашнему. Тутъ же были молодые сыновья Кеннинга и Велингтона. У Дука спросили, какъ находитъ онъ балъ: Je m'ennuis, отвѣчалъ онъ. — Pourquoi cela? — On est debout et j'aime à être assis. Я заговорилъ съ Л—нскимъ о Мицкевичѣ и потомъ о Польшѣ. Онъ прервалъ разговоръ, сказавъ: «mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain

neutre, chez l'Amb(assadeur) d'Aut(riche), par exemple.» Балъ окончился въ 1½.

Утромъ того же дня встрѣтилъ я въ Дв(орцовомъ) саду В(еликаго) К(нязя). Что ты одинъ здѣсь философствуешь? — Гуляю. — Пойдемъ вмѣстѣ. — Разговорились о плѣшивыхъ: Вы не въ родню въ вашемъ семействѣ мужчины молодые оплѣшивливаютъ. Государь Ал(ександръ) и К(онстантинъ) П(авловичи) оттого рано оплѣшивили, что при Отцѣ моемъ носили пудру и зачесывали волоса. На морозѣ сало леденѣло и волоса лѣзли. Нѣтъ ли новыхъ каламбуровъ? — Есть, да нехороши, не смѣю представить ихъ Вашему В(ысочеству). — У меня ихъ также нѣтъ; я замерзъ. Доведши В(еликаго) Кн(язя) до моста, я ему откланялся.

Вчера (17) вечеръ у S. — —

Разговоръ съ Нордингомъ о р(усскомъ) дворянствѣ, о семействѣ Екатерины 1-ой, etc. Гербы наши всѣ весьма новы. Оттого въ гербѣ князей Вяземскихъ, Ржевскихъ — пушка. Многіе изъ нашихъ старыхъ дворянъ не имѣютъ гербовъ.

*

22 Дек(абря). Суббота. — Въ среду былъ я у Хит(рово), имѣлъ долгій разговоръ съ В(еликимъ) К(няземъ). Началось журналами: «Вообрази, какую глупость напечатали въ Сѣв(ерной) Пч(елѣ). Дѣло идетъ о пребываніи Государя въ Москвѣ. Пч(ела) говоритъ: «Государь И(мператоръ), обошедъ соборы, возвратился во дворецъ и съ высоты Краснаго крыльца низко (низко!) поклонился народу». Этого недовольно. Журналистъ-дуракъ продолжаетъ: Какъ восхитительно было видѣть В(ели-

каго) Го—ря, преклоняющаго священную главу передъ гражданами московскими! Не забудь, что это читаютъ лавочники. В(еликій) К(нязь) правъ, а журналистъ, конечно, глупъ. Потомъ разговорились о дворянствѣ. В(еликій) К(нязь) былъ противъ постановленія о почетномъ гражданствѣ: зачѣмъ преграждать заслугамъ высшую цѣль честолюбія? Зачѣмъ составлять tiers-état, сію вѣчную стихію мятежей и оппозицій. Я замѣтилъ, что или дворянство ненужно въ Государствѣ или должно быть ограждено и недоступно иначе, какъ по собственной волѣ Государя. Если въ дворянство можно будетъ поступать изъ другихъ состояній, какъ изъ чина въ чинъ, не по исключительной волѣ Г—ря, а по порядку службы, то вскорѣ дворянство не будетъ существовать или (что все равно) все будетъ дворянствомъ. Что касается до tiers-état, что же значитъ наше старинное дворянство, съ имѣніями, уничтоженными безконечными раздробленіями; съ просвѣщеніемъ, съ ненавистью противу аристократіи и со всѣми притязаніями на власть и богатство? Эдакой страшной стихіи мятежей нѣтъ и въ Европѣ. Кто были на площади 14 Декабря? Одни дворяне; сколько жъ ихъ будетъ при первомъ новомъ возмущеніи? Не знаю, а кажется много. Говоря о старомъ дворянствѣ, я сказалъ: «Nous qui sommes aussi bons gentils hommes que l'Empereur et Vous», etc. В(еликій) Кн(язь) былъ очень любезенъ и откровененъ. «Vous êtes bien de Votre famille, сказалъ я ему, tous les Romanoffs sont révolutionnaires et niveleurs.» — Спасибо. Такъ ты меня жалуешь въ якобинцы? Благодарю. Voilà une réputation qui me manquait. — Разговоръ обратился къ воспитанію, любимому предмету Его Высочества.

Я успѣлъ высказать ему многое. Дай Богъ, чтобъ слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензоръ Никитенко на обвахтѣ подъ арестомъ и вотъ по какому случаю: Деларю напечаталъ въ Библ. Смирдина переводъ оды В. Юго, въ которой находится слѣдующая глубокая мысль: Если-де я былъ бы Богомъ, то я бы отдалъ свой рай и своихъ ангеловъ за поцѣлуй Милены или Хлои. Митрополитъ, (которому досугъ читать наши бредни) жаловался Государю, прося защитить православіе отъ нападеній Деларю и Смирдина, отсюда буря. Крыловъ сказалъ очень хорошо:

Мой другъ! когда бы ты былъ Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ.

Это все равно, замѣтилъ онъ мнѣ, что я бы написалъ: когда бы я былъ архіерей, то пошелъ бы во всемъ облаченіи плясать французскій кадриль. А все виноватъ Глинка (Ѳедоръ). Послѣ его ухарскаго псалма, гдѣ онъ заставилъ Бога говорить языкомъ Дениса Давыдова, цензоръ подумалъ, что онъ пустился во всѣ тяжкія . . .

Псаломъ Глинки уморительно смѣшонъ.

8 Января. — Начнемъ новый годъ злословіемъ на счастіе...

Брилліанты и дорогіе каменья были еще недавно въ низкой цѣнѣ. Они никому не были нужны. Выкупивъ брилліанты Н(атальи) Н(иколаевны), заложенные въ Московскомъ ломбардѣ, я принужденъ былъ ихъ перезаложить въ частныя руки, не согласившись продать ихъ за безцѣнокъ. Нынче узнаю, что опять возвысились: ихъ требуютъ въ Кабинетъ и вотъ по какому случаю.

Недавно Государь приказалъ К(нязю) В(олконскому) принести къ нему изъ Кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, какъ въ 9.000 рублей. К(нязь) В(олконскій) принесъ табакерку. Государю показалась она бѣдна. — Дороже нѣтъ, отвѣчалъ В(олконскій). — Если такъ, то дѣлать нечего, отвѣчалъ Государь, я хотѣлъ тебѣ сдѣлать подарокъ: возьми ее себѣ. Вообразите себѣ рожу стараго скряги. Съ этой поры начали требовать брилліанты. Теперь въ Кабинетѣ табакерки завелись уже въ 60.000 руб.

В(еликая) Кн(ягиня) (Елена Павловна) взяла у меня Записки Екатерины II-ой и сходитъ отъ нихъ съ ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая дѣвушка.

Въ концѣ прошлаго года, свояченица моя ѣздила въ моей каретѣ поздравлять В(еликую) Кн—ю. Ея лакей повздорилъ съ швейцаромъ. Комендантъ Мартыновъ посадилъ его на обвахту и К(атерина) Н(иколаевна) принуждена была безъ шубы ждать 4 часа на подъѣздѣ. Комендантское мѣсто около полустолѣтія занято дураками, но такой скотины, какъ Мартыновъ, мы еще не видѣли.

6-го. Балъ придворный (приватный маскарадъ). Дворъ въ мундирахъ временъ Павла I. Г(рафъ) Панинъ (товарищъ министра) одѣтъ дитятей, Бо-б(ринскій) — Брызгаловымъ (кастеляномъ Мих. Замка. Полоумный старикъ, щеголяющій въ шутовскомъ своемъ мундирѣ въ сопровожденіи двухъ калѣкъ сыновей, одѣтыхъ скоморохами. Замѣч(аніе) для потомства). Гос(ударь) — полковникомъ Измайловскаго полка, etc. — Въ городѣ шумъ; находятъ все это неприличнымъ.

Февраль.

Съ Генваря очень я занятъ Петромъ. На балахъ былъ раза 3; уѣзжалъ съ нихъ рано. Придворными сплетнями мало занятъ; шишъ потомству.

Надняхъ въ театрѣ Г(рафъ) Фикельмонтъ, говоря, что Bertrand et Raton не были играны на П. Б. театрѣ по представленію Блума, датскаго посланника (и нашего стариннаго шпіона), присовокупилъ: Je ne sais pourquoi? Dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemark. Я прибавилъ: Pas plus qu'en Europe.

Филаретъ сдѣлалъ доносъ на Павскаго, будто онъ — лютеранинъ. Павскій отставленъ отъ В(еликаго) Князя. Митрополитъ и Сунодъ подтвердили мнѣніе Филарета. Государь сказалъ, что въ дѣлахъ духовныхъ онъ не судія, но ласково простился съ Павскимъ. Жаль умнаго, ученаго и добраго священника. Павскаго не любятъ. Шишковъ, который набилъ Академію попами, никакъ не хотѣлъ принять Павскаго въ число членовъ за то, что онъ, зная еврейскій языкъ, доказалъ какую-то нелѣпость въ корняхъ Президента.

Митрополитъ, на мѣсто Павскаго, предлагалъ попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотѣлъ и выбралъ другаго, человѣка, говорятъ очень порядочнаго. Этотъ пріѣзжалъ къ Митрополиту, а старый лукавецъ сказалъ: я васъ рекомендовалъ Государю. Qui est-ce que l'on trompe ici?

Въ публикѣ очень бранятъ моего Пугачева, а что хуже — не покупаютъ. Уваровъ — большой подлецъ. Онъ кричитъ о моей книгѣ, какъ о возмутительномъ сочиненіи. Его клевретъ Дундуковъ (дуракъ и .....) преслѣдуетъ меня своимъ цензур-

нымъ комитетомъ. Онъ не соглашается, чтобъ я печаталъ свои сочиненія съ одного согласія Государя. — Царь любитъ, да псарь не любитъ. — Кстати объ Уваровѣ: это большой негодяй и шарлатанъ. Развратъ его извѣстенъ. Низость до того доходитъ, что онъ у дѣтей Канкрина былъ на посылкахъ. Объ немъ сказали, что онъ началъ тѣмъ, что былъ . . . . . ., потомъ нянькой и попалъ въ президенты Академіи Наукъ, какъ княгиня Дашкова въ президенты Р(усской) Академіи. — Онъ кралъ казенныя дрова и до сихъ поръ на немъ есть счеты (у него 11.000 душъ). Казенныхъ слесарей употреблялъ въ собственную работу, etc. etc. Дашковъ (министръ), который прежде былъ съ нимъ пріятель, встрѣтивъ Жук(овскаго) подъ-руку съ Уваровымъ, отвелъ его въ сторону, говоря: Какъ тебѣ не стыдно гулять публично съ такимъ человѣкомъ!

Цензура не пропустила слѣдующіе стихи въ сказкѣ моей о Золотомъ Пѣтушкѣ:

Царствуй, лежа на боку,

и

Сказка — ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ.

Времена Красовскаго воротились. Никитенко глупѣе Бирукова.

Оглавленіе шестого тома

	стр.
Мои мысли о Шаховскомъ	7
Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ	9
Изъ журнала греческаго возстанія	17
О слогѣ	19
Издателю «Сына отечества»	21
О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности	22
О вдохновеніи и восторгѣ	24
О г-жѣ Сталь и г. А. М-вѣ (Мухановѣ)	25
О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова	28
Замѣтки при чтеніи книгъ	35
Переводчики	35
Первый обожатель	35
О романахъ Вальтеръ-Скотта	35
О Шенье, какъ классикѣ	35
О дѣленіи Европы на классическую и романтическую	36
Замѣчанія на Анналы Тацита	36
О народности въ литературѣ	40
О народномъ воспитаніи	41
О Байронѣ	49
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія	51
О смѣлости выраженій	60
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей	62
Литературное общество	69
Ромео и Джюльета Шекспира	71
Записка о Сухоруковѣ	72
Альманашникъ	74

стр.
Статьи и замѣтки 80
О Некрологіи Раевскаго 80
О переводѣ романа Бенж. Констана «Адольфъ» . 81
Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ . 81
О литературной критикѣ 82
Шенье — не романтикъ. 84
Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году . 84
О Записках Самсона 86
О разговорѣ у Княгини Халдиной, Фонъ-Визина 88
О статьяхъ Кн. Вяземскаго 89
Острая шутка не есть окончательный приговоръ 90
О карикатурѣ въ Англіи 91
О гекзаметрахъ Мерзлякова 91
Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ 94
О записках Видока 95
О личностяхъ въ критикѣ 97
О неблаговидности нападокъ на дворянство . 98
Разговоръ 99
Отрывки изъ Разговоровъ 105
О выходкахъ противъ литературной аристократіи 107
Китайскій анекдотъ 113
У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей . 114
Можно не удостоивать отвѣтомъ 115
Перечитывая (нѣкоторыя) самыя бранчивыя критики 115
Къ стати. Началъ я писать 116
Возвратясь изъ путешествія 117
Отчего издателя Литературной Газеты 119
Въ одной газетѣ (почти офиціальной) 120
Возвратясь изъ подъ Арзрума 121
Въ одной газетѣ, почти офиціальной 122
Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ 125
(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ 128

Грамматическія замѣтки 129
Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю 129
У насъ многіе (между прочимъ и Г. Каченовскій) 129
Иностранныя собств (енныя) им (ена) 130

стр.
Многіе пишутъ: юпка, сватьба 130
Двенадцать, а не двѣнадцать 130
Пишутъ тѣлега, телѣга. 130
Разговорный языкъ простаго народа 131
Московскій выговоръ 131
Шпіоны подобны буквѣ Ъ 131
Мелкія замѣтки 131
Одна умная дама сказывала 131
Браните мужчинъ 132
Езуитъ Поссевинъ 132
Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона . . . 132
Отелло отъ природы не ревнивъ 133
Форма цифръ арабскихъ 133
Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ 133
Многіе негодуютъ на журнальную критику 134
Человѣкъ по природѣ своей 134
Divide et impera 134
Повторенное острое слово 135
Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей 135
Грамматика не предписываетъ законовъ . . . 135
Проза кн. Вяземскаго 135
К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ . . . 136
Буквы, составляющія славянскую азбуку . . . 136
О русскихъ словахъ, взятыхъ съ французскаго . 137
Разборъ пословицъ 138
О приличіи въ литературѣ (По поводу А. де Мюссе) 139
О драмѣ 140
Дѣтскія сказочки 151
Маленькій лжецъ 151
Исправленный забіяка 151
Вѣтреный мальчикъ 152
Баратынскій 153
Дельвигъ 161
Записка объ изданіи газеты 165
Стихотворенія Делорма и Сентъ-Бева 168
Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орловъ 177

стр.
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ 187
Всѣмъ извѣстно, что французы 193
О новѣйшихъ романахъ 194
О дворянствѣ 194
Программа журнала 198
О книгѣ А.Н. Муравьева: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ 199
О сочиненіяхъ П. А. Катенина 201
Моцартъ и Сальери 203
Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира . . 204
Мысли на дорогѣ 207
Путешествіе В. Л. П. (о книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ) . 256
Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ . . . 257
О русской литературѣ (съ очеркомъ французской) 266
Лордъ Байронъ 280
Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 года 285
О «Трехъ повѣстяхъ» Павлова 289
Объ исторіи поэзіи Шевырева 291
Собраніе сочиненій Георгія Конискаго 293
Вастола или желанія 299
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки 300
Примѣчаніе къ разсказу Султанъ Казы-Гирея: «Долина Ажитугай» 301
Александръ Радищевъ 302
Прибавленія 313
I Отъ Императрицы Генералъ-Аншефу Брюсу 313
II Изъ записокъ Храповицкаго 314
III Отрывокъ изъ книги Р(адищева) 314
Россійская Академія 319
Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ 326
Отъ редакціи (о «Хроникѣ русскаго въ Парижѣ» А. И. Тургенева) 327
Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной 329
Вольтеръ 341

стр.
Джонъ Теннеръ 351
Ѳракійскія элегіи (стихотворенія Виктора Теплякова. 1836) 397
Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико 409
Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви 412
Новый романъ: Село Михайловское 416
Замѣтка къ повѣсти Гоголя «Носъ» 417
Примѣчаніе къ письму А. Б. — «О статьѣ Гоголя» 417
Отъ редакціи (Пять замѣтокъ) 417
Отъ редакціи (о сборникѣ кн. Вяземскаго) . . . 420
Кавалеристъ-дѣвица 421
Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина 421
Примѣчаніе къ отрывку изъ рукописи Карамзина «О древней и новой Россіи» 422
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая» 422
Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны Д'Аркъ . 434
Желѣзная маска 439
Анекдоты (Table Talk) 442

Автобіографическія замѣтки. Дневники.

Отрывки изъ лицейскихъ записокъ 473
Списокъ лицейскихъ стихотвореній 480
Изъ кишиневскаго дневника 482
Изъ записной книжки, такъ называемой «Тарасенкова-Отрѣшкова» 484
Деревенскія впечатлѣнія. Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ 485
О стихотвореніи «Демонъ» 485
Воображаемый разговоръ съ Императоромъ Александромъ I 487
Болѣзнь. Карамзинъ 490
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ 494

стр.
Замѣтки Пушкина о своихъ произведеніяхъ . . 496
О «Борисѣ Годуновѣ» 496
О «Русланѣ и Людмилѣ» 501
О «Кавказскомъ Плѣнникѣ» 502
О «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» 502
О «Цыганахъ» 503
О «Графѣ Нулинѣ» 503
О «Евгеніи Онѣгинѣ» 510
О «Полтавѣ» 518
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ 522
Извлеченіе изъ нѣмецкой записки объ Абрамѣ Ганнибалѣ 528
Программа записокъ 530
Изъ записной книжки 532
Замѣтка о холерѣ 537
О Дуровѣ 540
Державинъ 542
Программа записокъ о Кишиневскомъ періодѣ . 544
Дневникъ Пушкина 545

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ко всѣмъ шести томамъ полнаго собранія сочиненій
А. С. ПУШКИНА

Абамелекъ, А. Д. кн. II, 90
Avez vous vu la tendre rose I, 73
Аглаѣ (Кокеткѣ) I, 306
Адели I, 355
Академія, Россійская VI, 319
Аквилонъ I, 391
Актрисѣ, Къ молодой I, 77
Александръ Радищевъ VI, 302
Алексѣеву, Н. С.:
Мой милый, какъ несправедливы I, 318
Прощай, отшельникъ бессарабской I, 469
Альбомныя стихотворенія:
Вульфъ, А. И. I, 516
Вульфъ, Е. Н. I, 465
Вяземскому, П. П. кн. I, 471
Гонимый рока самовластьемъ II, 85
Гончаровой, Н. Н. (Красавица) II, 74
Долго сихъ листовъ завѣтныхъ II, 90
Зубову, А. Н. I, 231
Илличевскому, А. Д. I, 225
Иностранкѣ I, 377
Кернъ, А. П. I, 524
Олениной, А. А. II, 98
Пущину, И. И. I, 228
Россети, А. О. II, 84
Сленину, И. В. I, 521
Сосницкой, Е. Я. I, 261
Ушаковой, Ек. Н. I, 475, 476
Ушаковой, Ел. Н. I, 522
Что въ имени тебѣ моемъ? II, 7
Хованской, княжнѣ I, 478
Альбомъ Онѣгина III, 210
Альманашникъ VI, 74
Альфіери, Изъ I, 489
Альфонсъ (Альфонсъ садится на коня) II, 86
Amour, exil I, 524
Амуръ и Гименей I, 185
Анакреона, Гробъ I, 150
Анакреона, Изъ:
Оды LV, LVI и LVII II, 118, 119
Анакреона, Фіалъ I, 187
Анакреону, Подражаніе I, 508
Ангелъ I. 473
Анджело II, 421
Андрей Шенье (Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ) I, 425
(Андрей Шенье не романтикъ) VI, 84
Анекдоты (Table talk) VI, 442
Анониму, Отвѣтъ II, 41
Апчаръ I, 511
Аптеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ I, 302
Арабскому подражаніе II, 122
Аракчееву I, 292
Арапъ Петра Великаго IV, 7
Аристарху, Моему I, 170
Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса! I, 52
Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую I, 115
Аріонъ I, 479
Аріосто (Изъ Orlando furioso) I, 461
Ахъ, вы выходы, выходы, погреба государевы V, 168
Ахъ, далече-далече во чистомъ полѣ V, 170

Ахъ, ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ V, 167
Аѳенея, Изъ II, 91

(Байронъ) VI, 49 и 280
Баллада (Что ты, дѣвица, грустна) I, 266
(Баратынскій): Пора Баратынскому VI, 153
Баратынскому:
Изъ Бессарабіи (Сія пустынная страна) I, 353
Я жду обѣщанной тетради I, 353
Стихъ каждый повѣсти твоей I, 455
Барышня - крестьянка IV, 85
Батюшкову:
Въ пещерахъ Геликона I, 157
Философъ рѣзвый и Піитъ I, 85
Бахчисарайскій фонтанъ II, 282
Безвѣріе I, 226
Безсмертною рукой раздавленный зоилъ (На М. Т. Каченовскаго) I, 257
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье (Элегія) II, 45
Береза бѣлая V, 149
Битва у Зеницы великой II, 478
Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни (Къ Жуковскому) I, 234
Благословляю новоселье II, 70
Блаженство I, 80
Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ I, 497
Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни I, 285
Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ I, 176
Блеститъ луна, недвижно море спитъ I, 368
Блеща средь полей широкихъ II, 13
Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая I, 483
Бова I, 115
Богами вамъ еще даны I, 217
Богъ веселый винограда II, 119
Богъ вѣсть, за что философы, піиты I, 208
Богъ помочь вамъ, друзья мои (19 окт. 1827) I, 484
Боже, царя храни I, 219
Больны вы, дядюшка I, 223
Бонапартъ и черногорцы II, 489
Борисъ Годуновъ III, 225
Бородинская годовщина II, 78
Брадатый староста Авдѣй I, 527
Братъ милый! отрокомъ разстался (Къ брату) I, 358
Братья разбойники II, 259
Брови царь нахмуря I, 445
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ II, 26
Броневскій, разборъ его статьи объ Исторіи Пугачевскаго бунта V, 468
Будрысъ и его сыновья (Изъ Мицкевича) II, 101
Булгарину (Эпиграммы) II, 38
Буньяна, Изъ II, 114
Буря I, 455
Буря мглою небо кроетъ I, 453
Бывало прежнихъ лѣтъ герой I, 115
Была пора: нашъ праздникъ молодой II, 140
Былъ и я среди донцовъ II, 31
Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный II, 508
Быть въ сраженіи похвально II, 34
Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ I, 437
Бѣги, сокройся отъ очей I, 268
Бѣжитъ рѣчка по песку V, 148
Бѣсы II, 42

Вадимъ, отрывки II, 267
Вакхическая пѣсня I, 432
Вамъ восемь лѣтъ I, 140

Вамъ музы, милыя старушки I, 503
Вастола или желанія VI, 299
Вашъ дѣдъ портной I, 357
Вдали ты зришь утесъ уединенный? I, 64
Вдовѣ, Къ молодой I, 221
Везувій зѣвъ открылъ II, 132
Великій день Бородина II, 78
Великопольскому, И.Е. I, 501
Вельможѣ, Къ II, 21
Вельяшевой, Е. В. I, 516
Венерѣ отъ Лаисы I, 71
Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ I, 366
Вертоградъ моей сестры I, 433
Веселый пиръ I, 288
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки (статья о нихъ) VI, 300
Вечерня отошла давно I, 337
Вечерняя заря, въ пучинѣ догорала I, 142
Вечеръ, Зимній I, 453
Взгляни на милую, когда свое чело I, 305
Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ I, 228
Видѣніе короля II, 473
Вино (Іонъ Хіосскій) II, 91
Виноградъ I, 298
Влахъ въ Венеціи II, 482
Внизъ то было, по матушкѣ, Камышенкѣ рѣкѣ V, 166
Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ I, 233
Вновь я посѣтилъ II, 128
Внукъ Тредьяковскаго Клитъ I, 114
Во время оное, былое II, 32
Во глубинѣ сибирскихъ рудъ I, 472
Во городѣ то было во Астрахани V, 156
Вода и вино I, 154
Воевода (Изъ Мицкевича) II, 98
Воевода Милошъ II, 493
Возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г. I, 136
Возможно ль? Вмѣсто розъ I, 72
Возрожденіе I, 286
Возстань, боязливый I, 405
Возстань, о Греція, возстань I, 335
Война! Подъяты наконецъ (Война) I, 329
Волконской, З. А. кн. I, 477
Волконской княжнѣ I, 216
Волконскому кн., Младенцу (Эпитафія) I, 490
Волненьемъ жизни утомленный I, 527
Вольность, ода I, 268
Вольтера, Изъ:
Начало I пѣсни «Дѣвственницы» I, 464
Стансы (Ты мнѣ велишь пылать душой) I, 243
Вольтеръ VI, 341
Во лѣсахъ дремучіихъ V, 160
Воображаемый разговоръ съ имп. Александромъ I VI, 487
Воронцову М. С. гр. (Эпиграммы) I, 378 и 418
Воронъ къ ворону летитъ (Шотландская пѣсня) I, 523
Во славномъ городѣ, во Кіевѣ V, 157
Воспитанный подъ барабаномъ I, 411
Воспоминаніе (Когда для смертнаго умолкнетъ) I, 506
Воспоминаніе (Помнишь ли, мой братъ по чашѣ) I, 156
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1814) I, 108
Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ (1829) II, 24
Воспоминаньемъ упоенный I, 266
Воспоминаньями смущенный II, 24
Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ I, 224
Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ I, 229
Вотъ зеркало мое I, 71
Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ (Е. Н. Вульфъ) I, 465
Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ (Портретъ) I, 233
Вотъ муза, рѣзвая болтунья I, 339

Вотъ переплетши мостъ Кокушкинъ II, 11
Враги мои, покамѣстъ я ни слова (Пріятелямъ) II, 418
Всеволожскому, Н. В. I, 277
Все въ жертву памяти твоей I, 460
Все въ ней гармонія, все диво (Красавица) II, 74
Все въ таинственномъ молчаньи I, 150
Всегда такъ будетъ и бывало I, 334
Всей Россіи притѣснитель I, 292
Все кончено; межъ нами связи нѣтъ I, 412
Все миновалось I, 159
Все мое, сказало злато I, 490
Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири I, 265
Все призракъ, суета I, 290
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ VI, 494
Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ VI, 485
Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною I, 194
Второе посланіе цензору I, 397
Вульфу, А. Н.: Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой I, 381
Вульфъ, А. И.: За Netty сердцемъ я летаю I, 516
Вульфъ, А. Н.: Хотя стишки на именины I, 434
Вульфъ, Евпр. Ник.: Если жизнь тебя обманетъ I, 435
Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ I, 465
Вурдалакъ II, 494
Vous me demandez mon portrait I, 91
Вчера былъ день разлуки шумной I, 345
Вчера за чашей пуншевою I, 169
Вчера мнѣ Маша приказала I, 173
Въ академіи наукъ II, 131
Въ альбомъ см. Альбомныя стихотворенія
Въ Арменію въ палаты Зензевея I, 365
Въ безмолвіи садовъ I, 475
Въ Геснѣ праздникъ I, 341
Въ глуши, измучась жизнью постной I, 458
Въ голубомъ эфира полѣ I, 366
Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный I, 473
Въ Доридѣ нравятся и локоны златые I, 291
Въ еврейской хижинѣ лампада (Начало повѣсти) II, 86
Въ жизни мрачной и презрѣнной I, 293
Въ Коломнѣ на углу маленькой площади V, 75
Въ крови горитъ огонь желанья I, 433
Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной I, 444
Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой I, 366
Въ младенчествѣ моемъ она меня любила I, 305
Въ молчаньи предъ тобой сижу I, 223
Въ надеждѣ славы и добра I, 470
Въ началѣ жизни школу помню я II, 57
Въ неволѣ скучной увядастъ I, 207
Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ I, 246
Въ немъ радости мои I, 209
Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля (отрывокъ) V, 59
Въ отдаленіи отъ васъ I, 476
Въ печальной праздности я лиру забывалъ I, 247
Въ пещерахъ Геликона I, 157
Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ II, 484
Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья I, 412
Въ полѣ чистомъ серебрится II, 111
Въ послѣдній разъ въ сѣни уединенья I, 229
Въ послѣдній разъ твой образъ милый II, 46

Въ пустынѣ чахлой и скупой I, 511
Въ рощахъ карійскихъ I, 498
Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой I, 80
Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною I, 528
Въ себѣ всѣ блага заключая I, 291
Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ 1, 490
Въ стеши мірской, печальной и безбрежной I, 479
Въ степяхъ зеленыхъ Буджака I, 527
Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ I, 310
Въ сыромъ бору на клену V, 155
Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный I, 339
Въ тревогѣ пестрой и безплодной II, 84
Въ 179 . . возвращался я въ Лифляндію V, 63
Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы I, 369
Въ часы забавъ иль праздной скуки II, 37
Въ чужбинѣ свято наблюдаю I, 351
Въ Элизіи Василій Тредьяковскій II, 28
Въ Юрзуфѣ бѣдный музульманъ I, 339
Выздоровленіе I, 254
Выздоровленіе Лукулла, На II, 127
Вы избалованы природой I, 522
Вы, молодые ребята, послушайте V, 166
Высоко надъ семьею горъ II, 14
Выстрѣлъ IV, 110
Вы съединить могли съ холодностью сердечной I, 261
Вяземскому, кн. П. А.:
Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ I, 176
Въ глуши, измучась жизнью постной I, 458
Сатирикъ и поэтъ любовный I, 445
Вяземскому, кн. П. А.:
Судьба свои дары явить желала въ немъ (Къ портрету) I, 299
Такъ море, древній душегубецъ I, 466
Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый I, 357
Вяземскому кн. П. П., въ альбомъ I, 471
Вянетъ, вянетъ лѣто красно I, 215

Гавриліада II, 274
Гайдукъ Хризичъ II, 484
Галичу, А. И.:
Гдѣ ты, лѣнивецъ мой I, 132
Пускай угрюмый риѳмотворъ I, 126
Галубъ II, 461
Гальбергу (Художнику) II, 134
Гауэншильдъ и Энгельгардтъ I, 231
Гафиза, Изъ II, 10
Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный I, 206
Гдѣ наша роза I, 159
Гдѣ ты, лѣнивецъ мой I, 132
Герой II, 60
Геснеру, Русскому I, 357
Глаза скосивъ на усъ кудрявой I, 174
Глинкѣ, М. И., капонъ II, 142
Глинкѣ, Ѳ. Н.
Когда средь оргій I, 356
Нашъ другъ Ѳита I, 419
Глубокой ночи на поляхъ I, 191
Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова II, 36
Гляжу какъ безумный на черную шаль I, 299
Гнѣдичу, Н. И. — на переводъ Иліады II, 64
Годовщина бородинская II, 78
Годовщины лицейскія:
19 Октября 1825 I, 446
19 Октября 1827 I, 484
19 Октября 1828 I, 515
19 Октября 1831 II, 81
19 Октября 1836 II, 140

Голицыной, кн. Е. И.:
Краевъ чужихъ неопытный любитель I, 241
Голицыной, кн. М. А.:
Давно объ ней воспоминанье I, 374
Мой другъ, забыты мной I, 328
Умолкну скоро я I, 328
Голицыной кн.:
Простой воспитанникъ природы I, 286
Голицыну, кн. А. Н.:
Надгробная надпись I, 374
Гонзаго, Изъ, съ португальскаго I, 451
Гонимый рока самовластьемъ II, 85
Гончаровой, Н. Н. въ альбомъ II, 74
Горація, Изъ II, 120
Горишь ли ты лампада наша I, 354
Городокъ I, 92
Городъ Кишиневъ I, 375
Городъ пышный,городъ бѣдный I, 503
Горчаковой, княжнѣ:
Красавицѣ, которая нюхала табакъ I, 72
Stances I, 73
Горчакову, кн. А. М.:
Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной I, 194
Но я не тотъ! Мои златые годы I, 288
Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ I, 287
Пускай, не знаясь съ Аполлономъ I, 131
Горчакову, В. П. I, 374
Господина Шафонскаго II, 511
Гости съѣзжались на дачу V, 65
Готовцовой, А. И., Отвѣтъ I, 515
Грамматическія замѣтки VI, 129
Графиня одна, держитъ письмо. (Драматическій отрывокъ) V, 41
Графу О. I, 415
Графъ Нулинъ II, 330
Гречанкѣ I, 353
Гробовщикъ IV, 59
Гробъ Анакреона I, 150
Гробъ юноши I, 319
Гроза луны, свободы воинъ I, 298
Грустенъ и веселъ вхожу II, 134
Гульянову, И. А. (Анониму) II, 41
Гусаръ II, 93

Давайте пить и веселиться I, 245
Dawe (To Dawe Esq.) I, 505
Давно ли тайными судьбами I, 290
Давно объ ней воспоминанье I, 374
Давыдовой,А.А.(Адели) I, 355
Давыдову, А. Л. I, 376
Давыдову, В. Л. I, 308
Давыдову, Д. В.:
Сѣтованіе I, 317
Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою II, 133
Дамы, Кишиневскія I, 343
Данту подражаніе II, 88
Даръ напрасный, даръ случайный I, 508
Да, слава въ прихотяхъ вольна II, 60
Два дубочка выросталі рядомъ II, 494
Два чувства дивно близки намъ II, 73
Движеніе I, 444
Движенья нѣтъ,сказалъ мудрецъ брадатый I, 444
19 Октября 1825 I, 446
19 Октября 1827 I, 484
19 Октября 1828 I, 515
19 Октября 1831 II, 81
19 Октября 1836 II, 140
Делибашъ II, 12
Делія I, 52
Делорма и Сентъ-Бева, стихотворенія VI, 168
Дельвигу, А. А.
Загадка II, 21
Любовью , дружествомъ и лѣнью I, 238
Мы рождены, мой братъ названый II, 72
Послушай музъ невинныхъ I, 145
Прими сей черепъ I, 484

Дельвигъ VI, 161
Дельвигъ, баронессѣ М. А.:
Вамъ восемь лѣтъ I, 140
Вчера мнѣ Маша приказала I, 173
Демонъ I, 369
Деревенскія впечатлѣнія VI, 485
Деревня I, 274
Державинъ VI, 542
Джіанни, Франческо, Изъ II, 135
Дитя, не смѣю надъ тобой I, 416
Дитя Харитъ и вдохновенья I, 158
Діонея I, 304
Діонизіи (Изъ Сафо) V, 144
Для береговъ отчизны дальной II, 65
Дневникъ Пушкина VI, 545
Добрый совѣтъ I, 245
Добрый человѣкъ I, 259
Довольно битвы мчался громъ I, 196
Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ II, 16
Долго сихъ листовъ завѣтныхъ II, 90
Домикъ въ Коломнѣ II, 397
Домовому I, 284
Дондукову-Корсакову кн. М. А. (Эпиграмма) II, 131
Донъ II, 13
Дорида I, 291
Доридѣ I, 291
Дорога, Зимняя I, 470
Дорожныя жалобы II, 16
Дочери Карагеоргія I, 298
Драматическіе этюды V, 106
Драматическій отрывокъ (Графиня одна, держитъ письмо) V, 41
Дробясь о мрачныя скалы II, 17
Другу стихотворцу, Къ I, 52
Другъ мой милый, красно солнышко V, 161
Дружба I, 401
Друзья, досужный часъ насталъ I, 82
Друзьямъ:
Богами вамъ еще даны I, 217
Вчера былъ день разлуки шумной I, 345
Друзьямъ:
Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю I, 500
Опять я вашъ I, 216
Хочу я завтра умереть I, 152
Друзья, простите I, 223
Дубровскій IV, 166
Дубровы, гдѣ въ тиши свободы I, 289
Духовной жаждою томимъ I, 466
Душа моя Павелъ I, 471
Дѣва I, 304
Дѣвственница (начало 1-й пѣсни) I, 464
Дѣтскія сказочки VI, 151

Евгеній Онѣгинъ III, 7
Попытки вернуться къ нему III, 222
Еврейкѣ I, 316
Египетскія ночи V, 111
Его стиховъ плѣнительная сладость I, 257
Едва уста краснорѣчивы I, 415
Если въ жизни поднебесной I, 524
Если жизнь тебя обманетъ I, 435
Если ѣхать вамъ случится II, 113
Есть въ Россіи городъ Луга I, 263
Есть роза дивная I, 475
Еще одной высокой, важной пѣсни II, 33
Ея глаза I, 504
Ex ungue leonem I, 437

Жалоба (На Д. П. Сѣверина) I, 357
Жалобы, Дорожныя II, 16
Желаніе:
Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы I, 321
Медлительно влекутся дни мои I, 210
Христосъ воскресъ, питомецъ Феба I, 176
Желаніе славы I, 438
Желѣзная маска VI, 439

Женись — на комъ — на Вѣрѣ Чацкой II, 510
Женитьба II, 510
Женихъ I, 419
Живописцу, Къ I, 158
Живъ, живъ курилка I, 434
Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный II, 59
Житье тому, любезный другъ I, 273
Жуковскому, В. А.
Благослови, поэтъ I, 234
Его стиховъ плѣнительная сладость I, 257
Записка I, 276
Когда къ мечтательному міру I, 256
Поминки — г. Шафонскаго и др. II, 511
Штабсъ-капитану, Гёте, Грею I, 238

Забудь, любезный мой Каверинъ I, 246
Забылъ и рощу и свободу I, 416
Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый I, 336
Завѣщаніе (Друзья, простите! Завѣщаю) I, 223
Завѣщаніе друзьямъ (Хочу я завтра умереть) I, 152
Загадка II, 21
Заздравный кубокъ I, 190
Заклинаніе II, 56
Закревской гр. А. Ѳ. (Портретъ) I, 509
Замѣтка къ повѣсти Гоголя «Носъ» VI, 417
Замѣтка о холерѣ VI, 537
Замѣтки грамматическія VI, 129
Замѣтки и статьи VI, 80
Замѣтки мелкія VI, 131
Замѣтки при чтеніи книгъ VI, 35
Замѣтки Пушкина о своихъ произведеніяхъ VI, 496
Замѣчанія на Анналы Тацита VI, 36
Замѣчанія на Пѣснь о Полку Игоревѣ VI, 257
Замѣчанія объ русскомъ театрѣ VI, 9
Замѣчанія, отрывки изъ писемъ, мысли VI, 51
За Netty сердцемъ я летаю I, 516
Записи народныхъ сказокъ V, 171
Записка Жуковскому I, 276
Записка объ изданіи газеты VI, 165
Записка о Сухоруковѣ VI, 72
Записки бригадира Моро-де-Бразе VI, 285
Записки Дуровой Н. А. VI, 326
Записки Лицейскія (отрывки) VI, 473
Записки М. (Русскій Пеламъ) V, 128
Записной книжки, Изъ VI, 532
Записной книжки, т. н. Тарасенкова-Отрѣшкова, Изъ VI, 484
Записокъ, программа VI, 530
Записокъ о Кишиневскомъ періодѣ, программа VI, 544
За старые грѣхи наказанный судьбой I, 290
Затопися, баненька V, 152
За ужиномъ объѣлся я I, 264
Заутра съ свѣчкой грошевою I, 223
Зачѣмъ безвременную скуку I, 467
Зачѣмъ Елена, такъ пугливо II, 32
Зачѣмъ изъ облака выходишь I, 211
Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва I, 225
Зачѣмъ раздался громъ войны? I, 365
Зачѣмъ твой дивный карандашъ I, 505
Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ I, 391
Здорово, Юрьевъ — именинникъ I, 277
Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой I, 381
Здѣсь Пушкинъ погребенъ I, 173
Земли достигнувъ I, 497
Земля и море I, 303
Земля недвижна; неба своды I, 404
Зима мнѣ рыхлою стѣною I, 374

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? II, 18
Зимнее утро II, 19
Зимній вечеръ I, 453
Зимняя дорога I, 470
Злое дитя, старикъ молодой II, 91
Золото и булатъ I, 490
Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ II, 31
Зубову А. Н. (Въ альбомъ) I, 231

И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ II, 32
И вы повѣрить мнѣ могли I, 306
Играй, Адель I, 355
И далѣ мы пошли II, 88
Идиллія Моска I, 303
Извлеченіе изъ нѣмецкой записки объ Абрамѣ Ганнибалѣ VI, 528
Извѣстіе, Литературное II, 28
Издавна мудрые искали I, 191
Издателю «Сына Отечества» VI, 21
Издревле сладостный союзъ I, 389
Измѣны I, 159
Изъ альбома А.П.Кернъ I, 524
Изъ Альфіери I, 489
Изъ Аѳенея II, 91
Изъ Буньяна II, 114
Изъ Wordsworth V, 142
Изъ Гафиза(Не плѣняйся бранной славой) II, 10
Изъ Горація (книга II ода VII: Ad Pompejum) II, 120
Изъ «Дѣвственницы» Вольтера I, 464
Изъ журнала греческаго возстанія VI, 17
Изъ записки къ пріятелю (Сегодня я поутру дома) I, 358
Изъ записки къ пріятелю (Куда же ты? — Въ Москву) II, 51
Изъ записной книжки VI, 532
Изъ записной книжки, т. н. Тарасенкова-Отрѣшкова VI, 484
Изъ кишиневскаго дневника VI, 482
Изъ Ксенофана Колофонскаго II, 91
Изъ Мицкевича, см. Мицкевича
Изъ литературныхъ лѣтописей, Отрывокъ VI, 62
Изъ неоконченной сатиры I, 341
Изъ «Orlando Furioso» I, 461
Изъ VI Пиндемонте II, 136
Изъ письма къ брату I, 413
Изъ письма къ А. Г. Родзянко I, 410
Изъ посвященія «Child Harold» Байрона V, 142
Изъ Сафо:
Діонизіи V, 144
Пѣсенка Афродитѣ V, 143
Изъ Фауста (Сцена) III, 325
Изъ А. Шенье I, 453
Илличевскому, А. Д. (Въ альбомъ) I, 225
Именинницѣ, Къ I, 434
Именины I, 246
И недовѣрчиво и жадно I, 515
Иной имѣлъ мою Аглаю I, 345
Иностранкѣ I, 377
И путникъ усталый на Бога ропталъ I, 406
И скоро, скоро смолкнетъ брань I, 333
Испанскій романсъ I, 409
Истина I, 191
Историческія замѣтки V, 209
Историческія замѣчанія V, 185
Исторія Пугачевскаго бунта V, 213
Исторія села Горюхина IV, 143
Исторія стихотворца I, 233
Источникъ быстрой Каломоны I, 60
И такъ я счастливъ былъ I, 139
И ты, любезный другъ, оставилъ I, 89
Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы I, 509
И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ I, 262

Іонъ Хіосскій II, 91

К. А. Б. I, 210
Кавалеристъ-дѣвица VI, 421
Каверину П. П.:
Забудь, любезный мой Каверинъ I, 246
Къ портрету I, 246
Кавказскій плѣнникъ II, 231
Кавказскій плѣнникъ (Предисловіе Пушкина ко 2 изд.) II, 518
Кавказъ (Кавказъ подо мною) II, 14
Кагульскому памятнику I, 266
Какая ночь! Морозъ трескучій I, 480
Каковъ я прежде былъ I, 504
Какъ брань тебѣ не надоѣла I, 302
Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ II, 70
Какъ весенней теплою порою II, 65
Какъ, живъ еще курилка-журналистъ? I, 434
Какъ за церковью, за нѣмецкою V, 159
Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ V, 157
Какъ наше сердце своенравно I, 364
Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ I, 346
Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой V, 161
Какъ покинула меня Парасковья II, 482
Какъ при вечерѣ, вечерѣ V, 149
Какъ сатирой безымянной II, 29
Какъ сладостно, но, боги, какъ опасно I, 263
Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ II, 135
Какъ у нашего князя V, 153
Калмычкѣ II, 9
Каменный гость III, 361
Камчатскія дѣла V, 447
Quand un poète en son extase I, 232
Канонъ въ честь М. П. Глинки II, 142
Капитанская дочка IV, 303
Картина, Недокончена I, 285
Картину разъ высматривалъ сапожникъ II, 30
Катенина П. А., о сочиненіяхъ VI, 201
Катенину, П. А.:
Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ I, 307
Напрасно, пламенный поэтъ I, 515
Катулла, Изъ II, 120
Каченовскому (Эпиграммы) см. еще: на Каченовскаго II, 28, 29
Кернъ, А. П.:
Изъ альбома I, 524
Когда твои младыя лѣта II, 8
Я помню чудное мгновенье I, 439
Кинжалъ I, 322
Кипренскому, О. А. I, 480
Кирджали IV, 294
Киселеву, Н. Д. I, 509
Кишиневскія дамы I, 343
Клеветникамъ Россіи II, 77
Клеветникъ безъ дарованья I, 335
Ключь къ Ист. Гос. Росс. Н. М. Карамзина VI, 421
Клянусь четой и нечетой I, 401
Кобылица молодая I, 508
Коварность I, 399
Когда бъ не смутное влеченье II, 98
Когда бъ писать ты началъ сдуру I, 302
Когда бывало встарину I, 475
Когда великое свершалось торжество II, 134
Когда владыка ассирійскій II, 131
Когда въ объятія мои II, 83
Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день I, 506
Когда за городомъ задумчивъ я брожу II, 137
Когда ко граду Константина II, 15
Когда къ мечтательному міру I, 256
Когда любовію и нѣгой упоенный I, 438
Когда на поклоненье I, 187
Когда помилуетъ насъ Богъ I, 525

Когда по синевѣ морей I, 303
Когда сожмешь ты снова руку I, 254
Когда средь оргій жизни шумной I, 356
Когда стройна и свѣтлоока I, 524
Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей I, 399
Когда твои младыя лѣта II, 8
Когда-то помню, съ умиленьемъ II, 90
Козакъ I, 105
Козлову I, 436
Кокеткѣ I, 306
Колокольчики звенятъ II, 107
Колосовой, А. М. (Эпиграмма) I, 265
Кольна I, 59
Конискаго, Георгія, собраніе сочиненій VI, 293
Конрадъ Валленродъ I, 494
Конь II, 501
Корану подражанія I, 401
Кормомъ, стойлами, надзоромъ I, 493
Король ходитъ большими шагами II, 473
Кошанскому (Моему Аристарху) I, 170
Краевъ чужихъ неопытный любитель I, 241
Красавица (Въ альбомъ Н. Н. Гончаровой) II, 74
Красавица передъ зеркаломъ I, 305
Красавицѣ, которая нюхала табакъ I, 72
Красы Лаисъ, завѣтные пиры I, 360
Кривцову, Н. И.:
Когда сожмешь ты снова руку I, 254
Не пугай насъ, милый другъ I, 242
Критонъ, роскошный гражданинъ II, 31
Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы I, 321
Кто, волны, васъ остановилъ I, 366
Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ I, 491
Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ II, 120
Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ I, 307
Кто на снѣгахъ возрастилъ II 21,
Кто съ минуту переможетъ I, 79
Кубокъ тяжелый I, 190
Куда же ты? — Въ Москву II, 51
Куда ты холоденъ и сухъ! I, 357
Couplets I, 232
Къ А. Б. I, 210
Къ Алексѣеву Н. С. I, 469
Къ Баратынскому I, 455
Къ баронессѣ Дельвигъ М. А. I, 140
Къ Батюшкову I, 85
Къ брату I, 358
Къ вельможѣ (Кн. Юсупову) II, 21
Къ Вяземскому П. А. кн. I, 466
Къ Галичу А. И. I, 126
Къ Глинкѣ, Ѳ. Н. I, 356
Къ Дельвигу I, 145
Къ другу стихотворцу I, 52
(Къ женѣ): Пора, мой другъ, пора! II, 142
Къ живописцу I, 158
Къ Жуковскому I, 234
Къ именинницѣ I, 434
Къ Каверину I, 246
Къ Кагульскому памятнику (Элегія) I, 266
Къ Кернъ, А. П.:
Когда твои младыя лѣта II, 8
Я помню чудное мгновенье I, 439
Къ *** (Княжнѣ Хованской) I, 478
Къ Ломоносову, Н. Г. I, 89
Къ Машѣ I, 173
Къ *** (Мой другъ, забыты мной слѣды) I, 328
Къ моей чернильницѣ I, 312
Къ молодой актрисѣ I, 77
Къ молодой вдовѣ I, 221
Къ Морфею I, 208
Къ морю I, 378
Къ Натальѣ I, 74
Къ Наташѣ I, 215
Къ ней (Въ печальной праздности я лиру забывалъ) I, 247
Къ ней (Эльвина, милый другъ) I, 210
Къ *** (Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой) I, 241

Къ Н*** (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ) II, 114
Къ N. N. (Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ) II, 11
Къ нянѣ I, 492
Къ Овидію I, 330
Къ письму I, 209
Къ портрету Вяземскаго кн. П. А. I, 299
Къ портрету Жуковскаго I, 257
Къ портрету Каверина I, 246
Къ портрету Чаадаева П. Я. I, 246
Къ принцу Оранскому I, 196
Къ Пущину, И. И. см. еще: Пущину, И. И. I, 124
Къ Родзянко А. Г. I, 440
Къ сестрѣ I, 56
Къ *** (Суровый Дантъ не презиралъ сонета) II, 40
Къ *** (Счастливъ, кто избранъ своенравно) I, 509
Къ тебѣ сбирался я давно I, 476
Къ товарищамъ I, 230
Къ *** (Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ) I, 391
Къ *** (Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья) I, 478
Къ *** (Ты правъ мой другъ) I, 359
Къ тѣни полководца II, 75
Къ Чаадаеву, П. Я. I, 259
Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ I, 260
Къ чему холодныя сомнѣнья? I, 295
Къ Юрьеву, Ѳ. Ф.
Здорово, Юрьевъ именинникъ! I, 277
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ I, 258
Къ Языкову, Н. М.:
Къ тебѣ сбирался я давно I, 476
Издревле, сладостный союзъ I, 389
Языковъ! кто тебѣ внушилъ I, 483
Кюхельбекеру, В. К.:
Мечтателю I, 261
Разлука I, 229
Эпиграмма. I, 224
Леда I, 69
Лемносскій богъ тебя сковалъ I, 322
Лещинскій околѣлъ I, 524
Лида, другъ мой неизмѣнной I, 221
Лидѣ:
Письмо I, 244
Посланіе I, 188
Лизѣ страшно полюбить I, 334
Лила, Лила, я страдаю (Лилѣ) I, 221
Лилѣ (Лила, Лила, я страдаю) I, 221
Литературное извѣстіе II, 28
Литературное общество VI, 69
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ I, 412
Лицейскихъ стихотвореній списокъ VI, 460
Лицейскія годовщины:
1825 I, 446
1827 I, 484
1828 I, 515
1831 II, 81
1836 II, 140
Лицейскія записки (отрывки) VI, 473
Лицинію (Лициній зришь ли ты) I, 147
Лишь благосклонный мракъ раскинетъ I, 244
Лишь розы увядаютъ I, 458
Ломоносову, Н. Г. I, 89
Лордъ Байронъ VI, 280
Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ I, 478
Любви, надежды, гордой славы I, 259
Любезный именинникъ I, 124
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ I, 258
Любимецъ моды легкокрылой I, 480
Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный I, 351
Люблю я въ полдень воспаленной I, 154
Любовь одна — веселье жизни хладной I, 204
Любовью, дружествомъ и лѣнью I, 238
Любопытный I, 521

Мадона II, 39
Мальчику (Изъ Катулла) II, 120
Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ II, 29
Мансурову, П. Б. (Мансуровъ, закадышный другъ) I, 281
Марья Шонингъ V, 80
Марко Якубовичъ II, 486
Массонъ, Олинькѣ I, 293
Матеріалы для исторіи Петра Великаго V, 404
Машѣ, Къ I, 173
Мая 26, 1828 I, 508
Медлительно влекутся дни мои I, 210
Медокъ II, 71
Между горъ по каменью V, 151
Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ I, 308
Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ I, 425
Метель IV, 127
Мечтатель I, 128
Мечтателю (В. К. Кюхельбекеру) I, 261
Мечты, мечты I, 209
Мигъ вожделѣнный насталъ II, 69
Митрополиту Филарету, стансы II, 37
Митрополитъ, хвастунъ безстыдный I, 253
Мицкевича, Изъ:
Будрысъ и его сыновья II, 101
Воевода II, 98
Конрадъ Валленродъ I, 494
Мицкевичъ (Онъ между нами жилъ) II, 117
Младенцу I, 416
Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой I, 150
Мнѣ бой знакомъ I, 292
Мнѣ васъ не жаль, года весны моей I, 296
Мнѣ жаль Великія Жены I, 414
Мнѣ не спится, нѣтъ огня II, 57
Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности VI, 329
Мое завѣщаніе друзьямъ I, 152
Моей чернильницѣ, Къ I, 312
Моему Аристарху I, 170
Мое собранье насѣкомыхъ I, 522
Мой голосъ, для тебя и ласковый и томный I, 370
Мой другъ, забытымной слѣды минувшихъ лѣтъ I, 328
Мой другъ, не славный я поэтъ I, 225
Мой другъ уже три дня I, 358
Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ VI, 9
Мой милый другъ, разстался я съ тобою I, 212
Мой милый, какъ несправедливы I, 318
Мои мысли о Шаховскомъ VI, 7
Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный I, 469
Молитва (Отцы пустынники и жены непорочны) II, 137
Молодой актрисѣ, Къ I, 77
Молодой вдовѣ, Къ I, 221
Монастырь на Кавзбекѣ II, 14
МонологъИзабеллы изъ трагедіи Альфіери: Филиппъ II I, 489
Mon portrait I, 91
Мордвинову Н. С. I, 456
Морозъ и солнце — день чудесный II, 19
Морфей, до утра дай отраду I, 208
Морю, Къ I, 378
Моска идиллія I, 303
Моцартъ и Сальери (Замѣтка) VI, 203
Моцартъ и Сальери (трагедія) III, 350
Моя родословная, или русскій мѣщанинъ II, 51
Моя эпитафія I, 173
Муза I, 305
Муравьеву, А. К. (Эпиграмма) I, 478
Мчатся тучи, вьются тучи II, 42
Мы рождены, мой братъ названый II, 72
Мысли по дорогѣ VI, 207
Мѣдный всадникъ II, 445
Мѣсяцъ I, 211

На А. (экспромтъ) I, 223
На Аракчеева I, 292
На Булгарина, Ѳ. В. эпиграммы II, 38
Нависъ покровъ угрюмой нощи I, 108
На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г. I, 136
На Воронцова:
Полугерой — полуневѣжда I, 378
Сказали разъ царю I, 410
Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ I, 418
На выздоровленіе Лукулла II, 127
На Глинку, Ѳ. Н. I, 419
Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну I, 374
Надеждину (Эпиграммы) II, 29, 30
Надинька (Эльвина) V, 7
Надо мной въ лазури ясной II, 72
На Дондукова-Корсакова, кн. М. А. II, 131
Надо помянуть II, 511
Надпись къ бесѣдкѣ I, 208
Надпись надгробная кн. А. Н. Голицыну I, 374
Надъ лѣсистыми брегами II, 40
НадъНевою рѣзво вьются II, 125
Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ I, 283
Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже II, 493
Надѣясь на мое презрѣнье II, 30
На зарѣ то было, братцы, на утренней V, 169
На Испанію родную II, 103
На картинки къ «Евгенію Онѣгину» въ «Невскомъ альманахѣ» II, 11
На Каченовскаго, М. Т.:
Безсмертною рукой I, 257
Какъ! живъ еще курилка-журналистъ? I, 434
Клеветникъ безъ дарованья I, 335
Хаврониосъ! ругатель закоснѣлый I, 301
На Колосову, А. М. I, 265
На Кюхельбекера I, 224
На лирѣ скромной, благородной I, 265
На лицейскаго дядьку I, 223
На переводъ Жуковскаго «Тлѣнность» I, 262
На переводъ Иліады II, 64
Наперсникъ I, 509
Наперсница волшебной старины I, 316
Наперсница моихъ сердечныхъ думъ I, 337
На Петербургское наводненіе I, 411
Наполеонъ I, 324
Наполеонъ на Эльбѣ I, 142
На поэму кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова I, 114
Напрасно ахнула Европа I, 411
Напрасно видишь тутъ ошибку II, 12
Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить I, 289
Напрасно, пламенный поэтъ I, 515
Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ II, 110
На Разумовскаго графа А. К. I, 114
На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ I, 397
Наслажденіе I, 207
На смерть стихотворца I, 224
На статуи:
1. Мальчика, играющаго въ бабки (работы Н. Пименова) II, 139
2. Мальчика, играющаго въ свайку (работы Н. Логановскаго) II, 139
На Стурдзу, А. С. I, 277
Насъ было много на челнѣ I, 479
Натальѣ, Къ I, 74
Наташѣ, Къ I, 215
На тихихъ берегахъ Москвы I, 365
На Толстого, Ѳ. И. I, 293
На холмахъ Грузіи II, 9
Начало 1-й пѣсни «Дѣвственницы» Вольтера I, 464
Начало повѣсти (Въ еврейской хижинѣ лампада) II, 86

Начало поэмы (Альфонсъ) II, 86
Начало сказки (Въ Юрзуфѣ бѣдный музульманъ) I, 339
Начало сказки (Какъ весенней теплою порою) II, 65
Нашъ другъ Ѳита, Кутейкинъ въ эполетахъ I, 419
Наѣздники I, 191
На это скажутъ мнѣ II, 113
На языкѣ, тебѣ невиятномъ I, 377
Не бѣлинька береза къ землѣ клонится V, 490
Неводъ рыбакъ разстилалъ II, 51
Невѣдомскій — поэтъ I, 524
Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ I, 243
Недавно я, въ часы свободы I, 317
Недавно я стихами какъ то свистнулъ I, 437
Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума II, 107
Недаромъ вы приснились мнѣ I, 405
Не два волка въ оврагѣ грызутся II, 491
Недвижный стражъ дремалъ I, 371
Недоконченная картина I, 275
Не дорого цѣню я громкія права II, 136
Не знаю гдѣ, но не у насъ I, 496
Нельзя, мой толстый Аристиппъ! I, 376
Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ II, 39
Не мысля гордый свѣтъ забавить I, 496
Ненастный день потухъ I, 392
Не плѣняйся бранной славой II, 10
Не пой, красавица, при мнѣ I, 505
Не притворяйся, милый другъ I, 352
Не пугай насъ, милый другъ I, 242
Нереида I, 301
Не розу паѳосскую II, 122
Не смѣю вамъ стихи Баркова I, 524
Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой I, 241
Не стану я жалѣть о розахъ I, 298
Несчастіе Клита I, 114
Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ II, 38
Не то бѣда, что ты полякъ II, 38
Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ I, 338
Не шуми, мати зеленая дубровушка V, 164
Ни блескъ ума, ни стройность платья I, 334
Н. Н. I, 455
Новоселье II, 70
Новый романъ: Село Михайловское VI, 416
Ночной зефиръ I, 409
Ночь I, 370
Но я не тотъ! мои златые годы I, 288
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина VI, 187
Нѣтъ, не черкешенка она I, 472
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати I, 356
Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я II, 85
Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ II, 84
Нѣтъ, я не льстецъ I, 500
Нянѣ I, 492

О Байронѣ VI, 49
Обвалъ II, 17
Обиженный журналами жестоко II, 28
Объ Абрамѣ Ганнибалѣ, изъ нѣмецкой записки извлеченіе VI, 528
Объ исторіи поэзіи Шевырева VI, 291
Объ исторіи пугачевскаго бунта (Разборъ статьи Броневскаго) V, 468
Объ обязанностяхъ человѣка. Соч. С. Пеллико VI, 409
Объ русскомъ театрѣ, мои замѣчанія VI, 9

Объясненіе (О стихотв. «Полководецъ») II, 512
О, бѣдность! затвердилъ я наконецъ II, 132
О вдохновеніи и восторгѣ VI, 24
Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ I, 330
Овидію, Къ I, 330
О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ I, 226
Огаревой Е. С., которой митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада I, 253
О, Геліосъ, внемли I, 367
О г-жѣ Сталь и г. А. М-вѣ VI, 25
О горе, горе то невѣстино V, 152
Ода «Вольность» I, 268
Ода Его Сіятельству гр. Д. И. Хвостову I, 441
Ода LV (Узнаемъ коней ретивыхъ) II, 118
Ода LVI (Порѣдѣли, побѣлѣли) II, 118
Ода LVII (Что же сухо въ чашѣ дно) II, 119
О дворянствѣ VI, 194
О Делія драгая! I, 51
Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ V, 160
Однажды, странствуя среди долины дикой II, 114
О драмѣ VI, 140
Оды Анакреона II, 118
О дѣва-роза! Я въ оковахъ I, 297
О если правда, что въ ночи II, 56
О, жены чистыя пророка! I, 402
О запискахъ Видока VI, 95
О запискахъ Самсона VI, 86
Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ V, 164
книгѣ А. Н. Муравьева: Путешествіе къ Св. Мѣстамъ VI, 199
Окно I, 206
О кто бы ни былъ ты II, 41
Октябрь ужъ наступилъ II, 47
Октября 19, см. Годовщины Лицейскія
Олеговъ щитъ II, 15
Олениной, А. А.
Городъ пышный, городъ бѣдный I, 503
Примѣты II, 7
Олинькѣ Массонъ I, 293
Ольга, крестница Киприды I, 293
О мертвой царевнѣ (запись нар. сказки) V, 181
Она мила, скажу межъ нами I, 504
О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая» VI, 422
О муза пламенной сатиры II, 73
О народномъ воспитаніи VI, 41
О народности въ литературѣ VI, 40
О неблаговидности нападокъ на дворянство VI, 98
О новѣйшихъ романахъ VI, 194
Она («Печаленъ ты: признайся, что съ тобой?») I, 223
On peut très bien, mademoiselle I, 216
Онъ вышней волею небесъ I, 246
Онъ между нами жилъ II, 117
О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла II, 35
О попѣ и балдѣ (запись нар. сказки) V, 176
О попѣ и работникѣ его Балдѣ, сказка III, 468
О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова VI, 28
О приличіи въ литературѣ (По поводу А. де Мюссе) VI, 139
О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности VI, 22
Опытность I, 79
Опять увѣнчаны мы славой II, 73
Опять я вашъ, о юные друзья I, 216
О разговорѣ у кн. Халдиной, Фонъ-Визина VI, 88
Оранскому принцу I, 196
Orlando furioso, Изъ I, 461
Орлову, А. Ѳ. I, 272
О русскихъ словахъ, взятыхъ съ франц. VI, 137

О русской литературѣ (съ очеркомъ французской) VI, 266
О святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, Словарь VI, 412
Осгаръ I, 66
Осеннее утро I, 214
Осень II, 47
О, сжальтесь надо мною I, 155
Осиповой, А. И.:
Я васъ люблю, хоть я бѣшусь I, 408
Осиповой, П. А.:
Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ I, 437
Послѣдніе цвѣты I, 446
О слогѣ VI, 19
О слѣпомъ царѣ и любовникахъ его жены (запись нар. сказки) V, 178
О смѣлости выраженій VI, 60
О сочиненіяхъ П. А. Катенина VI, 201
Оссіану подражаніе I, 59
Оставя честь судьбѣ на произволъ I, 336
Остатки программы поэмы изъ исторіи X и XI вѣковъ V, 12
О стихотвореніи «Демонъ» VI, 485
О Сухоруковѣ (записка) VI, 72
Отвѣтъ анониму II, 41
Отвѣтъ Готовцовой, А.И. I, 515
Отвѣтъ Катенину, П. А. I, 515
Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь гос. имп. Елисаветы Алексѣевны I, 265
Отвѣтъ Тумапскому, Ѳ. А. I, 472
Отвѣтъ Ушаковой, Е.Н. II, 36
Отзывъ на «Исторію Русскаго Народа» Н. Полеваго V, 193
Откуда чудный шумъ, неистовые клики?... I, 250
Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился I, 374
О «Трехъ повѣстяхъ» Павлова VI, 289
Отрокъ II, 51
Отрокъ милый, отрокъ нѣжный II, 122
Отрывки изъ лицейскихъ записокъ VI, 473
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія VI, 51
Отрывки изъ романа въ письмахъ V, 18
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей VI, 52
Отрывокъ (Какая ночь! Морозъ трескучій) I, 480
Отрывокъ (Когда въ объятія мои) II, 83
Отрывокъ (Кормомъ, стойлами и надзоромъ) I, 493
Отрывокъ (На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла) II, 9
Отрывокъ (Недвижный стражъ дремалъ) I, 371
Отцы-пустынники и жены непорочны II, 137
Отъ издателя Повѣстей Бѣлкина IV, 53
Отъ меня вечоръ Леила II, 119
Отъ редакціи (о сборникѣ кн. Вяземскаго) VI, 420
Отъ редакціи (Пять замѣтокъ) VI, 417
Отъ редакціи (о «Хроникѣ русскаго въ Парижѣ» А. И. Тургенева) VI, 327
Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ II, 21
О ты, который сочеталъ (Набросокъ) I, 472
О ты, который сочеталъ (Орлову) I, 272
О холерѣ VI, 537
Охотникъ до журнальной драки I, 411
Охъ, тетенька! охъ Анна Львовна! I, 435
О царѣ Кащеѣ (запись народной сказки) V, 177
О царѣ подземномъ, Иванѣ царевичѣ и Марьѣ царевнѣ (запись нар. сказки) V, 173
О царѣ Султанѣ (запись нар. сказки) V, 171
О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь? I, 443
О чемъ шумите вы, народные витіи II, 77
О Шаховскомъ, мои мысли VI, 7
О Эгельстромъ! Я восхищенный I, 517

Пажъ, или пятнадцатый годъ II, 44
Памятнику, Кагульскому I, 266
Панаеву, В. И. (Русскому Геснеру) I, 357
Парни (Переводы и подражанія):
Добрый совѣтъ I, 245
Къ живописцу I, 158
Леда I, 69
Любовь одна веселье жизни хладной I, 204
Морфею I, 208
Осгаръ I, 66
Письмо къ Лидѣ I, 244
Прозерпина I, 380
Фавнъ и пастушка I, 177
Эвлега I, 64
Я видѣлъ смерть I, 213
Первое посланіе цензору I, 393
Переводы:
Изъ Альфіери I, 489
Изъ Аріосто I, 461
Изъ Вольтера I, 243, 464
Изъ Гонзаго I, 451
Изъ Мицкевича I, 494 II, 98, 101
Изъ Парни, см. Парни
Изъ Сафо V, 143
Изъ Шенье I, 400, 453, 483
Народныхъ пѣсенъ на франц. яз. V, 164
(Передъ бюстомъ Александра I) II, 12
Передъ гробницею святой II, 75
Перестрѣлка за холмами II, 12
Печаленъ ты: признайся, что съ тобой? I, 223
Пиковая дама IV, 259
Пиндемонте, Изъ II, 136
Пирующіе студенты I, 82
Пиръ, Веселый I, 288
Пиръ во время чумы III, 399
Пиръ Петра Великаго II, 125
Письмо къ Лидѣ I, 244
Письмо, Сожженное I, 432
Письму, Къ I, 209
Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ I, 287
Платоническая любовь I, 280
Плетневу, П. А.
Не мысля гордый свѣтъ забавить I, 496
Ты издалъ дядю моего I, 417
Плещутъ волны Флегетона I, 380
Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ I, 444
Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ I, 345
Повѣсти Бѣлкина IV, 51
Погасло дневное свѣтило I, 294
Погребъ I, 155
Поднялся шумъ; свирѣлью полевой I, 214
Подражанія:
Анакреону I, 508
Арабскому II, 122
Байрону I, 294
Barry Cornwall II, 63, 68
Данту II, 88
Древнимъ II, 91
Итальянскому II, 135
Корану I, 401
Оссіану I, 59
Парни, см. Парни
Пѣсни Пѣсней I, 433
Турецкой пѣснѣ I, 297
Французскому I, 114
Шенье, А. I, 400
Подруга дней моихъ суровыхъ I, 492
Подруга думы праздной I, 312
Подъ вечеръ, осенью ненастной I, 90
Подъ небомъ голубымъ I, 457
Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ I, 456
Подъѣзжая подъ Ижоры I, 516
Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ I, 114
Позволь душѣ моей открыться предъ тобой I, 262
Поздно ночью изъ похода II, 98
Пой въ восторгѣ, русскій хоръ II, 142
По камнямъ гробовымъ I, 66
Пока не требуетъ поэта I, 482
Пока супругъ тебя, красавицу младую I, 417
Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ I, 224
Покойны чувства, ясенъ умъ I, 363

Покровъ,упитанный язвительною кровью I, 453
Полевой, «Исторія русскаго народа» (Отзывъ) V, 193
Полководецъ II, 122
Полтава II, 342
Полу-герой, полу-невѣжда I, 378
Полюбилъ Королевичъ Янышъ II, 498
Полюбуйтесь же вы, дѣти II, 98
Помилуй, трезвой Аристархъ I, 170
Поминки (г. Шафонскаго и пр.) II, 511
Помнишь ли, мой братъ по чашѣ I, 156
Помѣстья мирнаго незримый покровитель I, 284
По небу крадется луна I, 128
Попутный вѣетъ вѣтръ II, 71
Попытки вернуться къ «Евг. Онѣг.» III, 222
Пора, мой другъ, пора! II, 142
Портрету, Къ
Вяземскаго, П. А. I, 299
Жуковскаго I, 257
Каверина I, 246
Чаадаева I, 246
Портретъ(Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ) I, 233
Портретъ (Съ свой пылающей душой) I, 509
Portrait (Mon) I, 91
Порѣдѣли, побѣлѣли II, 118
Посвященіе IV и V гл. «Евг. Онѣгина» I, 496
Посланія:
Алексѣеву I, 318, 469
Брату I, 358
Всеволожскому I, 277
Вульфу I, 381
Въ Сибирь I, 472
Галичу I, 132
Горчакову I, 194
Дельвигу I, 145, 238, 484, II, 72
Жуковскому I, 234
Козлову I, 436
Лидѣ I, 188
Ломоносову I, 89
Орлову I, 272
Пушкину, В. Л. I, 248
Пущину I, 156, 469
Тургеневу, А. И. I, 291
Посланія:
Цензору I, 393, 397
Чаадаеву I, 259, 295, 310
Шишкову I, 218
Щербинину I, 273
Эгельстрому I, 517
Юдину I, 162
Юрьеву I, 258, 277
Юсупову II, 21
Языкову I, 389, 476, 483
Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ I, 262
Послушай, музъ невинныхъ I, 145
Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя I, 141
«Послѣдній день Помпеи», картина Брюллова II, 132
Послѣдніе цвѣты I, 446
Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ VI, 434
Послѣдній разъ въ сѣни уединенья I, 229
Послѣдняя туча разсѣянной бури II, 124
Похоронная пѣсня II, 485
Поѣдемъ я готовъ II, 26
Поэту (Поэтъ, не дорожи любовію народной) II, 38
Поэтъ I, 482
Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій II, 12
Поэтъ идетъ. Открыты вѣжды II, 132
Поэтъ, не дорожи любовію народной II, 38
Поэтъ по лирѣ вдохновенной I, 519
Предисловіе Пушкина ко 2 изд. «Кавказскаго Плѣнника» II, 518
Предисловіе Пушкина ко 2 изд. «Руслана и Людмилы» II, 513
Предчувствіе I, 510
Предъ испанкой благородной II, 64
Предъ рыцаремъ блеститъ вода I, 461
Презрѣвъ и шопотъ укоризны I, 413
Прелестницѣ (Штейнгель) I, 260
Прибѣжали въ избу дѣти I, 512

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ I, 274
Признаніе I, 408
Приложеніе къ «Дубровскому» IV, 522
Приложенія къ «Евг. Онѣгину»:
1. Странствіе Онѣгина III, 195
2. Альбомъ Онѣгина III, 210
Прими сей черепъ, Дельвигъ I, 484
Примите Невскій Альманахъ I, 455
Примѣты (Старайся наблюдать различныя примѣты) I, 350
Примѣты (А. А. Олениной) (Я ѣхалъ къ вамъ) II, 7
Примѣчанія къ исторіи Пугачевскаго бунта V, 331
Примѣчаніе къ отрывку изъ рукоп. Карамзина «О древней и новой Россіи» VI, 422
Примѣчаніе къ письму А. Б. — «О статьѣ Гоголя» VI, 417
Примѣчаніе къ разсказу Султанъ Казы-Гирея «Долина Ажитугай» VI, 301
Принцу Оранскому, Къ I, 196
Приписка Пушкина въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Жуковскому: Господина Шафонскаго II, 511
Притча II, 30
Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ I, 418
Пріятелю (Изъ записки) Куда же ты? — Въ Москву II, 51
(Изъ записки) Сегодня я поутру дома I, 358
Не притворяйся, милый другъ I, 352
Пріятелямъ I, 418
Пробужденіе I, 209
Программа Вадима V, 14
Программа драмы изъ эпохи царевны Софьи V, 16
Программа драмы о папессѣ Іоаннѣ V, 109
Программа журнала VI, 198
Программа записокъ VI, 530
Программа записокъ о Кишиневскомъ періодѣ VI, 544
Программа и отрывки изъ комедіи въ стихахъ V, 8
Программа по исторіи Малороссіи V, 192
Программы поэмы изъ разбойничьей жизни V, 14
Прозаикъ и поэтъ I, 443
Прозерпина I, 380
Пройдетъ любовь, умрутъ желанья I, 231
Проклятый городъ Кишиневъ I, 375
Промчались годы заточенья I, 230
Пророкъ I, 466
Прости мнѣ, милый другъ I, 92
Прости, счастливый сынъ пировъ I, 277
Простите, вѣрныя дубравы I, 238
Прости, украинскій мудрецъ I, 410
Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты I, 368
Простой воспитанникъ природы I, 286
Прощай любезная калмычка II, 9
Прощай, отшельникъ бессарабской I, 469
Прощай, письмо любви I, 432
Прощай, свободная стихія! I, 378
Птичка I, 351
Пускай, не знаясь съ Аполлономъ I, 131
Пускай поэтъ съ кадильницей наемной I, 197
Пускай угрюмый риѳмотворъ I, 126
Пустое вы сердечнымъ ты I, 507
Путешествіе В. Л. П. (О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ VI, 256
Путешествіе въ Арзрумъ IV, 460
Пучкова, право, не смѣшна I, 225
Пушкину, В. Л.: (Скажи, парнасскій мой отецъ) I, 248

Пушкину, Л. С. I, 358
Пущину, И. И.:
Воспоминаніе I, 156
Въ альбомъ I, 228
Любезный именинникъ I, 124
Мой первый другъ I, 469
Пущину, П. С. I, 333
Пью за здравіе Мери II, 68
Пьяной горечью Фалерна II, 120
Пѣвецъ I, 212
Пѣвецъ Давидъ былъ ростомъ малъ I, 418
Пѣвецъ! издревле межъ собою I, 415
Пѣвецъ, когда передъ тобой I, 436
Пѣсенка Афродитѣ (Изъ Сафо) V, 143
Пѣсни:
Вакхическая I, 432
О Дслія драгая! I, 51
Пью за здравіе Мери II, 68
Шотландская I, 523
Пѣсни западныхъ славянъ
Предисловіе къ изданію 1835 г. II, 471
I. Видѣніе короля II, 473
II. Янко Марнавичъ II, 476
III. Битва у Зеницы-Великой II, 478
IV. Ѳеодоръ и Елена II, 479
V. Влахъ въ Венеціи II, 482
VI. Гайдукъ Хризичъ II, 484
VII. Похоронная пѣсня II, 485
VIII. Марко Якубовичъ II, 486
IX. Бонапартъ и черногорцы II, 489
X. Соловей II, 491
XI. Пѣсня о Георгіи Черномъ II, 491
XII. Воевода Милошъ II, 493
XIII. Вурдалакъ II, 494
XIV. Сестра и братья II, 494
XV. Янышъ Королевичъ II, 498
XVI. Конь II, 501
XVII. Отрывокъ II, 502
Пѣсни западныхъ славянъ
Примѣчанія къ «Пѣснямъ зап. слав.» II, 503
Пѣсни, народныя, въ записяхъ и передѣлкахъ Пушкина:
Береза бѣлая V, 149
Бѣжитъ рѣчка по песку V, 148
Во городѣ то было во Астрахани V, 156
Во лѣсахъ дремучіихъ V, 160
Во славномъ городѣ во Кіевѣ V, 157
Въ сыромъ бору на клену V, 155
Другъ мой милый, красно солнышко мое V, 161
Затопися, баненька V, 152
Какъ въ дому-то березонька V, 150
Какъ за церковью за нѣмецкою V, 159
Какъ на утренней зарѣ V, 157
Какъ по Волгѣ рѣкѣ V, 161
Какъ при вечерѣ, вечерѣ V, 149
Какъ у нашего князя V, 153
Между горъ по каменью V, 151
Не бѣлинька береза къ землѣ клонится V, 490
О горе, горе-то невѣстино V, 152
Одинъ-то былъ у отца, у матери V, 160
Собрала невѣста подружекъ V, 150
Трубчистая коса V, 154
Тутo жилъ-поживалъ господинъ Волконскій князь V, 147
Ходилъ Стенька Разинъ V, 162
Что ни конскій топъ, ни людская молвь V, 163
Ягода съ ягодой сокатилася V, 151

Пѣсни народныя, переведенныя Пушкинымъ на франц. яз. См. Переводы.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ I, 346
Пѣснь Пѣсней (подражанія) I, 433
Пѣсня (О, Делія драгая!) I, 51
Пѣсня о Георгіи Черномъ II, 491
Пѣсня о сынѣ Сеньки Разина V, 156
Пѣсня (Пью за здравіе Мери) II, 68
Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ II, 44

Радищевъ, Александръ VI, 302
Радивой поднялъ желтое знамя II, 478
Раевскій, молоденецъ прежній I, 276
Раевскому А. Н. (Демонъ) I, 369
(Разборъ статьи Броневскаго) Объ исторіи пугачевскаго бунта V, 468
Разборъ пословицъ VI, 138
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ I, 382
Раззѣвавшись отъ обѣдни I, 343
Разлука:
Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья I, 229
Унылые I, 212
Разставаніе II, 46
Разсудокъ и любовь I, 150
Разумовскому гр. А. К. (Эпиграмма) I, 114
Разъ, полуночной порою I, 105
Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ II, 75
Ризничъ, Ам.
(на ея смерть) I, 457
Элегія (Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты) I, 368
Рифма II, 69
Рифма — звучная подруга I, 525
Родзянкѣ, А. Г.
Прости, украинскій мудрецъ I, 410
Родзянкѣ, А. Г.
Ты обѣщалъ о романтизмѣ I, 440
Родословная моего героя II, 414
Родословная, Моя II, 51
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ VI, 522
Родригъ II, 103
«Родригъ» (строфы къ нему) II, 112
Роза I, 159
Романсъ (Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный) II, 59
Романсъ (Подъ вечеръ, осенью ненастной) I, 90
Ромео и Джульета, Шекспира VI, 71
Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ I, 446
Рославлевъ V, 44
Россетти, А. О. въ альбомъ II, 84
Россійская академія VI, 319
Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый II, 45
Русалка (Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ) I, 283
Русалка III, 409
Русланъ и Людмила II, 144
Русланъ и Людмила (Предисловіе Пушкина ко 2 изд.) II, 513
Русскій Пеламъ V, 128
Русскому Геснеру I, 357
Рыцарь, Сраженный I, 141
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда I, 301

Сабуровъ, ты оклеветалъ I, 418
Сальери и Моцартъ (замѣтка) VI, 203
Сапожникъ, притча II, 30
Сатира неоконченная (наброски) I, 341
Сатирикъ и поэтъ любовный I, 445
Сафо I, 436
Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ II, 92
Свободы сѣятель пустынный I, 371
Сводня грустно за столомъ I, 498

Себѣ ты выбралъ, Зензевей I, 365
Сегодня, добрые мужья I, 185
Сегодня я поутру дома I, 358
Семейственной любви I, 458
Септъ-Бева и Делорма, стихотворенія VI, 168
Сестра и братья II, 494
Сестрѣ, Къ I, 56
Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой I, 350
Сія пустынная страна I, 353
Скажи, какія заклинанья I, 289
Скажи мнѣ, ночь I, 460
Скажи, парнасскій мой отецъ I, 248
Скажи, что новаго? I, 224
Сказали разъ царю I, 410
Сказка о Золотомъ пѣтушкѣ III, 499
Сказка о мертвой царевнѣ III, 481
Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ III, 468
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ III, 474
Сказка о царѣ Никитѣ I, 361
Сказка о царѣ Салтанѣ III, 437
Сказки (Noël) I, 255
Сказочки, дѣтскія VI, 151
Сквозь волнистые туманы I, 470
Скребницей чистилъ онъ коня II, 93
Скупой рыцарь III, 330
Славная флейта, Θеонъ II, 91
Слеза I, 169
Сленину, И. В. I, 521
Слово милой I, 221
Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной I, 212
Слышу умолкнувшій звукъ II, 64
Смирдинъ меня въ бѣду повергъ II, 75
Смутясь, нахмурился пророкъ I, 402
Смѣясь жестоко надъ собратомъ II, 51
Снова тучи надо мною I, 510
Сновидѣніе I, 243
Соболевскому, С. А. I, 468
Собрала невѣста подружекъ V, 150
Собраніе насѣкомыхъ I, 522
Совѣтъ I, 444
Совѣтъ, Добрый I, 245
Сожженное письмо I, 432
Сокрылся онъ I, 319
Соловей I, 475
Соловей (Соловей мой, соловейко) II, 491
Соловей и кукушка I, 444
Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду I, 489
Сонеты:
Суровый Дантъ не презиралъ сонета II, 40
Мадона I, 39
Поэту I, 38
Сонъ I, 197
Сосницкой, Е. Я., въ альбомъ I, 261
Составленъ онъ изъ подлой спѣси I, 335
Сосѣдство ваше намъ опасно I, 460
Сраженный рыцарь I, 141
Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду I, 301
Среди разсѣянной Москвы I, 477
Средь темной рощицы I, 69
Стамати былъ старъ и безсиленъ II, 479
Стамбулъ гяуры нынче славятъ II, 54
Stances (Avez-vous vu la tendre rose) I, 73
Стансы (Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ) II, 26
Стансы (Въ надеждѣ славы и добра) I, 470
Стансы (митроп. моск. Филарету на передѣлку имъ стиховъ «26 мая 1828») II, 37
Стансы (Ты мнѣ велишь пылать душою) I, 243
Стансы (Философъ ранній, ты бѣжишь) I, 282
Станціонный смотритель IV, 69
Старайся наблюдать различныя примѣты I, 350
Старикъ I, 149
Статуя, Царско-сельская II, 69
Статьи и замѣтки VI, 80

Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы II, 57
Стихъ каждый повѣсти твоей I, 455
Стишки для васъ одна забава I, 382
Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ I, 494
Стою печаленъ — на кладбище II, 72
Странникъ (Изъ Буньяна) II, 114
Странствіе Онѣгина (Приложенія къ «Евг. Он.») III, 195
Страшно и скучно II, 33
Стрекотунья бѣлобока I, 457
Строфы къ стихотворенію «Родригъ» II, 112
Студенты, Пирующіе I, 82
Судьба свои дары явить желала въ немъ I, 299
Султанъ ярится I, 441
Супругою твоей я такъ плѣнился I, 114
Суровый Дантъ не презиралъ сонета II, 40
Сцены изъ рыцарскихъ временъ V, 87
Сцена изъ Фауста III, 325
Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный I, 265
Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ I, 214
Счастливъ, кто избранъ своеправно I, 509
Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ II, 11
Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ I, 436
Съ благоговѣйною душой I, 208
Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу II, 485
Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ II, 114
Съ португальскаго I, 451
Съ пятнадцатой весною I, 177
Съ своей пылающей душой I, 509
Съ тобою древле, о Всесильный I, 404
Съ французскаго V, 36
Сѣверину, Д. П. (Жалоба) I, 357
Сѣтованіе I, 317
Table Talk (Анекдоты) VI, 442
Таврида I, 363
Такъ, и мнѣ узнать случилось I, 74
Такъ море, древній душегубецъ I, 466
Такъ элегическую лиру I, 501
Талисманъ I, 474
Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій II, 28
Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ I, 474
Тамъ звѣзда зари взошла I, 451
Тамъ на брегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный I, 302
Твой и мой I, 208
Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ I, 509
Тебѣ, наперсница Венеры I, 188
Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою! II, 133
Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ? I, 254
Тебя пою на томной лирѣ I, 528
Телѣга жизни I, 373
Тимашевой, Е. А. I, 467
Тимковскій царствовалъ I, 377
То было вскорѣ послѣ боя II, 35
Товарищамъ, Къ I, 230
To Dawe, Esqr I, 505
Толпа холодная поэта окружала I, 497
Толстому, Я. Н.:
Стансы I, 282
Горишь ли ты, лампада наша I, 354
Толстому, Ѳ. И. (Эпиграмма) I, 293
Только что на проталинахъ весеннихъ I, 452
Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою I, 406
Торжество Вакха I, 250
Торжество дружбы или оправданный А. А. Орловъ VI, 177
Три дня купеческая дочь I, 419
Три ключа I, 479
Три у Будрыса сына II, 101
Трубчистая коса V, 154

Трудъ II, 69
Труды и замѣтки по русской исторіи V, 183
Трусоватъ былъ Ваня бѣдный II, 494
Туманскій правъ I, 391
Туманскому, Ѳ. А., Отвѣтъ I, 472
Тургеневу, А. И.:
Въ себѣ всѣ блага заключая I, 291
Тургеневъ вѣрный покровитель I, 239
Туто жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь V, 147
Туча II, 124
Ты богатъ, я очень бѣденъ I, 264
Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья I, 478
Ты видѣлъ дѣву на скалѣ I, 455
Ты въ страсти горестной находишь наслажденье I, 261
Ты вянешь и молчишь I, 400
Ты и вы I, 507
Ты издалъ дядю моего I, 417
Ты и я I, 264
Ты ль передо мною I, 52
Ты мнѣ велишь пылать душою I, 243
Ты не наслѣдница Клероны I, 77
Ты обѣщалъ о романтизмѣ I, 440
Ты правъ, мой другъ: напрасно я презрѣлъ I, 359
Ты правъ: несносенъ Ѳирсъ ученый I, 259
Ты рождена воспламенять I, 353
Ты слышалъ вѣсть смѣшную I, 114
Ты угасалъ, богачъ младой II, 127
Ты хочешь, другъ безцѣнной I, 56
Ты хочешь, милый другъ узнать I, 162
Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь II, 38
Тѣни полководца, Къ II, 75

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ II, 486
Увы, зачѣмъ она блистаетъ I, 296
Увы, языкъ любви болтливой I, 506
У Гальяни иль Кольони I, 468
Угрюмый сторожъ музъ I, 393
Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ I, 140
Уединеніе I, 285
Ужъ какъ грустно V, 168
Ужъ осень холодомъ дохнула II, 70
Ужъ я не тотъ любовникъ страстной I, 149
Узнаемъ коней ретивыхъ II, 118
Узникъ I, 350
У Клариссы денегъ мало I, 345
Умножайте шумъ и радость I, 246
Умолкну скоро я I, 328
У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону V, 169
Унынiе (Разлука) I, 212
Ура! Въ Россію скачетъ I, 255
Урну съ водой уронивъ II, 69
У русскаго царя въ чертогахъ есть палата II, 122
Усердно помоливши Богу I, 515
Усы I, 174
Утихла брань племенъ I, 136
Утопленникъ I, 512
Утро, Зимнее II, 19
Утро, Осеннее I, 214
Ушаковой Ек. Н.:
Въ отдаленіи отъ васъ I, 476
Когда бывало вспарину I, 475
Отвѣтъ. (Я васъ узналъ, о мой оракулъ) II, 36
Ушаковой, Елиз. Ник.:
Вы избалованы природой I, 522

Фавнъ и пастушка I, 177
Филарету, митрополиту, стансы II, 37
Филимонову, В. С. I, 503
Философъ ранній, ты бѣжишь I, 282
Философъ рѣзвый и Пиитъ I, 85
Фіалъ Анакреона I, 187

Фонтану Бахчисарайскаго дворца I, 297
Фонтанъ любви, фонтанъ живой! I, 297
Французскихъ риѳмачей суровый судія II, 109

Хавроніосъ, ругатель закоснѣлый I, 301
Хвостову, гр. Д. И. ода I, 441
Хованской, княжнѣ I, 478
Ходитъ Стенька Разинъ V, 162
Холопъ вѣчнаго солдата I, 292
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный I, 336
Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя I, 373
Хотѣлъ я душу освѣжить II, 34
Хотя стишки на именины I, 434
Хочу я завтра умереть I, 152
Христосъ воскресъ, моя Ревекка! I, 316
Христосъ воскресъ, питомецъ Феба! I, 176
Хромидъ въ тебя влюбленъ I, 304
Художнику (С. И. Гальбергу) II, 134
Художникъ-варваръ кистью сонной I, 286

Царскосельская статуя II, 69
Царь Никита (Начало сказки) I, 361
Царь увидѣлъ предъ собою II, 110
Цвѣтокъ (Цвѣтокъ засохшій) I, 518
Цвѣты послѣдніе милѣй I, 446
Цезарь путешествовалъ V, 137
Цензору посланіе первое I, 393
Цензору посланіе второе I, 397
Циклопъ II, 36
Цыганы (Надъ лѣсистыми брегами) II, 40
Цыганы, поэма II, 307
Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ II, 110

Чаадаеву, П. Я.:
Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ I, 310
Къ чему холодныя сомнѣнья I, 295
Любви, надежды, гордой славы I, 259
Онъ вышней волею небесъ (Къ портрету) I, 246
Часто, часто я бесѣдовалъ I, 115
Черепъ I, 484
Черна, какъ галка I, 479
Черная шаль I, 299
Чернильницѣ, Къ моей I, 312
Черновые наброски см. по первому стиху
«Черногорцы? что такое?» II, 489
Чернь I, 519
Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку I, 417
Чистый лоснится полъ II, 91
Чортъ-сватъ (запись нар. сказки) V, 180
Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой? II, 502
Что въ имени тебѣ моемъ? II, 7
Что въ разъѣздахъ Мей Янко Марнавичь? II, 476
Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья I, 401
Что же! Будетъ ли вино I, 413
Что же сухо въ чашѣ дно? II, 119
Что жъ новаго? I, 521
Что можемъ наскоро стихами молвить ей? I, 210
Что ни конскій топъ, ни людская молвь V, 163
Что пониже было города Саратова V, 165
Что смолкнулъ веселія гласъ? I, 432
Что ты, дѣвица, грустна I, 266
Что ты ржешь мой конь ретивый II, 501
Чудесный жребій совершился I, 324
Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ II, 112

Чья мысль восторгомъ угадала I, 285
Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей II, 81

Шалость II, 45
Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой I, 218
Шаль, Черная I, 299
Шекспиръ (Ромео и Джюльета) VI, 71
Шекспиръ (Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ) VI, 204
Шенье, Андрей I, 425
Шенье, Изъ:
Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая I, 483
Подражаніе I, 400
Покровъ, упитанный извительною кровью I, 453
Шишкову, А. А. I, 218
Шонингъ, Марья V, 80
Шотландская пѣсня I, 523
Штабсъ-капитану, Гете, Грею I, 238
Штейнгель (Прелестницѣ) I, 260
Шумитъ кустарникъ I, 459

Щербинину, М. А. I, 273
Щитъ, Олеговъ II, 15

Эвлега I, 64
Эгельстрому, П. И. I, 517
Эйхфельдтъ, М. Э. I, 334
Экспромтъ на А. I, 223
Экспромтъ (Полюбуйтесь же вы, дѣти) II, 98
Элегическій отрывокъ (Поѣдемъ, я готовъ) II, 26
Элегіи, Ѳракійскія (стихотв. В. Теплякова) VI, 397
Элегія (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье) II, 45
Элегія (Мой другъ, забыты мной) I, 328
Элегія (Опять я вашъ) I, 216
Элегія (Охъ, тетенька!) I, 435
Элегія (Подъ небомъ голубымъ) I, 457
Элегія (Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты) I, 368
Элегія (Счастливъ, кто въ страсти) I, 214
Элегія (Увы, зачѣмъ она блистаетъ) I, 296
Элегія (Умолкну скоро я) I, 328
Элегія (Я видѣлъ смерть) I, 213
Элегія (Я думалъ, что любовь) I, 219
Элегія (Я пережилъ свои желанья) I, 305
Эльвина, милый другъ I, 210
Эльвина (Надинька) V, 7
Энгельгардту, Вас. Вас. I, 267
Эпиграммы:
Аптеку позабудь I, 302
Аристъ намъ обѣщалъ I, 115
Больны вы, дядюшка? I, 223
Бывало, прежнихъ лѣтъ герой I, 115
Воспитанный подъ барабаномъ I, 411
Глухой глухова звалъ къ суду II, 36
Какъ брань тебѣ не надоѣла? I, 302
Когда бъ писать ты началъ сдуру I, 302
Къ N. N. (Счастливъ ты въ прелестнихъ дурахъ) II, 11
Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ I, 412
Любопытный I, 521
На Аракчеева I, 292
На Булгарина II, 38
На Волконскую княжну I, 216
На Воронцова I, 378, 418
На Дондукова-Корсакова кн. II, 131
На Каченовскаго I, 257, 301, 335; II, 28, 29
На Колосову, А. М. I, 265
На Кюхельбекера I, 224
На Муравьева I, 478
На Надеждина II, 29, 30
На Панаева, В. А. I, 357
На Петербургское наводненіе I, 411
На поэму кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова I, 114

Эпиграммы:
На Пучкову I, 225
На Разумовскаго I, 114
На смерть стихотворца I, 224
На Сѣверина I, 357
На Толстого, Ѳ. И. I, 293
На Ц. I, 411
Несчастіе Клита I, 114
Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати I, 356
Оставя честь судьбѣ на произволъ I, 336
Охотникъ до журнальной драки I, 411
Поэтъ игрокъ, о Беверлей Горацій II, 12
Составленъ онъ изъ подлой спеси I, 335
Супругою твоей я такъ плѣнился I, 114
Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ I, 140
У Клариссы денегъ мало I, 345
Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный I, 336
Эпитафія младенцу кн. Волконскому I, 490
Эпитафія, Моя I, 173
(Эпитафія) Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ I, 224
Эхо (Изъ Томаса Мура) II, 75
Эхо, безсонная нимфа II, 69

Юдину, Посланіе къ I, 162
Юдиоь II, 131
Юноша, полный красы II, 139
Юноша! скромно пируй II, 121
Юноша трижды шагнулъ II, 139
Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила II, 121
Юрьеву Ѳ. Ф.:
Здорово, Юрьевъ-именинникъ I, 277
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ I, 258
Юсупову кн. Н. Б. II, 21

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны I, 459
Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ II, 8
Я васъ люблю, хоть я бѣшусь I, 408
Я васъ узналъ, о мой оракулъ II, 36
Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы I, 303
Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ I, 467
Я видѣлъ смерть I, 213
Я вкругъ Стурдзы хожу I, 277
Я возмужалъ и, кажется, навѣкъ II, 142
Я вѣрю: я любимъ I, 291
Я говорилъ предъ хладною толпой I, 363
Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой I, 304
Ягода съ ягодой сокатилася V, 151
Я думалъ, сердце позабыло II, 133
Я думалъ, что любовь погасла навсегда I, 219
Я жду обѣщанной тетради I, 353
Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый I, 357
Я здѣсь, Инезилья II, 63
Я знаю, Лидинька, мой другъ I, 280
Языкову, Н. М.:
Издревле сладостный союзъ I, 389
Къ тебѣ сбирался я давно I, 476
Языковъ, кто тебѣ внушилъ I, 483
Языкъ и умъ теряя разомъ II, 36
Я Лилу слушалъ у клавира I, 221
Я люблю вечерній пиръ I, 288
Я мало жилъ и наслаждался мало I, 291
Я не люблю альбомовъ модныхъ I, 521
Я не рожденъ святыню славословить I, 464
Янко Марнавичъ II, 476
Янышъ королевичъ II, 498

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный II, 138
Я пережилъ свои желанья I, 305
Я помню чудное мгновенье I, 439
Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю I, 338
Я ускользнулъ отъ Эскулапа I, 267
Я ѣхалъ къ вамъ II, 7

Ѳеодоръ и Елена II, 479
Ѳракійскія элегіи, стихотворенія В. Теплякова VI, 397

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

BINDING LIST SEP 1 1947

459379
Pushkin, Aleksandr Sergyeevich
Полное собраніе сочиненій.
ТОМ 6
[Translit.: Polnoe sobranie sochineny. v.6]
LR
P9874
1921

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET